

№: 7-1929

ПРИКЛЮЧЕНИИ

ИЗДАВО
П.П.СОЙКИН
"ПРИКЛЮЧЕНИЯ"

Редактирует ЗАГАДАЙ-КА

ИТОГИ КОНКУРСА НА ПРЕМИИ № 11

В конкурсе участвовало 38 подписчиков. В зачет получили: 7 чел. — по $11\frac{1}{2}$ очков 2 чел. — по 11 очкам, 5 чел. — по $10\frac{1}{2}$ очков, 5 чел. — по $9\frac{1}{2}$ и 19 чел. — по 9 и менее очков. Премии распределены так.

- 1-я премия. „Демон“ М. Ю. Лермонтова — И. Горбачев (Новочеркасск).
- 2-я премия. «Пластическое искусство» М. Г. Грикуров (Москва).
- 3-я премия. «Саломея» — Оскара Уайльда — С. С. Батуев (Серпухов).
- 4-я премия. «Танцы, их история и развитие» — П. А. Скальский (Ленинград).
- 5-я — 10-я премия. Любые из имеющихся изданий П. П. Сойкина на сумму до 2 рублей: 5) Б. В. Смирнов (Одесса); 6) В. В. Замбрицкий (Ленинград); 7) С. И. Соколов (Москва); 8) Н. Попов (Пенза); 9) А. Г. Ганин (Сорока); 10) А. С. Погоржельский (Алма-Ата). — На последнюю премию в жеребьевке участвовали: 11) В. Морозов (Казань); 12) М. А. Чекалин (Москва); 13) Е. Крутиков (Баку); 14) П. Толстопогов (Баку).

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ

Шесть вол-ов. — Задача № 40

В	О	Л	Н	Е	Н	И	Е
Э	В	О	Л	Ю	Ц	И	Я
Н	А	В	О	Л	О	К	А
П	Р	И	В	О	Л	Ь	Е
П	О	Л	У	В	О	Л	К
П	Р	О	И	З	В	О	Л

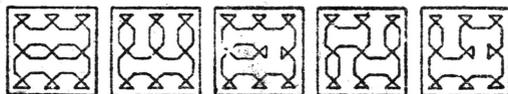
В решениях были даны преимущественно эти слова, за исключением предпоследней строки, где большинством приводилось наречие поневоле.

Голуби в океане. — Задача № 41.

При двух стоянках парохода в пути по $\frac{1}{2}$ часа, время пребывания почты в движении должно составить $144 \text{ ч.} - 35 \text{ ч.} - 1 \text{ ч.} = 108 \text{ часов}$, за каковой срок она должна пройти весь путь в 7.200 км. Если бы почта шла только на пароходе, то она за 108 час. покрыла бы дистанцию лишь в 5.400 км [$(7.200 : 144) \times 108$]. Недостающая до 7.200 км дистанция в 1.800 км должна быть наверстана за счет выгоды в скорости самолета сравнительно с пароходом, что составляет в каждый час 120 км ($170 - 50$); для наверстания 1.800 км требуется участие самолета в течение $1800 : 120 = 15 \text{ часов}$ (как именно они распределятся в обоих концах пути — несущественно). А на пароходе почта будет идти в течение $108 - 15 = 93 \text{ часов}$, на дистанции $50 \times 93 = 4650 \text{ км}$. — Неверны те многие решения, в коих последняя дистанция выводилась в 4670, 4675, 4720 и 4721 км (с разными дробями).

Сбейдите чередом. — Задача № 42.

Задача имеет очень большое (но всё же конечное) число решений; исчерпать их все трудно даже при пользовании каким-либо методом (С. С. Батуев привел свыше 500 решений). Ограниченное число решений имеют обходы замкнутые. Не найдет ли кто такие основные решения помимо пяти, представленных здесь на схемах?

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

ВЫХОДИТ
ЕЖЕМЕСЯЧНО

ПОДПИСНАЯ
ЦЕНА НА ГОД 5 РУБ.
С ДОСТ. И ПЕРЕС.

ГЛ. КОНТОРА И РЕДАКЦИЯ - ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8
ИЗДАТЕЛЬСТВО «П. П. СОЙКИН»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 7 — 1929 г.

	СТР.		СТР.
ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА „ЗА РАБОТОЙ“. — Присуждение премий	2	Систематический Литературный Конкурс „Мира Приключений“ 1929 г.	
«В ЧУЖОМ ВАГОНЕ», — рассказ И. Макарова (Буйного), иллюстрации Н. Кочергина	4	ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА № 1. Отчет о конкурсе В. Б. и решение рассказа — задачи «Записки неизвестного»	45
«ВОФИРЕ ЦАРЯ СОЛОМОНА», — рассказ Бориса Циммермана, иллюстр. А. Налетова	9	«ЛОДИК», — литературная задача № 7	48
«КАК ПОДЪЯЧИЙ НА ПУЗЫРЕ МЕТАЛ», — рассказ В. Бояновского, иллюстрации Н. Кочергина	19	„НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ“: «ИЗРАЗЕЦ ТИМУРА», — рассказ М. Сарыч, иллюстр. М. Пашкевич	49
«ЖИВОЙ МЕТАЛЛ», — научно-фантастический роман А. Меррита, иллюстр. Поля	27	«ТАЛИСМАН», — рассказ Г. Ратклиф, иллюстр. Ника	59
„ЗА РАБОТОЙ“:		„ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ“: «НОВЫЕ КИНО И ТЕАТР», — очерк с иллюстр.	64
«БОЛОТНАЯ ЧЕРТОВКА», — премированный рассказ А. Соймоновой, иллюстр. И. Карпова	36	«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» задачи	стр. 2 и 3-я обложки.
		ШАХМАТНЫЙ ОТДЕЛ стр. 4-я обложки.	
		ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК стр. 3-я обложки.	

Обложка в 7 красок работы художн. Марии Пашкевич.

„ЗА РАБОТОЙ“

Окончание конкурса.—Присуждение премий.

Объявленный Редакцией «Мира Приключений» в конце прошлого года Литературный Конкурс на лучший рассказ «За работой» имел целью отразить в художественной литературе отдельные моменты строительства Союзу Республик, наши культурные достижения и устремления, любовь к труду. Авторам предлагалось написать живые и действенные рассказы на фоне фабричных и заводских производственных процессов, освещая попутно обстановку и быт рабочих, а также дать повествования о важной и интересной, но часто незаметной работе скромных тружеников, заслуживающей, однако, по условиям ее особенного внимания советской общественности.

Насколько тема Конкурса нашего важна, назрела и «висела в воздухе», можно судить по тому, что несколько месяцев спустя литературные ассоциации обратились к своим членам с предложением заняться разработкой аналогичных тем и некоторые писатели уже выехали на места для изучения материалов. Но нельзя скрывать от себя, что задание нашего Конкурса было и очень трудное, ибо требовало от автора, помимо чисто социального охвата сюжета, непосредственной наблюдательности, близкого знакомства с бытом, в известной мере технических познаний и, конечно, литературного дарования, необходимого, чтобы живая и яркая правда жизни претворилась в художественные образы и запечатлелась в незабываемых картинах.

С другой стороны, круг участников нашего Конкурса был сужен условием, что в нем могут выступать авторами только подписчики журнала. Это ограничение, вполне соответствующее нашему основному принципу—преимущественной работы для своих постоянных читателей и для вовлечения их в круг общественно-литературных интересов,—в связи с серьезностью задания неминусом должно было отразиться на количественном и качественном результатах этого специального Конкурса.

Всесоюзный Литературный Конкурс «Мира Приключений» 1927 года, объявленный без ограничения темы и круга участников, собрал почти 900 рукописей и из них дал несколько поистине прекрасных произведений. Этот же конкурс привлек 129 рассказов. Цифра—относительно большая, если принять во внимание условия Конкурса, и наглядно свидетельствующая, что среди читателей журнала велик интерес и к литературе, и к общественной работе.

Жюри под председательством ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ АКАДЕМИКА С. Ф. ПЛАТОНОВА и в составе: АКАДЕМИКА Е. В. ТАРЛЕ, специалистов—ПРОФЕССОРА ДОКТОРА С. В. ГОЛЬДБЕРГА, ИНЖЕНЕРА В. Д. НИКОЛЬСКОГО, ИНЖЕНЕР-ТЕХНОЛОГА М. Ф. ФОГЕЛЯ,—и В. А. БОНДИ и от Издательства—П. П. СОЙКИНА, предстояла большая и сложная задача, так как премируемые рассказы должны были отвечать и строгим литературным требованиям, предъявленным Конкурсом, и всей совокупности его особых специфических условий, с выдвинутом на первое место общественным моментом.

Большинство присланных рукописей вовсе не удовлетворяло той или другой части заданий. Иные повествования давали рабочий быт в исторической перспективе, забывая современность и сосредоточивая внимание на прошлом; иные—сухо и деловито, совершенно вне беллетристических форм, описали отдельные производства; другие авторы сочли достаточным назвать героя рассказа «рабочим», оторвав его от фона и обстановки; у неко-

торых, наоборот, весь интерес обращен на этот фон и быт, зато беллетристическая фабула почти отсутствует; у нескольких—красивые даже лирические картинки со слабым развитием сюжета и т. д.

В результате совещания, состоявшегося 12 июля 1929 г., Жюри Конкурса постановляет:

I. Ни один из присланных рассказов не признавать достойным первой премии.

II. Не уменьшать, однако, общей суммы, ассигнованной Издательством на Конкурс.

III. Выдать четыре следующие премии:

2-ю ПРЕМИЮ в 200 РУБ. Б. В. БАЖАНОВУ (Тверь) за рассказ «ДИРЕКТОРША», тепло рисующий работницу выдвигенку, стоящую во главе большого производства. Жюри поощряет здесь благодарную социальную тему, но принимает в соображение и недостаточно широкий общественный охват сюжета автором, и литературную суховатость изложения.

3-ю ПРЕМИЮ в 150 РУБ. А. Ф. СОЙМОНОВОЙ (Ленинград) за рассказ «БОЛОТНАЯ ЧЕРТОВКА», правдиво и просто, но не вполне художественно повествующий о тяжелых первых шагах в захолустье Полесья идеологически настроенной молодой девушки—врача.

4-ю ПРЕМИЮ в 150 РУБ. ОЛЕГУ А. КРАМАРЕНКО (Харьков) за рассказ «ДВЕ СИЛЫ», менее значительный по сюжету.

5-ю ПРЕМИЮ в 100 РУБ. Б. В. БОЛОГОВУ (Москва) за рассказ «ХОДЫЛЬ» чисто бытового характера с некоторым налетом искусственности в языке и ситуациях.

IV. Перечисленные четыре рассказа напечатать в ближайших номерах «Мира Приключений».

V. Кроме того, из присланных на этот Конкурс произведений признать заслуживающими упоминания следующие, печатаемые в алфавитном порядке фамилий авторов:

«За работой»—Л. И. Александровская (Москва).—«За работой»—М. Н. Андропова (Ст-да Тверская).—«Ученье и труд»—Е. А. Бабенко (г. Бобров).—«День за днем» И. С. Благий (Хабаровск).—«Шелест таежный»—И. С. Благий (Хабаровск).—«На пловучих льдинах»—Г. Дауров (ст. Тулун, Томской).—«За работой»—М. М. Карт (ст. Апшеронская).—«За работой»—Т. И. Клушина (Петрокаменск).—«За работой»—А. Мортенсен (ст. Воломак).—«Картина у берегов Камчатки».—С. Металлист (Благовещенск/Амуре).—«Рассказ старого шахтера».—Н. Н. Михневич (Енакиев).—«Ревность».—И. С. Молодцов (ст. Каневская).—«За работой».—Е. И. Наливайко (Киев)—«За перегородкой»—А. Пильчевский (Киев).—«За работой».—А. Плаксин (Москва).—«Невидимка».—Н. К. Розеншильд (Майкоп).—«Тормаз Хрушова».—М. Стенанов (Москва).—«За работой»—Вероника Никольская (Козел).—«За работой».—В. М. Тюлягин (Дубровка).—«Безвестные чародеи»—А. Чернявский.—«Вагон № 58445»—Е. И. Шведер (Днепропетровск).

г. Ленинград.
12 июля 1929 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЖЮРИ, АКАДЕМИК С. Ф. ПЛАТОНОВ.

Рассказ И. И. МАКАРОВА (БУЙНОГО)

Иллюстрации Н. М. КОЧЕРГИНА

Я очень гордился тем, что поеду в купэ первого класса. При посадке я долго стоял на подножке оранжевого вагона, стараясь привлечь на себя внимание пассажиров из класса «Максим Горький». Все суетились и все, как я был уверен, смотрели на меня, как на нечто недостижимое. По моему, у них даже не хватало смелости заговорить со мной.

К нам подбежал какой-то мужичок с огромным полотном продольной пилы, свернутым в кольцо.

— Эгог — мягкий вагон! — самоуверенно и очень громко ошпарил я его. Он виновато понятился и пошел дальше.

Поезд тронулся. Я с подчеркнутой развязностью шатаясь по узкому и теплому коридорчику, желая этим убедить пассажиров, что я с детства езжу исключительно в мягких вагонах.

В соседнем купэ я увидел чернородого пассажира, очень плотного. Он приковывал цепью к полке чемодан из крокодиловой кожи и убеждал своего спутника, что доллар стоит два рубля и три копейки, а не ровно два.

— Эго было вчера, — говорил он.

Как раз ко мне подошел проводник и неожиданно спросил:

— Ну, как, в мягком-то?

Видимо он догадался, что я впервые в жизни еду в мягком. Я почувствовал, что краснею, становлюсь маленьким, и все же стал доказывать, что «мне уже не привыкать». Он терпеливо выслушал меня, улыбнулся и дружелюбно сказал:

— Ну, ступай в свое купэ.

Мне было обидно, что он назвал меня на «ты», но я поспешил скрыться: мне показалось, что из каждого купэ высунулись головы пассажиров и подслушали мое живое оправдание.

На следующей остановке в мое купэ села женщина с большими, как у рыбы, и тоскующими глазами. С ней был ребенок. Черный, с такими же как у матери глазами, он оказался очень болтливым, хотя выговаривал всего два слова: «ись» и «папа». «Ись» озна-

В ЧУЖОМ

Марии Амосовне Низовцевой,

«главному партизанскому врачу».

чало кошку, которую они везли с собой в Сибирь.

Женщина была молчалива и часто улыбалась грустной улыбкой, заставлявшей относиться к ней серьезно и нежно. Когда она улыбалась, на подбородке у ней образовывалась едва заметная впадина, а кожа на лице очень бледнела. И сама она в это мгновение походила на умирающую. На ней было каракулевое пальто вопиющей ветхости и потерявшее блеск. Заплаты из обыкновенной мерлушки паленого цвета вчистую сидели на нем. Все же оно необычайно шло к ее законченной фигуре, а мерлушковые заплатки ка-

зались укра-
шениями...

ВАГОНЕ

Я мгновенно забыл обиду, помог ей раздеться и тут же ушел надеть воротник и галстук, которые купил специально для поездки. Помню: я очень долго причесывал доселе взъерошенные волосы.

Вернувшись в купэ, я увидел, что чернобородый пассажир и его спутник сидят на моем месте и бесцеремонно распрашивают ее. Они называли ее Зинаида Васильевна. Ехала она в Иркутск, разыскивать своего

мужа, военного доктора. В Иркутске у них был свой дом, который она покинула перед самой революцией, уехав на юг

лечиться. Колчаковщина помешала ей вернуться тогда же. О муже она очень долго писала знакомым, но никто ей не ответил.

Видимо, их там не оказалось после переворота. И только одна знакомая купчиха, очень сочувствуя ей, написала, что муж ее будто «продался большевикам». Все же Зинаида Васильевна была уверена, что найдет мужа.

В вагоне, как в тюрьме, люди приобретают одну общую черту: они рады болтать любую чепуху. Обычно говорит каждый о себе и, пользуясь тем, что не знают друг друга, очень много лгут.

Так было и тут. Вскоре чернобородый начал рассказывать, как он много ездит, много зарабатывает на черной бирже, а мне хотелось нагругить ему и обозвать «паразитом». Но, вопреки своему желанию, я очень вежливо осведомлялся у него о ценах иностранной валюты, желая обратить на себя внимание женщины. Чернобородый старался не заметить моего вопроса и украдкой любовался на красивую

Зинаиду Васильевну. Я уже знал, что ему, как и мне, нравится ее мертвенная бледность, когда она улыбалась, и ямка на подбородке. Ребенок ему мешал, но он старался завладеть им и приласкать. Все внимание Зинаиды Васильевны было на чернородом. А я ревновал и ее, и ребенка.

Внезапная мысль озарила меня. Я достал пару конфет и поманил мальчика. Он перелез ко мне и внимание матери последовало за ним. Я воодушевился и, желая блеснуть, стал рассказывать одно за другим необычайные события из борьбы партизан с колчаковцами.

Оживление мое и красноречие росло с каждым новым рассказом. Быль и небывальицы плел я им, и всюду я был героем. Все слушали меня, потому что у меня был ребенок и что Зинаида Васильевна слушает и восторгается мною. А я чувствовал, как это бесит чернородого.

— В нашем отряде,—говорил я,—самый ужасный недостаток был — во враче. Мы воевали «всей волостью», потому что нас сожгли чехи. Неграмотная, полнолицая челдонка Степанида Зосимовна была у нас за главного врача. Самые сложные операции доверялись только ей, лишь потому, что она оказалась смелее и решительнее других баб. Простым кухонным ножом, безо всяких наркозов, она умела отрезать перебитую ногу или руку и, обложив черемшой¹⁾, наглухо забинтовать каким-то тряпьем. Затем она давала оперированному ковш самогону и дело шло на поправку. Слава ее была неопровержимой.

Один раз она вырезала пулю из ягодицы молодого партизана. Парень все время вопил тонким, кошачьим голосом. Но Зосимовна храбро кромсала сизые, окровавленные куски мяса, стараясь выковырнуть концом ножа пулю, и приговаривала:

— Егорша, замолчь окаянный, замолчь, язва тебе в глотку.

Парень орал, а мы держали его и хохотали. Еще бы: такая пустяковая рана, а он вопит! Но мы ошиблись. На третий день парень умер. К нему

пристал «антонов огонь». После его похорон мы хватились Степаниды Зосимовны. А она точно на облака уехала украдкой от нас.

Это событие совсем обескуражило наш отряд. Кругом кипела единственная со времени Ермака, но самая ужасная сибирская война — из-за кедр, из-за камня в спину, или засадой, или, наконец, в открытую ножевую резню. А мы бездействовали целую неделю. К нам присылали за помощью, но никто не хотел идти. Весь отряд перестал слушаться вожakov.

— Какая ляду война без дохтура!

— По домам следовать расходиться,—кричали партизаны, когда вожак пытался отправить кого-нибудь на помощь.

Все были сонные и злые. Говорили только о враче и о лекарствах, и кляли друг друга. Отряд был на волоске от распада. Спас его случайно большой суглобый парень Тимша Костылев. Он нечаянно для самого себя предложил пробраться в тыл, разнюхать врачебный пункт и отбить доктора.

— Лечить не будет, язва,—возразил ему кто-то.

— Жилы вытянем, будет,—бесповоротно рявкнул Тимша.

Отряд точно ожил. Драться стали втрое яростнее и все из-за врача. Точно желание приобрести врача было главной причиной кровавых схваток с чехами и колчаковцами.

Однажды у нас произошла неожиданная для обеих сторон стычка. Кончилась она быстро. Мы их нащупали первые и поэтому разнесли на голову.

Когда прекратилась драка, я ушел в сторону и сел на опрокинутый бурей огромный и густой кедр. Четыре дня назад меня ранили из пулемета: две пули вырвали клок мяса у меня под коленкой. Меня томила опухшая нога, я очень боялся «антонова огня» и потому страшно полюбил уединение. Наверно, крик и суета раздражали меня.

Я сидел на кедре, чувствуя, что скоро потеряю память. Рядом со мной стояла серебристо-лиственная осина, одинокая в кругу мохнатых кедров. Помню, что меня очень беспокоило

¹⁾ Дикий лук.

это обстоятельство — одинокая осина и трепетный звон ее листьев. Я думал о чем-то, но сам не знал о чем. Но думал я так упорно, что когда мой рассеянный взор приковал к себе один странный предмет, торчавший из-под кедра, я долго не мог угадать, что это. Но подсознательно тревога уже охватила меня. Внезапно я узнал, что предмет этот — пола французской голубой шинели. Я мгновенно вскочил и прицелился браунингом в полу.

— Вылезай, — хриплым шопотом приказал я. — Чувство страха перед минувшей уже опасностью овладело мной. Точно кто-то вел у меня по спине к затылку холодным и липким пальцем. Я ненужный раз щелкнул кареткой револьвера и посмелел от этого.

— Вылезай, пристрелю, — заорал я. И тогда под кедром кто-то зашевелился и завыл грубым голосом. Показались ноги и, наконец, человек в офицерских погонах с синими просветами.

Я машинально обыскал офицера. У него не было оружия и документов. При обыске я отобрал у него фотографическую карточку и, сам не зная зачем, сунул ее в карман.

— Ага, голубчик, — с злорадством протянул я при этом. Точно бы фотография была доказательством его непростимой и тяжелой вины.

Он попрежнему был ровным, грубым голосом, как плачет дитя, которому вовсе не хочется плакать. Я не знал почему сказал ему «ага», но чувствовал, что смерть уж обняла его.

Ни один офицер не уходил от нас живым. Это я подсознательно помнил.

Мне стало до боли жаль его, лишь потому, что он плачет, как ребенок, которому вовсе не хочется плакать. Мне хотелось спасти его, но я не знал, как это сделать. Отпустить офицера я не мог. Это я превосходно сознавал; таков был дух отряда. На миг я поборол в себе чувство жалости и опять сурово вывалил:

— Ага... пойдем, — и толкнул его в направлении стоянки отряда.

Он послушно тронулся и все также выводил свое монотонное — а-ы-ы-ы-ы.

Я шел за ним и думал: вот сейчас ему вкатят только одну нашу жестянку —

самодельную пулю — свинец, налитый в жестяную оболочку. О, я знал, что одной этой жестянки для любого силача хватит.

— Сразу ли умрет этот офицер, или придется добывать штыком? — подумал я. И мне не по себе было тяжело думать об этом. Чувство жалости к этому офицеру и желание спасти его, лишь потому, что он так монотонно плакал, снова проснулось во мне, но я не знал как. Повторяю: я не мог отпустить офицера, как бы не отпустил его любой партизан.

Вдруг офицер замолк и, обернувшись ко мне, сказал:

— Я же не воюю, я же доктор.

— Чего же молчишь? — заревел я и в этот миг вспомнил, что синие просветы на погонах означают доктора.

Я зачем-то выдернул из кармана его фотографию и, точно окончательно убедившись, что он действительно доктор, схватил его за рукав, быстро толкнул вперед и заговорил:

— Что ж ты молчал-то? Вот чудак! Вот чудак!

И так до самого отряда вел его и все время бестолково твердил:

— Вот чудак... Вот чудак...

Мы вышли на поляну и наткнулись на группу партизан, которая возилась у туши убитой лошади, разрезая ее на части в когел. Все были довольны свежим мясом.

Сутулый Тимша, тот, что предложил пробраться в тыл за доктором, поддерживал штыком, насаженным на берданку, ногу лошадиной туши.

Он оглянулся на нас. Я только было хотел крикнуть: «Наконец-то мы с доктором», как он в два огромных прыжка очутился около нас и с криком: «у, золотопогонная сволочь», — всадил доктору штык в грудь по самый хомутик. Я услышал жуткий хруст костей и онемел. Но через мгновение, опомнившись, я прыгнул на парня и вцепился ему зубами в щеку. Он ударил меня прикладом в живот и я лишился чувств.

После мне рассказывали, что я грыз мох, сдернул повязку с ноги и ногтями стал раздирать подсыхающую рану.

Опомнившись, я достал из кармана фотографическую карточку и долго смотрел на убитого доктора. Я помню,

что очень долго не мог разобрать надписи на паспорту. Но у меня было чувство необходимости во что бы то ни стало прочесть надпись. Эти минуты бестолкового глядения на фотографию доктора мне на всю жизнь врезались в память, несмотря на то, что я был тогда в полубредовом состоянии от раны.

— Врешь, — вдруг перебил меня чернобородый.

— Я вру? — стонущим голосом спросил я и, отвернувшись от него, продолжал: — Вот сейчас, Зинаида Васильевна, я вам рассказываю, но достаточно мне закрыть глаза, как все до малейшей подробности встает передо мной. — Вот, — повторил я и, повернувшись к ней лицом, закрыл глаза. — Вот тут, — указал я рукой на окно вагона, — партизаны кромсают тушу, а тут, головой к лиловому камню, — убитый доктор. А я сижу рядом, царапаю окровавившимися ногтями рану на ноге и гляжу на фотографию и никак не могу прочесть надписи на паспорту. Слово ее закрыли от меня зеленой густой кисеей. Но мне необходимо прочесть: я предчувствовал, что когда я прочту, мне будет очень легко.

— Понимаете, Зинаида Васильевна, — воскликнул я — состояние какой-то кошмарной дремоты. Я сейчас даже слышу тепло-сладкий запах туши. С огромным усилием, наконец, я прочел и снова лишился памяти.

— Врете, — уже мягче заметил чернобородый. Он торжествующе засмеялся, вызвав улыбку у спутника и у Зинаиды Васильевны. Я почувствовал, что и она не верит мне.

— Я вру? Я вам докажу сейчас — угрожающе произнес я и достал бумажник. — Вот полюбуйтесь! — воскликнул я, подавая фотографию убитого, с которой я никогда не расставался, как с жуткой памятью прошлого.

Лишь на одно мгновение глянула Зинаида Васильевна на карточку и стремительно вскочила. Мне показалось, что пружины порвались под ней и подбросили ее вверх.

Я инстинктивно сжался в комок и заслонил себя ее ребенком. Взгля-

нув на мать, тот испуганно закричал. В этот миг мне показалось, что в купе никого нет, кроме ее ребенка, которым я заслонился.

Она рванулась ко мне, выдернула от меня ребенка и, протянув тонкую, как белая змея руку, бездушно зашипела:

— Карточку... Карточку...

Потом она стиснула ребенка и истерично завопила:

— Детка!.. Деточка мой!.. Па-па!.. Папочка!.. Гриша!.. Гриша!..

Я опомнился, бессмысленно замигал чернобородому, умоляя помочь.

— Зинаида Васильевна... Зинаида... я пошутил... Зина... понимаете, я выдумал все... все...

Он понял мои знаки, стал громко смеяться и уговаривать Зинаиду Васильевну.

— Он врёт, я же говорил, он врёт — скрыто торжествуя, доказывал он, а мне повелительно бросил вполголоса:

— Уходите вы отсюда.

Я покорно вышел. А он успокаивал ее, уверяя, что это все выдумка этих, «с позволенья сказать, прол-л-летарских героев».

В вагоне поднялась суета. Пассажиры приходили в наше купе и, выходя оттуда, смотрели на меня, как на убийцу: со страхом и презрительным любопытством.

После остановки я вышел в уборную. Там я тщательно запер за собой дверь и долго смотрел в пазы: не подглядывают ли за мной.

Потом я заслонил спиной дверь, снова достал карточку доктора, убитого сутулым Тимшей. Я изорвал ее на малюсенькие клочки и бросил в урну.

Потом снова вернулся в купе и сказал, притворяясь веселым:

— Я пошутил Зинаида Васильевна. Разве бы я стал рассказывать такую правду про вашего мужа?

Она ничего не ответила. Взгляд ее был полон ненависти и страха.

Чернобородый на глазах у меня поцеловал ее ребенка и с оскорбительным презрением оглядел меня.

В ОФИРЕ ЦАРЯ СОЛОМОНА

Рассказ БОРИСА ЦИММЕРМАНА

Иллюстрации А. И. НАЛЕТОВА

I.

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ.

Южный Крест плавно качался перед глазами Гарленда. Теплый влажный воздух ровной струей несся в тьму ночи. В глухом шуме вспененных вод чудились вздохи и стелания.

На носу, под фонарем, шкипер Норлинг сонно дымил трубкой и методично сплевывал за борт. Два матроса, вглядываясь в воду, тихо переругивались. Какие-то хриплые выкрики и однообразное бормотание неслись порой из недр кузова. Фонарь раскачивался, выхватывая бесформенные клочья тьмы, и нудно-нудно поскрипывал.

Резкий удар... Что-то вздрогнуло и заскрежетало. Где-то зашипела вода. Южный Крест метнулся в сторону, замелькал скомканный, и тихо поплыл обратно. Свет фонаря бешено запрыгал во тьме и грохнул вместе с самим фонарем, сорвавшимся с реи. В крошечную тьму, словно из чертогов ада, ворвались приглушенные дьявольские вопли. Странно тихим показался голос шкипера. Казалось, он спокойно регистрирует происшедшее.

— Распороли-таки брюхо... Идем ко дну...

Следующая фраза была значительно громче и витиеватее. Мимо Гарленда пронеслась широкоплечая коренастая фигура.

— Скорее, дохлое отребье!.. Спужай вельбот... А не то — прямо в чрево акулам... Скорее, дьяволы!..

Судно дрожало мелкой дрожью. Кроваво-дымным светом запылал факел. На черном ускользящем фоне, в струящихся огненных отблесках, замелькали туманные пляшущие тени. Люди работали с лихорадочной по-

спешностью, безмолвные, словно онемевшие перед ужасом надвигающейся смерти. Скрипа блоков не было слышно. Не было слышно и всплеска юркнувшей вниз лодки.

— Ружья, компас, аптечку... главное — хину... Скорее!.. скорее, чорт! — торопил шкипер.

Одна, другая, третья... четвертая... Шесть теней мелькнули за бортом одна за одной. Рванулся красный свет факела и вдруг запылал внизу, над водой. Это седьмой и последний сошел в вельбот. В черных лоснящихся волнах разливались кровавые лужи огненных бликов. Заколыхались ребра ошестинившихся весел.

— Ра-зом, ра-зом... Ишь как воют... Черные дьяволы!..

Красное зарево факела, раздвоенное, заскользило во мраке. А покинутое погибающее судно вздрагивало, кивая во тьме грот-мачтой, и приглушенно выло десятками осатанелых глоток.

Черное и величественное небо тропиков безмолвно и загадочно перемигивалось с сияющими песчинками — звездами.

II.

ЛЮДОЕДЫ.

Дрожащей рукой поднес он таблетку хинина ко рту и торопливо проглотил ее. Его тело трясла зыбкая дрожь. Стволы деревьев двоились и плавно раскачивались. Бахрома лиан оживала и словно извивалась зелеными змеями. Ему казалось, что тело Норлинга раскачивается, как у пьяного. Что-то сверлило мозг и туманило глаза.

— Меня не на шутку прохватило... Чистейшая лихорадка!.. — пробормотал Гарленд с горькой усмешкой.

Норлинг повернул к нему хмурое, истощенное лицо. Жесткая судорога задернула ему уголок рта.

— Этого еще не доставало... Вам бы, черт возьми, шлаться в компании дэни на Пикадилли или Ридженд! И завесла же вас нелегкая на Соломоновы острова!..

С того дня, как они остались вдвоем, Норлинг говорил с ним презрительным тоном, с желчною грубостью. Разъяренный лишениями и крайне безотрадными перспективами, он дал полную волю своей жестокой и циничной натуре. Его грубые, почти животные выходы и беспрерывная ругань вызывали в Гарленде острую боль и негодование. Но Норлинг несравненно лучше его был приспособлен к условиям нового существования, без которых — Гарленд был уверен — грозила неминуемая смерть, и Гарленд терпеливо сносил оскорбления, отгоняя упорно преследовавшую его мысль о победе. Однако молчание и робкий голос Гарленда еще более ожесточали старого шкипера, и Норлинг все чаще, без всякого повода, изливал на нем поток своего сквернословия.

В сумраке чащи над ними безмолвно проносились белоснежные какаду и райские птицы. Ящерицы и змеи, как комки зеленоватой тьмы, сновали под ногами. Ветви колоссальных смоковниц и манговых деревьев, опутанные лианами, сливались в одну, казалось, совершенно непролазную чащу. Но Норлинг отыскивал ускользающую кабанью тропу, и снова они плелись, иногда ползли в своем узком коридоре, тяжело дыша и обливаясь потом.

Восемь суток прошло с того дня, когда выброшенные на болотистый берег они разделились на две партии. Пятеро — штурман О-Велли, боцман Грент и матросы Говард, Фарис и Менсфильд — пошли вдоль побережья, а Гарленд и Норлинг, шкипер шхуны «Тереза», вербовавшей черных рабочих, направились вглубь острова. Поводом к этому послужил спор между Норлингом и Патриком О-Вэлли. Норлинг упорно уверял, что катастрофа занесла их на западное побережье

Улавы. Он утверждал, что, перерезав напрямик остров, они скорее доберутся до фактории, находящейся на восточном побережье. Рыжий ирландец О-Вэлли упрямо твердил, что, потерпев кораблекрушение, они высадились на южной оконечности Сан-Кристовала. Он клялся, что во время плавания на «Плимутской Красавице» был в этих местах, и считал безумием углубляться в джунгли. В результате горячих и шумных дебатов, две группы, разделив припасы и бросив вельбот на произвол судьбы, зашагали по разным путям. Почему Гарленд пошел вместе с Норлингом, — он и сам толком не знал, — вероятно потому, что ему показалось неудобным оставить шкипера одного.

Гарленд безнадежно усмехнулся. Разве не одна судьба их ждет? Вчера, после того, как Норлинг признал направление окончательно потерянным, кружа по лесу, они наткнулись на следы каннибальского пиршества. Подле костра с обгорелыми костями они нашли в кустах кисть руки Говарда. Да, это была рука одного из тех пяти. Норлинг хорошо знал его татуировку.

Гарленд вздрогнул, вспомнив злой, безнадежный смех шкипера. Указывая на обглоданные кости своей команды, он с наглой откровенностью пророчил такую же судьбу себе и своему спутнику. Гарленд с жутью почувствовал страшный голос правды в его словах. К тяжелым страданиям тела присоединилось еще безысходное уныние. Таинственный язык звуков стал ему вдруг понятен. Эти шорохи, эти шуршащие сверху листья, эти странные заунывные выкрики, — что иное могут означать они, как не упорную осаду, невидимую коварную травлю?! Вот и сейчас сзади слышны какие-то подозрительные шорохи. Этот шелест смолкает только тогда, когда они остаются.

— Черт возьми, куда вы идетесь! — хрипло заговорил Норлинг. — А ведь вы, отец Симон, собирались жить в этих краях... проповедывать дикарям о боге белых... Да, безгрешные... Знаем мы вас!.. Вы мечтали дурачить наивных агнцев, потягивать коктейль

и наслаждаться вечным покоем.. Ха-ха-ха.. сотню пуль вам в сердце!.. Ха-ха-ха!..

Он часто напоминал Гарленду о его сане пастора и о том, что Гарленд ехал в одну из факторий острова Изабеллы в качестве миссионера среди туземцев.

Гарленд промолчал. Он отлично знал, что одно его слово вызовет целую бурю. Ругательства и злословия шкипера польются на него нескончаемым потоком.

— ...Я не стану возиться с вами,— злобно ворчал Норлинг. — Я не нянька желторотым младенцам.. Ах!.. Разболелись нежные ножки, ваше преподобие?.. Не можете идти?.. — Голос его стал нарочито ласковым. — Оставьте, где вам заблагорассудится, и ждите, пока лесные дьяволы не снесут вам благороднейший череп...

Голова его юркнула в узкую прореху в зеленой стене. И вдруг резкий, смертельный крик скомкал душную, теплую тишину. Гибкие ветви со свистом захлестнули воздух, и обезглавленное тело Норлинга забилось у ног Гарленда. Лезвие томагавка, алая кровью, выпрыгнуло из зеленой гущи. Вслед за ним мелькнула копна волос, облепленных красной глиной. Темная фигура, похожая на обезьяну, выросла вдруг в двух шагах от Гарленда. Он выстрелил в упор. Еще и еще... Закричал дико и бросился в рвущие, терзающие объятия джунглей.

III.

СИЯНИЕ.

Как-будто разорвалась искристо-черная мантия неба и на мгновение раскрыла чужой, лучезарный, сияющий мир.

Над жутким мраком распростертых внизу джунглей сиял невиданными лучами чудесный призрак. Между чудовищно-хаотичными изломами базальтовых скал струились и погасали отблески яркого пламени. Неописуемая гармония лучей пьянила взор почти неземною новизною. В ласковых бархатных переливах, казалось, струились

безудержный восторг, безумные страсти, чарующая музыка сфер. Беззвучное сияние жило почти чудовищной жизнью звуков, картин и красок.

В черном небе стусился мрак, мигая золотыми огоньками своих блесков. Невидимое сияние вспыхивало, дрожало, струилось, играло спокойно-умиротворенно тихой гармонией лучей и вдруг, обезумев, волновалось, давило и уничтожало бешенством резких, мучительно-ярких огненных срывов.

Темная фигура с головой Норлинга в руках выпрыгнула из зеленой гущи.

У края почти отвесной базальтовой стены, между узлами обнаженных корней, жалась маленькая фигурка. Забыв тяжелые страдания, Гарленд любовался загадочною игрою стихии. На минуту зыбкая дрожь, лихорадка, головокружение и невыносимый зуд соломоновых язв покинули его. В отуманенном мозгу вспыхнуло просветление. Это ласкающее мгновениями, — мгновениями терзающее, словно испепеляющее каждый атом материи сияние как будто очистило его брэнную оболочку от уз страдания. Забыв о преследователях — кровожадных охотниках за черепами, — он любовался странным явлением. Он весь проникался этим чудом пылающих красок, словно растворялся в этой грандиозной игре световых эффектов.

Этот новый мир открылся перед ним в тот момент, когда уже истерзанное, обессиленное тело, казалось, ничего не могло почувствовать.

Он помнит нескончаемую погоню, прогняные крики, тонкое жужжание стрел. Густые заросли, мягкие, влажные, ласкающие, жгучие, терзающие... Бесконечные колонны стволов, стрельчатые ветви пальм, сети лиан. Он бежал, падал, продирался в сплошной гуще зелени. Разрывал сплетения ветвей голыми руками... Шумело в голове, звенело в ушах, и глухой рокот смятенной крови и чувств давил под стегивал, гнал без конца, без остановки, без отдыха — вперед.

Громкая палица, усаженная кремневыми шипами, со свистом прорезала воздух у его уха. Острый сагай зашел жалобно и бешено забился, вонзившись в пальмовый ствол. И звенели, звенели... и порхали, порхали без конца стрелы. Сколько раз он останавливался и стрелял — не сохранила память. Странно, но выстрелы его, произведенные наспех, все же разили с удивительной меткостью. Он помнит исполосованную рубцами фигуру, свалившуюся у громаднейшего баньяна; помнит лохматого полузверя, вдруг жалобно завывшего, вися в воздухе и размахивая руками в густых ветвях так, как утопающий машет в воде. Раз даже он захохотал торжествуяще, — в этом

хочоте он узнал своих диких преследователей, — когда увидел, как на грязной груди коричневые пятна узоров вдруг потекли кроваво-красными струями.

Он бежал даже тогда, когда все стихло сзади; бежал долго, приученный не доверять ложной тишине. Он уже ничего не чувствовал и не замечал. Где-то под темной оболочкой бесчувствия бился инстинкт, и только один он руководил теперь каждым его движением.

В лохматой, изодранной, окровавленной фигуре, с безумно выпученными глазами, невысказанно было узнать того, кто еще недавно, с широкими идеями в душе и довольством в теле, важно восседал в единственном шезлонге шхуны «Тереза».

И вдруг голос далеких предков, голос старого, как мир, инстинкта, живущего в крови, заставил его остановиться. Он стоял на краю базальтовой стены, у края пропасти. Рука его без дрожи сжимала гибкий качающийся ствол в то время, когда ноги уже скользили по гладкому искрящемуся камню.

Ночь настороженно вслушивалась в порохи тьмы. На громадной глубине внизу чернели в первоначальном хаосе водруженные временем глыбы скал. Белые клочья между обломками вторгались в мозг смутным намском о клочущей, рвущей камень в бесильной злобе яростной реке. Серые тени, разбросанные вдоль скал, казались отсюда жалким кустарником. Это были роши колоссальных баньянов. А дальше — беспредельная, неохватная полоса черноты. Это джунгля, — суровая, мрачная джунгля, окутанная ядовитым миазмом лихорадки, — джунгля, жутко и злобно замершая в сонных объятиях мрака.

Гарленд слегка приоткрыл воспаленные глаза. Тихий крик — не то стон, не то клич радости — вырвался из его груди. Неведомое сияние коснулось его глаз. Сноп лучей опутали его, закружили, вырвали из дьявольского кольца зарослей и вознесли в бесплотный мир играющих красок, света и теней.

Что это было? Действительность? Бред? Безумие?

Нет, это не было безумие! Это не могло быть и бредом. Нет... нет... Это была действительность, непонятная и чарующая явь, открывшаяся глазам измученного, полумертвого смертного.

IV.

ОЗЕРО.

Палящее око солнца злорадно ухмылялось в зените. Над беспредельными пространствами джунглей струились тяжкие волны зноя. Безоблачное небо светлело и обесцветивалось, впитывая в себя густые струи земных испарений. Движение и шум — верные спутники жизни — исчезали, словно смытые потоком беспощадного, нестерпимого жара. День тропиков был еще молод. Так вот где — источник чудесного сияния, думал Гарленд.

Под его ногами, поблескивая серыми струями застывших лавовых потоков, сползал в глубь кратер вул-

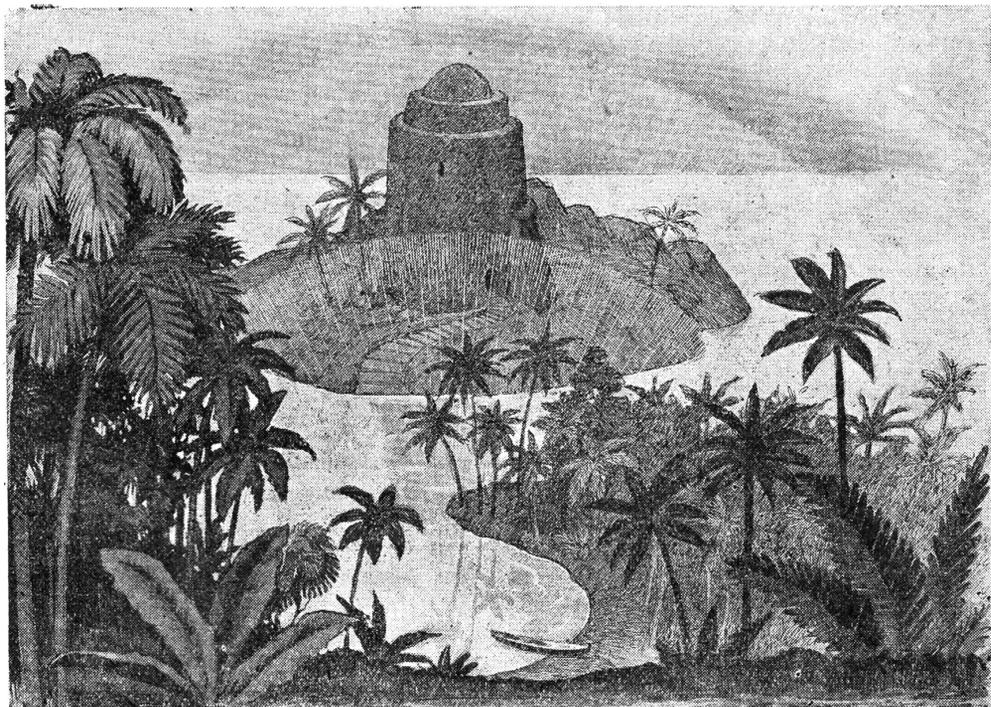
кана. Громадные фумаролы, слабо дымясь, рассекали по радиусам изрытую временем, тускло блестящую стену совершенно голых склонов.

На дне кратера, окутанное странным серебристым сиянием, застыло зеркало озера. В его центре червел грубыми изломами скалистый выступ и на нем крепко прилепившееся одинокое цилиндрическое строение. Будто башня, старинная, уже кой-где задетая временем.

Гарленд бросил взгляд по сторонам. На расстоянии десяти километров — ни единого клочка растительности, ни единой травки. Совершенно голая пустыня среди непроходимых джунглей, и этот фантастический цветущий кратер — в середине пустыни.

Но откуда же исходит сияние? Где рождается мощь и прелесть его многоцветных переливов?

Гарленд снова переживал непонятное возбуждение чувств, рожденное ночным призраком. Сейчас его нет. Он исчез вместе с ночью, захвачен-

На дне кратера, окутанное странным серебристым сиянием, застыло зеркало озера. В центре — на скалистом выступе — одинокое цилиндрическое строение...

ный растаявшим саваном звездного неба. Но над водою озера серебрится странная оболочка, как будто легкий пар, расцвеченный алмазными искорками. Это и есть сияющий призрак. Он бледен и жалок в потоке солнечных лучей, но ночью снова разгорится в загадочной прелести своих оттенков.

Гарленд не сомневался больше. Положив винчестер рядом, он с гримасою боли опустил на горячие камни. Тело его напитано ядом москитов. Между пальцами ног и по всему телу сочатся кровью соломоновые язвы. Все плывет и раскачивается перед глазами. Но, все-таки, он добрался к источнику таинственного сияния. Его жалких сил хватило для этого. Удивительно! Он, самый слабый и неопытный из всех семерых, если и умрет, то умрет последним.

Гарленд прислушался — ни звука. На голой равнине, окаймленной вдали кольцом джунглей, ничто не шелестит. Почему они не идут убить его? Ведь здесь ему негде укрыться от их палиц, сагаев и стрел! Странно, дикари, как-будто, покинули его?! Жуткое безмолвие вокруг. Только звенит в ухах от лихорадки и страшного зноя, накаляющего камни.

Солнце неподвижно застыло над головой. Отвесные лучи его словно желают прожечь, пробуравить землю.

— Это место — табу... Да, да, это место — табу... Я в безопасности... — вдруг выплывает из путаницы мыслей почти равнодушная догадка.

V.

СВЯТИЛИЩЕ.

Припав ртом к неподвижной поверхности озера, жадно и долго пил он теплую, почти горячую воду. Странная дрожь, подобная электрическим разрядам, пробежала по его телу, но вдруг почувствовал он, несмотря на тяжесть в желудке, неожиданный прилив бодрости.

Он поднял маленький острый осколок и бросил его в озеро. Блестящее

зеркало взмутилось, вспыхнуло белым пламенем и серебряными сияющими кругами забило о каменистый берег. Гарленд посмотрел, улыбаясь, на эту призрачную бесшумную игру таких ярких ночью и таких жалких в сиянии солнца лучей и зашагал среди хаоса обломков и застывших потоков лавы.

Густой, слегка пахнувший серою, воздух прозрачными волнами расступался перед ним. Он заметил, что у каждого острого выступа, даже у кончиков его пальцев, бесшумно вспыхивают пучки тусклых радужных лучей. — Пирого! — пробормотал он, наткнувшись на большую, выдолбленную из ствола дерева лодку.

Он притронулся к ней. Дерево было источено временем, и края у бортов совсем почернели, прогнили. Мелькнула мысль перебраться на лодке на скалистый островок и взглянуть в таинственный цилиндрический дворец. Осторожно стащил пирогу в воду и щуповал, не рассыпется ли под тяжестью тела. Лодка протекала, но сравнительно слабо. Расстояние небольшое — можно рискнуть. Гарленд оттолкнул лодку от берега, вскочил резким движением и неуемно заработал веслом. Лодка качалась под тяжестью тела и медленно заскользила по гладкой поверхности.

— Что, если бы увидели отца Симона сейчас его лондонские друзья? подумал он о себе с горькой иронией.

Глаза его скользили по жалким обрывкам брюк, из-под которых глядели сочащиеся кровью струпья язв. Онемевшие руки едва налегали на хрупкий осколок весла. Вода вспыхивала, разгоралась, обволакивала лодку и человека белесым, колышающимся пламенем. Безжизненное озеро, разорванное пирогой, снова смыкало за ней свои воды, но долго еще над зеркальной ясностью струились белые сияющие спирали и вырывались узкие языки серебристого пара.

С мягким стуком лодка уткнулась в гладкую, серую толщу скалы. Не без удивления Гарленд обнаружил довольно искусно высеченные сту-

пеньки. Они привели его к подножию цилиндрической башни. Узкое черное отверстие венчало каменную лестницу. Наклонившись, Гарленд заглянул в углубление. На него пахло сыростью и затхлым застоём веков.

Он постоял враздумьи и, наконец, выставив вперед дуло винчестера, пополз в отверстие. Несколько садин заставили его вскрикнуть. Что-то живое пробежало по его телу. Он задрожал и завизгал быстрее. Это были скорпионы. Он заметил их в тот момент, когда уже встал на ноги в большом зловонном помещении.

Он шагнул внутрь и сразу же закашлялся от удушливой пыли, поднятой его движением. Тяжелый воздух жесткой спазмой застревал в горле. Где-то вверху через маленькое отверстие сочился скудный свет, но этой впадины недостаточно было для вентиляции.

Ноги Гарленда запутались в каких-то мягких и цепких обрывках. Едва не свалившись, он ухватился рукой за что-то твердое и гладкое, и вдруг замер, бессильный вскрикнуть перед ужасом открывшейся ему картины.

В центре цилиндрической залы лежала гора закопченных камней, еще усыпанных серым пеплом. А над этим очагом, вдоль стен и через всю залу, на протянутых жердях висели десятки — нет, сотни! — почерневших человеческих черепов. На полу, вдоль стен, полузасыпанные пеплом и пылью скалили зубы скелеты крокодилов, акул и змей. На тонких бечевах висели всевозможные амулеты и очистительные жертвы. Из серых впадин в стенах глядели уродливые, исковерканные временем, деревянные идолы. Непристойные сценки, полускрытые копотью, полусыпавшиеся, испещряли изрытые трещинами камни. С потолка свешивался громадный деревянный фаллус.

Это было святилище, — какое-то древнее святилище, хорошо скрытое в джунглях Соломоновых островов их первобытными аборигенами.

Шатаясь и задывая зловонные черепки и амулеты, Гарленд уже напра-

вился было к выходу, когда яркое сияние на пути вдруг остановило его. Холодная спазма страха еще сильнее сжала его сердце. Он остановился, чувствуя ледящий холод где-то у кончиков волос. Неизведанный раньше мистический ужас парализовал его движения. В ожидании какой-то страшной беды, он тихо шептал обрывки молитв.

В серой пыли и пепле беловатым, неподвижным светом мерцали два человеческих скелета. Этот холодный свет, озарявший белые полуистлевшие кости, струился в провалах глазниц, в оскаленном прорезе челюстей, и словно смеялся жуткими гримасами смерти.

Гарленд порывисто двинулся к выходу. Какой-то предмет лягнул металлом под его ногами. Он задрожал с ног до головы, но все же бессознательно нагнулся. Это был кремневый мушкетон, какие употреблялись лет триста с лишним назад. На полке его еще виднелись следы пороха. Ржавый ствол и приклад хранили еще причудливый узор старинной резьбы и инкрустации. Откуда здесь, в затерянном святилище звероподобных людей, этот древний карабин?... Это было уже сверх понимания.

Гарленд опустил приклад — что-то мягкое с шелестом скользнуло по его руке. Что это? Наверное, пыж... Он провел ладонью по стволу, притронулся к затвору... Нет, это не пыж!... Между винтом курка и кремнем — маленькая желтоватая трубочка... Рукопись, чье то послание?!... Осторожно развернул он ветхий свиток и поднес его к глазам. Да, это — старинный пергамент, испещренный какими-то выцветшими знаками...

Гарленд зажал его в руке и, пугая стуком ружья скорпионов, скользнул в узкий провал выхода.

VI.

СВИТОК

Через несколько минут, привыкнув к ярким лучам солнца, ослепившим его в первое мгновение, Гарленд

с жутью разбирал содержание пергамента.

Рукопись была на латинском языке. Ее писали два лица и в разное время. Одна часть была написана кровью и сильно пострадала от времени. Некоторые строки и буквы невозможно было разобрать. Обрывки слов приходилось дополнять воображением. Эту часть писала дрожащая, неверная рука... Другая часть, нанесенная свинцовой палочкой, хорошо уцелела. Почерк был смелый, размашистый. Писала твердая, спокойная рука...

Вот что прочел Гарленд:

— «В лето от Рождества Христова 1568.

Мы, жалкие рабы Великого Бога, подданные Короля Испании, Южной Италии и Нидерландов, Могущественнейшего Филиппа Второго, первые из Божьих людей, после царя Соломона, в забытом краю «Офир», Дон Альваро Мендана де-Нейра, Дон Франческо де-Сааведра, Педро Альварозо, Эрнандо Гальего, — провели в этом святилище смерти ужасные минуты... За что разгневался на нас Господь Наш? Дон Родриго де-Андрозо, Дон Диего де-Вэзаро... умерли мучительной, страшной смертью... Они пили воду из серебряного озера... Ужас смутил сердца наши. Ночью их трупы светились, и в глазах сияло радужное пламя. Мы оставляем этот пергамент, написанный кровью жил наших, и бежим... в глазах мелькают искры. Мы плохо различаем друг друга. На теле нашем выступили кровавые язвы... Если рука Бога остановит нас, кто бы ни был ты, смертный, помолись о душах наших!...»

На этом обрывалась первая часть рукописи, написанная кровью, и начиналась вторая, написанная свинцовой палочкой.

— «В лето от Рождества Христова 1588.

Преклоняю голову перед прахом Великих и молю за души их я, чья душа не найдет прощения в чертогах Всевышнего.

Родриго де-Андрозо и Диего де-Вэзаро, Вы стали жертвой своего неведения! В сухое время года «сверкающие воды» несут смерть всякому,

кто к ним прикоснется. Но знали ли Вы, что «одинокое озеро» теряет свой яд в период больших дождей, становясь вместилищем жизни и исцеления?

Я, Генри Кавендиш, пират, захвативший двадцать три каравеллы с серебром, золотом и драгоценными камнями, разбивший и потопивший эскадру из шести галионов короля Испании и Нидерландов; я, чьи бригантины наводят трепет на все корабли в океанах, — я пил воду из этого «одинокое озеро» и исцелился от страшного недуга, который терзал мое тело.

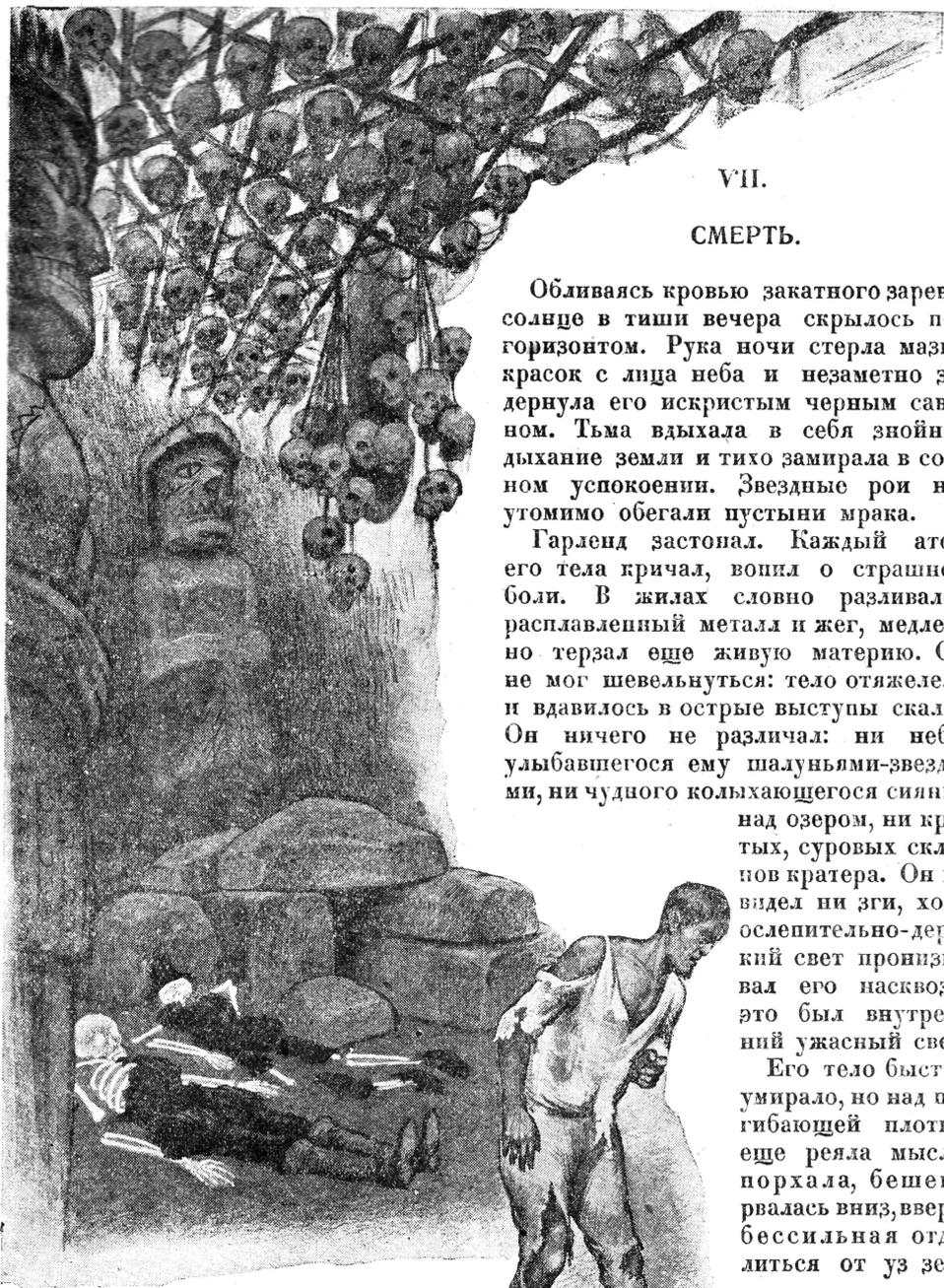
Видит Бог истину в словах моих и видите ее и Вы, Родриго де-Андрозо и Диего де-Вэзаро, — Вы, которые осенены мудростью Царства Мертвых!»

Глубокий вздох вырвался из груди Гарленда.

Так вот кто здесь был! Альваро Мендана... Мендана со своей славной командой, неустрашимо разрезавшей синие дебри океанов, борющейся с бурями, мелями, голодом и лишениями. Так вот чьи кремневые штуцеры стучали под закопченными сводами этого «музея черепов» три с лишним сотни лет назад!

Лихая стая конквистадоров, ринувшаяся в океан в поисках за золотыми сокровищами царя Соломона, в этом жутком святилище оставила свою кровавую жертву... Кому?... Кто погубил их, бесстрашных? Кто вырвал жизнь из закаленных в пороховом дыму крепких тел Диего де-Вэзаро и Родриго де-Андрозо?...

... А этот жестокий корсар Кавендиш?... Кавендиш, чье имя с трепетом произносили моряки во всех уголках водного простора... «Жестокий Генри», чьи легкокрылые фрегаты объехали весь земной шар... Это он, свирепый, неутомимый, обнажив шпагу, преклонил голову свою перед сияющим прахом в этом мрачном святилище смерти. Мускулистой рукой, часто развешив на смерть, набросал он краткие строки о своем исцелении, не желая, чтобы правда навсегда была скрыта от взора людей... Не знал ли он сам, что за чудесная сила, убив Диего де-Вэзаро и Родриго де-Андрозо, исце-

VII.

СМЕРТЬ.

Обливаясь кровью закатного зари, солнце в тиши вечера скрылось под горизонтом. Рука ночи стерла мазки красок с лица неба и незаметно задержала его искристым черным саваном. Тьма вдыхала в себя знойное дыхание земли и тихо замирала в сонном успокоении. Звездные рои неутомимо обегали пустыни мрака.

Гарленд застонал. Каждый атом его тела кричал, вопил о страшной боли. В жилах словно разливался расплавленный металл и жег, медленно терзал еще живую материю. Он не мог шевельнуться: тело отяжелело и вдавилось в острые выступы скалы. Он ничего не различал: ни неба, улыбавшегося ему шалуньями-звездами, ни чудного колышущегося сияния

над озером, ни крутых, суровых склонов кратера. Он не видел ни зги, хотя ослепительно-дерзкий свет пронизывал его насквозь: это был внутренний ужасный свет.

Его тело быстро умирало, но над погибающей плотью еще реяла мысль, порхала, бешено рвалась вниз, вверх, бессильная отделиться от уз зем-

лила его?... Знал ли «жестокий Генри»??...

Гарленд вскочил на ноги, сжимал ветхую рукопись. Потом присел... Блеск глаз его ушел куда-то вглубь, и в пустоте нарождался ужас. Он, не мигая, глядел в серебряную заводь озера. Лицо его было бледно...

Беловатым, неподвижным светом мерцали два человеческих скелета...

ного, и, жалкая пленница, рыдала, кричала громко, неистово, еще более усиливая страдания уже полумертвого тела.

Однажды, еще в Кембридже, — Гарленд только в этот смертный миг вспомнил об этом, — Оливер Стэн, маститый профессор физики, показывал группе студентов, в том числе и ему, опыты с радием. Ничтожная крушинка радия на острие иглы отбрасывала яркое сияние. О, Боже!... ведь так же сияет это зеркальное озеро, таким же ровным, холодным светом!

Смерть Родриго де-Андрозо и Диего де-Вазаро, исцеление корсара Кавендиша... Не одна ли тайна скрыта в этом? Да, да... Теперь ему все ясно. В этой тихой воде озера растворены соли радия. В период засухи, густо насыщая пересыхающее озеро, они несут смерть. В период дождей, разбавленные массами воды, не способные убить, они приносят исцеление.

Да, да, это радий — убийца и целитель! Это его колоссальная энергия вырывается из тихих недр в ярком, чудесном сиянии.

Радий, радий... Мощный синтез всех энергий мира! О, Боже! Это он

жжет его тело, пронизывает его насквозь неимоверным жаром и светом, колет и режет своей чудовищной мощью. Проклятый радий! Убийца, беспощадный, коварный!...

— Проклятый... проклятый... проклятый... — шепчет Гарленд холодящими губами.

Он умрет сейчас... Зачем он пил воду из зеркального озера?! Он умрет!... И многие сотни лет в углублении скалы будут светиться его кости призрачным белым светом... Гарленд застонал, тихо-тихо, едва слышно.

Чудесное яркое сияние, разгораясь и пламенея, уносило его, уже неведомого, на легких крыльях забвения в пучины края мертвых. Он отдавался этому беспредельному, всеметающему, непреодолимому потоку. Зачем сопротивляться?..

Бешеный огненный вихрь подхватил его и бросил в вечный мрак бесчувствия. Он открыл глаза, но в них уже глядело холодное равнодушие смерти.

... Над мраком джунглей, словно осколки дороги в бесконечность, переглядывались и мигали негасимым светом искорки-звезды.

Кап подъячий на пузыре летал

Рассказ
В. БОЦЯНОВСКОГО

Иллюстрации Н. КОЧЕРГИНА

В то время, как обе столицы, старая Москва и новый Санкт-Петербург только и думали о том, что им даст новое царствование вступившей на престол царицы Анны Иоанновны, глухая Рязань была взволнована событием, происшедшим здесь в 1731 г. на глазах у всех обывателей, событием, о котором, правда, под большим секретом рассказывали всюду, но которому многие даже не верили.

Началось с того, что как-то вскоре после смерти царя Петра, так примерно года через два, на главной улице Рязани появился какой-то незнакомый никому, — очевидно, пришлый человек.

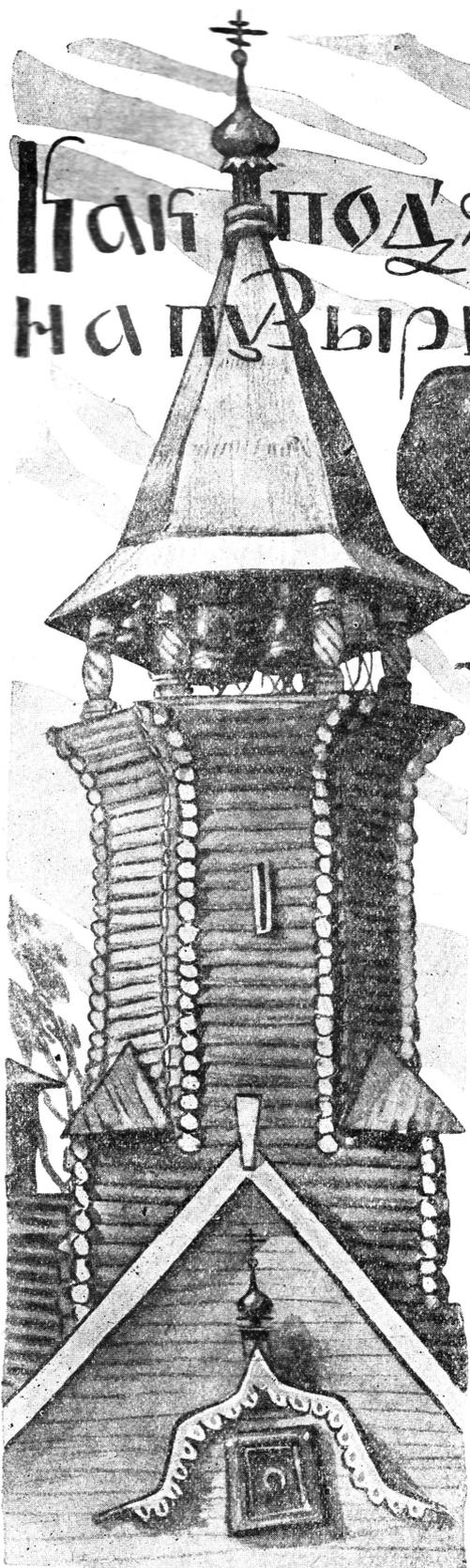
Невысокого роста, худенький, лет сорока не больше, он одет был в кафтан темно-зеленого цвета, солдатского образца, какой ввел у нас царь Петр. Нисколько, поэтому, неудивительно, что первый же встречный остановил его, поздоровался и полюбопытствовал, откуда он, куда идет и вообще все такое...

— Из Питера иду, — ответил прохожий.

Лицо рязанца выразило не то удивление, не то любопытство, не то даже недоверие.

— Из самого Санкт-Петербурга, — подтвердил прохожий.

И затем рассказал, что идет именно сюда, в Рязань, что это его родной город, но здесь у него никого нет

и вряд ли кто его знает. Рос он без отца, без матери, а как у него был хороший голос, то взяли его сначала в Спасский монастырь певчим, а потом отравили в Москву.—А вот,— закончил он краткую повесть о своих странствиях,—сейчас домой потянуло. Скопил малую толику денег, домишко тут у вас выстрою и век свой хочу на родной земле дожить.

Звали его Крякутной... Чудно звали... Таких в Рязани не было, да — и самое имя какое-то непривычное... Прозвали здесь его скоро подъячим. В подъячих он не служил, а прозвали так потому, что смахивал с виду на воеводского подъячего, что умер лет десять перед тем, а больше потому, что был хорошо грамотный. Бывало, кому там просьбишку какую, али клаузу, сейчас к Крякутному.

— Ну-ка, говорят, бывало, Крякутному,—крякни Иван Аникитыч, напишико-сь просьбицу.

И он сейчас это, безотговорочно — куда хочешь,—хоть в сенат. И напишет толково, ясно, да еще со всяким украшением. Человек он был хороший, добрый. Домишко себе выстроил на самом краю города, правильное, совсем за городом, у самого болотца. Рязанцы там больше на уток охотились, а в соседний лесок за грибами ходили. Домишко у него был маленький, жил он скромно, а для прокормления себя занялся тем, что стал гнать смолу да деготь.

— Черный, как чорт, наш подъячий,—говорили про него рязанцы,—но жили с ним дружно.

Бывало, купит у него кто-нибудь ведро смолы, а он ему бесплатно разрешает стать прямо в сапогах в бадью с дегтем... Другой нарочно еще подольше постоит, чтобы кожа дегтем больше прошла... Он ничего... Пожалуйста, стой... Полюбили его молодые парни. Уж как только воскресенье, али какой праздник, так сейчас—айда к Крякутному. Девки стали даже обижаться.

— Что это, говорят, дедка Крякутной у нас женихов отбивает...

И верно. Занятный был человек. Чего-чего только он не знал, чего в своей жизни не видывал. Бывало,

как начнет рассказывать про царя Петра, да про то, как он вместе с ним по заморским странам катался, тут все и уши развесят.

Другой раз вспоминал Крякутной про царские праздники...

— Комнаты, бывало, устелют сеном, так с пол аршина сена, чтобы мягче было, когда пьяные будут валяться, ну и там, что с ними будет, убирать чтоб было легче, а кругом шуты орут, кричат, дерутся... Особенно один... Звали его Медведь-Вытащи... Ходил он в медвежьей шкуре, на голове была шляпа с четырьмя рогами... И все пили... что быки...

— И царь?

— И царь... А только он больше напавать любил. Был при ем посланник один... Датского короля... Чтобы не пить—спрятался, забрался на самую высокую мачту. Так что вы думаете? Заметил царь. Взял это кружку в зубы и сам на верх прямо к немцу. Заставил таки выпить эту кружку, да еще чегыре таких же!..

— Ну и царь,—говорили слушатели,—ой, да озорной же... Ой, озорной...

Крякутной не особенно заступался за царя.

— Что и говорить, озоровал царь...— почти соглашался он...—Шуты у него были, как у других бояр. А только он напускал их против знати больше... И против патриарха, да архиереев. К примеру, в прежние времена, в Москве, в вербное воскресенье, бывало, патриарх ехал верхом, а царь вел за поводья. Царь своих патриархов, да архиереев завел... Его шуты всешутейший священный собор изображают, по всему городу разъезжают на ослах, волах, а то и в повозках, а заместо лошадей — свиньи, да козлы. И все это пьяным-распьяно... Многие за это его антихристом даже звали.

Однако, не про одни царские потехи рассказывал Крякутной. Каждый раз что-нибудь и другое, бывало, припомнит. Особенно из того, что он с царем вместе видывал в Голландии, да Франции.

— В городе Лейдене это было,— рассказывал он однажды,—видел я анатомию над одним человеком мужеска полу, которова была голова отсечена,

в таком способе: в одной палате то тело вынато из гробу и положено на доску свинцовую; так та доска велика сделана, как можно человеку лежать, и края загнуты, как жаровни большие делают железные. И тут дохтур Быдло, собрав всех студентов той науки, и почал его разнимать причинные вещи и оказывать жилы от рук и до ног, как и куда действуют. И при том оказыванье на всякое место тем студентам толк дает и дает всем осматривать и руками ощуповать; а то все тело было в спиртусах налито для того, чтоб духу не было смрадного.

— И ты все это видел? — спрашивали изумленные слушатели.

— Видел, дорогие мои, видел, — говорил Крякутной. — Видел, как кожа человеческая вельми толстая, подобно бычьей коже, и сам все те нужные места обрезовал и оказывал дохтур Быдло, который в том своем деле вельми славен. И весь тот человек был облущен кожей, только одно сало или жир с мясом, а кожа вся снята и в гроб положена.

Слушатели изумлялись, а он говорил совершенно спокойно, как будто о вещах самых обыкновенных.

— Потом, видел младенцев, которые бываю выкидки, а другие выпоротые из мертвых матерей... А в спиртусах видел таких же младенцев в скляницах стекляных; и плавают в том спиртусе и стоят так, хоть тысяч лет и не испортятся.

И еще рассказывал, как там, у иновземцев, ученых людей ценят и всячески почитают.

— Вот к примеру, — говорил он, — в Роттердаме, у гостиницы, где я стоял, при площади стоит сделан мужик вылитой, медной, с книгою, в знак тому, которой был человек гораздо ученой и часто людей учил и тому на знак то сделано...

Многое, о чем рассказывал Крякутной, было настолько невероятно, что даже особенно расположенные к нему люди отказывались верить. Особенно недоверчиво отнеслись рязанцы к рассказу, что какой-то немец или гишпанец изобрел такую машину, посредством которой можно

ездить по воздуху гораздо скорее, чем по земле и по воде, и что она может пролетать около двухсот миль в одни сутки...

— Ну, это уж, дяденька, того, — говорили ему посетители...

— Чего того?.. — возразил он. — Птица же летает...

— То птица... Ей так уж самим богом положено, а человеку даже думать об этом грех...

Тут Крякутной, однако, точно спохватился, сразу как-то замолчал, в пререканье со своими недоверчивыми слушателями не вступил. Больше он об этом никогда не упоминал даже.

Рязанцы, в общем, мало интересовались тем, как жил и что делал в своей избушке этот одинокий, странный и, конечно, не в своем уме человек. Видели, как над его котлами с раннего утра клубами поднимается черный дым, иногда приходили к нему за смолой и дегтем, но привыкли и беседовали с ним мало. Многие его побаивались даже... Очень уж было странно его появление. Рассказывает, что где-то там ездил с самим царем, в заморских странах бывал, и тут вдруг забрался в лес и смолу варит... И еще дивились, зачем он полотно скупает. Крестьяне те прямо меняли полотно на смолу.

— К чему тебе полотно столько? — спросит, бывало, любопытный. — С хлебом что ль его ешь? Аль торговать задумал?

— Много будешь знать, скоро состаришься, — отвечал этот непонятный человек.

Подходили к нему так и этак, чтобы узнать, кто он и что... Один прямо его спросил:

— Вот, мол, дяденька, ты говоришь, что твой царь Петр очень всяких людей толковых почитал, да при себе держал. Что же он тебя-то отпустил?

Крякутной задумался, посмотрел на него, но и ему прямо отрезал:

— Много будешь знать, скоро состаришься.

Только одному молодому парню, что чаще всего у него бывал и чуть не молился на него, Крякутной признался. Сидели они как то вечером,

разговорились по душам, Крякутной полез в сундучек, достал оттуда шелковую тряпицу, развязал ее и вынул аккуратно сложенную бумагу.

— Так и быть, — сказал он, — читай.

Развернул парень бумагу и прочел:

«Свидетельство Ивану Никитичу Крякутному на звание корабельного мастера.

Объявляю аз, нижеименованный, что благоурожденный Крякутной на адмиральских верфах, как на Воронежском, Олонецком и Санктпетербургском, чрез десять лет в славном и первом свете почитаемом между механических художеств в науке шхипьбоурей как воинских, великих и малых, так и протчих к адмиралтейству надлежащих плаваемых судов «у нас» обретался. И перво в сложении судовых дерев, причерчивании винкельгак, ватарцасьлиною и протчее все, что доброму плотнику принадлежит, изучился; потом же дырколем всяких судов текены с маштапами, планы, гизихты профили съ их правильными линиями изучился, и тако сие понял, что не точию по генеральным регулам всякне морские суды строити, но и оныя умаляти прибавляти может. Которая его совершенная практика оного учеником вяше быти не допускает. Того ради вышереченного господина Крякутного объявляю мастером и свидетельствую подписанием своєю руки и приложением печати. «Петр».

«рыдер ордер санкт Андреяс, капитан эт шхипьбоумейстер».

— Вот ты какой важный, — сказал парень.

— А ты думал...

— Это евоная царская рука?

— Да.

— А почему капитан, да еще там какой-то трыдырыды, что и не выговорить?

— А это значит, что он рыцарь ордена Андрея Первозванного. Капитаном же себя он назвал потому, что хоть и царь, а когда работает на верфи, так подчиняется адмиралу и даже ему рапортует.

— А почему же ты с ним не остался?

Задумался Крякутной.

— Да так уж. Не прищлось. Дело такое вышло. Не хвастаясь скажу, а сошлись мы с царем близко. Одобрял он меня очень, пока я вместе с ним корабли строил.. А потом запало мне в голову одно свое дело. Весь в него ушел... Царю пока секрета не открываю, а сам действую. Только вижу, начинает он на меня дуться... Что тут поделаешь? Дождался я своих именин. Загнул это я пирог хороший, иду на верфь, где работает царь. Подхожу к нему: «Так мол и так, говорю, ваше величество; как я вас очень почитаю и по случаю, значит, своих именин, дозвольте вашей милости пирожок поднести». Посмотрел это он на меня, топор поставил в сторону, взял меня за руку, поцеловал. «Спасибо, говорит, спасибо». А потом поднял пирог, да как бахнет меня по голове... Аж искры у меня посыпались... Пирог то был на деревянной дощечке... Так доска прямо в щепки... Ну, конечно, я стерпел, а только, думаю, хоть ты и царь, а больше нам не по дороге... Нет... Не на такого напал..

— Зачем же он это сделал?

— А шут его знает... Смирить меня што-ли хотел... Порой на него точно что находило... Сам станет белый, как полотно, все лицо перекошится... Точно не в себе делается... Всего дергает... А только такую конфузию я допустить не смог. Ну, вот, и ушел... Посмотрел, поискал, да лучше Рязани не нашел места. Только ты про это никому не сказывай, а то царь Петр померши, а воевода-то наш ведь человек кляузный... Чего доброго, объявит «Слово и дело», и потянут меня на расправу к распроклятому немцу Бирону, что теперь у нас заместо царя правит...

Слух об этом до властей не дошел, да если бы и дошел, то все равно на него не обратили бы внимания. Крякутной человек смирный, варит смолу, никому поперек дороги не стоит, а что он рассказывает всякие небылицы про себя — так пусть рассказывает. Явно — человек не в своем уме.

Но вот незаметно пролетели так года три, ну, может, четыре и тут-то именно произошло то, о чем было говорено с самого начала.

В один день, как-то, Крякутной, одетый в тот самый зеленоватый кафтан с красными отворотами, в котором он пришел сюда, явился сначала к воеводе, а затем и ко всем, кого только знал, и заявил:

— Завтра утром, ежели будет ветер, приходите ко мне на мою смолярню, я буду летать по воздуху.

Ну, подумали рязанцы, конечно дело. Рехнулся наш подъячий. Кто поглупее — смеялись.

— Ну и птица, — кричали ему вслед. — Гляди, как полетишь — ворон всех перепугаешь.

Советовали ему хвост себе приделывать... Другие рекомендовали ниточкой к воробьиному хвосту привязать себя... Словом, издевались всячески. Самые смешные у нас, ведь, сумашедшие да пьяные... Но были такие, что и жалели.

— Бедный ты, бедный, — говорил ему. — А все потому, что один. Не женился — вот тебе и страдай...

Другие говорили, что это ему наверно за грехи. В церковь мало ходил, а с молоду поди чего-чего не делал. Вон и там где-то за морем человека потрошил, да младенцев в спиртусе разглядывал...

Но сам Крякутной ничего этого не слышал и не замечал... Радостный, веселый ходил он по улицам Рязани и встречному и поперечному говорил о задуманном им полете. Одно только его беспокоило: вдруг да не будет ветра...

Беспокойство, однако, оказалось напрасным... Когда на другой день он встал в пять часов утра, солнце светило во всю, а деревья, зеленевшие молодой зеленой листвой, шумели от дувшего южного ветра,

Крякутной подошел к одному из своих самых больших котлов, поднял доски, скрывавшие выкопанную здесь яму, теперь забитую какой-то мокрой соломой и навозом, густо политыми дегтем, и поджег. Когда загорелась солома и повалил густой, смрадный дым, он вытащил из находившегося рядом сарая огромное просмоленное полотно, подтащил его к яме, раскрыл завязанную внизу дыру, закрепленную обручем и, морщась от дыма, раз-

едавшего ему глаза, с волнением стал вглядываться в полотно. На лице его, обыкновенно таком спокойном, заметно отражалась какая-то тревога. Видно было, что его что-то сильно волновало. Но вот прошло не более получаса, как полотно зашевелилось, начало вздыматься, словно ожило, а с тем вместе ожило и лицо Крякутного, засветилось радостью.

Прошло еще два часа и когда солнце уже поднялось совсем высоко, все рязанцы увидели, что на краю города стоит густой дым, а над самым домом сумашедшего подъячего болтается какой-то странный пузырь, точно огромное, небывалой величины яйцо серого цвета.

— А ведь этот сумашедший подъячий и правда что-то надумал, сейчас же пришло в голову всем.

И скоро весь город, вся Рязань, старый и малый, уже были у смоляной варницы сумашедшего подъячего... Воевода прибыл... Монахи обоих монастырей, Спасского и Троицкого, с архимандритом во главе... Говорят, монахини тоже собирались, но игуменья ни за что не согласилась отпустить и даже велела запереть ворота... Какой-то звонарь решил ударить в набат, но воевода сейчас же приказал прекратить звон, так как пожару никакого не было, а что пузырь пустил подъячий, так за это он сам и ответит.

— Ну и пузырь, брат, соорудил ты, — смеялся над ним воевода, — да еще дымом поганым надутый.

— Нет, государь мой, с вежливостью отвечал ему подъячий, — это не пузырь, а шар, корабль воздушной...

Тут воевода и за ним все рассмеялись, так что за три версты, потом говорили, был слышен их хохот.

— Корабль!.. Ха-ха-ха... И ты что же, на нем плыть хочешь? —

— Да, — отвечал твердо подъячий.

Опять все загоготали. И воевода пуще всех. Ничего не сказал больше подъячий. Посмотрел вокруг себя, снял шапку, поклонился на все четыре стороны, весело посмотрел на воеводу, подошел к своему кораблю, который так и рвался кверху, болтаясь на крепкой веревочной при-

вязи. Густой дым валил из ямы и облаками то входил в отверстие шара, то кружил

А шар неся все дальше и дальше, летел прямо к городу...

около него...

Подъячий размотал петлю веревки, привязанной к шару, сел в нее, оправился, взялся крепче за веревку, еще раз снял шапку, перекрестился...

— Ну, господи благослови... Рубите, братцы, привязь.

Кто-то из стоявших рядом с шаром взял топор, тукнул по веревке, шар встрепенулся и медленно-медленно начал подниматься вверх...

Подъячий замер от восторга, сидя на своей петле и чувствуя, как он все выше и выше поднимается над землею... Вот он уже выше своего забора... Выше дома... Выше березы... Он летит... Да, да, это не сон... Он, действительно, летит... Ведь, вот там внизу, далеко, и воевода, и тысячи рязанских голов... Как смешно... точно арбузное поле, или каргошка... А ведь это все головы, головы... И уже никто не смеется, никто не гогочет...

— Что? Поверили? Молчите?..— Весело думал он. То-то же... Теперь вы поймете, что значит наука, что значит человеческий разум... И царь Петр вспомнился... То-то он, наверно, радовался бы... Небось теперь понял бы, что он не от лени перестал на верфи плотничать, и что понапрасну тогда его по голове пирогом хлопнул...

А шар неся все дальше и дальше, летел прямо к городу... И тут вдруг Крякутной заметил, что ветром несет его прямехонько на соборную колокольню... Пробовал он, было, дергать веревкой сначала в одну сторону, потом в другую, чтобы отвести шар от колокольни. Какое там... Ничего не помогает... Вот-вот либо на кресте повиснет, либо, что еще хуже, о стенку расшибется... Трудно справиться с ветром... Не робкого десятка был Крякутнойой, а тут всетаки жуть взяла. Земля да-

леко: упадешь, только мокренько станет. Об стену ударит—тоже не легче.

Не думая долго, он собрал все силы, прыгнул в окно колокольни и ухватился за веревку от колокола. Шар вырвался и полетел уже без него.

Минут пять сидел на полу колокольни Кракутной... Жалко ему было, что шар улетел и что он не смог сам по хорошему спуститься на землю, ну да не все сразу.—Другой сделаю лучше,—думал он,—да нужно будет что-нибудь еще вроде возжей придумать. Размышляя обо всем этом, он спускался по лестнице с колокольни.—Эка,—думал он,—на какую иначе высоту-то я забрался.

Только вышел он это из колокольни,—видит—народ к нему бежит. Криком все кричат. Сначала думал его призадерживают. Прислушался, какое там!..

— Держи его,—кричат,—лови его... С нечистой силой, дьявол, связался...

— Кабы не крест на колокольне, он бы нам наделал делов...

И не успел он оглядеться, как несколько дюжих мужиков скрутили ему руки за спину, связали и повели...

— Что вы, братцы, аль рехнулись,—начал уговаривать их подъячий.

И слушать не хотят. Тащут прямо хонько в монастырь. А тут уж и монахи, и судебные власти, и сам воевода и кое-кто из бояр. Только и слышно со всех сторон:

— Убить его, дьявола, да осиновым колом проколоть, чтоб ходить не вздумал...

— Погодите,—удерживал воевода,—это завсегда успеете. Пусть он нам, сякой такой, скажет, как и когда он с нечистой силой опознался.

— Нечестивец,—обратился к нему архимандрит... Покайся перед смертью... Поведай нам, что ты принял от антихриста, иже во образ царя Петра воплотился, и как его смрадным духом шар свой наполнил.

Напрасно подъячий объяснял, что царь Петр вовсе не был антихристом, что ежели он жизнь по новому ставил, так нельзя же жить по старому. Никто не хочет худшего, когда есть лучшее. И про шар подробно объяснял, как он его сделал, как добывал горячий дым, чтобы его поднять, почему шар летал...

Ничему не верят. Слышит—советуются, что с ним сделать: сжечь или живого в землю закопать? Слушает подъячий и прямо ушам не верит. Решили сжечь, а то чего доброго нечистая сила ему поможет, обернет его там в крота или червяка, он и уйдет из-под земли... Сжечь решили всенародно, вымазав его же смолой, в его же избе, чтобы соринки от него не осталось. Связанного отвели его в погреб и бросили до утра.

И не миновать бы подъячему лютой смерти, кабы не помог ему один из тех парней, что особенно часто приходил к нему и любил слушать его речи. Ночью, когда все заснули, он тихонько пробрался к погребу, сломал замок, окликнул Крякутного по имени, нашел его впотьмах и разрезал ему веревки.

— Беги, пока темно... Да и я за одно с тобой уйду. Не житье мне здесь.

Тихо выбрались они оба из погреба, вышли из города и пропали...

На другой день поднялась тревога. Искали подъячего как только могли,

обшарили все углы, весь лес исходили, домишко его вверх дном перевернули. Верховые объездили на 50 верст кругом. Не нашли. Так и порешили, что нечистая сила помогла уйти подъячему. Потом говорили, что это был не подъячий вовсе, а самый настоящий бес, принявший облик подъячего... Много, много такого говорили, что и сказать даже страшно.

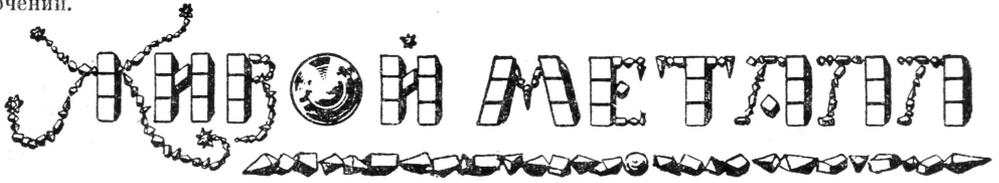
Только года через два вдруг в Рязань письмо пришло от того самого парня, что тогда пропал вместе с подъячим. Писал из Голландии отцу с матерью, как он с подъячим добрался тогда до Санкт-Петербурга и прямо попал на голландский корабль, что прибыл сюда с товаром. Старик шкипер признал подъячего и принял их обоих на службу. В письме описывал, что в Голландии ему живется хорошо, и что зарабатывает много.

«...Был я тут, писал он,—у того мастера, который государя царя Петра учил—называется Бас, у которого весь тот дом под командою, у которого в доме государь, приходя, обедал и на котором стуле и столе кушал—тот и до ныне стоит. Стул желтою краскою писан, а стол орехом писан... Тут же видел, как корабль снова сделают»...

Вместе с письмом своим и подарок прислал: редкой работы зеленый ящичек, а в нем шелковые платки дюжина, всяких цветов, да часы...

Вся Рязань приходила не столько письмо читать, сколько подарками полюбоваться. А про подъячего все же говорили, что тут без нечистой силы дело не обошлось...

ОТ АВТОРА. Сюжет настоящего рассказа имеет своим источником сообщение так называемых «документов Сулакадзева», опубликованное в монографии М. Л. Франка «История Воздухоплавания и его современное состояние» (том I). Если допустить возможность у нас, в XVIII столетии, такого факта, то его нельзя не поставить в связь с культурными начинаниями Петра I. Личность Петра в рассказе только намечена. За последнее время были попытки в художественной литературе отобразить эту полную противоречий, очень сложную фигуру, принадлежащие А. Н. Толстому и Б. Бабелю, но попытки—неудачные. Петр ждет еще своего Достоевского. Лучший, документально обоснованный и яркий портрет его дают монографии, принадлежащие перу талантливого историка, большого знатока этой эпохи, акад. С. Ф. Платонова: «Петр Великий» (Ленинград, 1926 г.), его же «Любимцы Петра Великого: Медведь, Битка и др.» («Известия Академии Наук» 1926 г. № 9) и др.

Научно-фантастический роман А. МЕРРИТА.

Иллюстрации ПОЛЯ.

СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВ, НАПЕЧ в 10, 11—12 КНИЖКАХ за 1928 г. и в 1, 2, 3—4 и 5—6 1929 г. „М. ПР.“. Американский профессор Луис Сорбонг, уже побывавши в Тибете, снова отправился туда вместе с инженером Дрэком. В горах они наблюдают замечательные световые явления и находят загадочный гигантский след на скале, оставленный точно каким-то невероятным чудовищем. В разрушенной крепости, помнящей времена Александра Македонского, путешественники встречают Мартина Вентноуа с его прекрасной сестрой Руфью. Брага и сестру преследуют войны, похожие на древних персов времен Ксеркса. В решительную минуту появляется странная женщина Норхала, по приказанию которой тысячи маленьких металлических предметов—что-то геометрических фигур—принимают форму многорукого чудовища и разбивают войско персов. Шары, кубы и пирамиды из живого металла исчезают, затем огромные кубы перекидываются, как мост, через пропасть, и несут на себе Норхалу и путешественников. Последние начинают таинственное, полное странных физических и магнитных явлений путешествие. В кратком содержании невозможно передать многочисленные и причудливые формы встречающихся чудовищ, состоящих, однако, из знакомых всем форм—кубов, шаров и пирамид. Путешественники попадают в новый мир, в металлический мир, где они видят живые, вертящиеся купола и арки и башни, точно тающие в каком-то брожении. Летя на кубах, они проходят области ультрафиолетовых лучей, рентгеновских и других, наукою неисследованных. Друг другу путешественники кажутся скелетами. Один световой феномен сменяет другой. Они летят к колоссальному светящемуся металлическому диску необычайной красоты, изливающему могучую и сознательную силу. Руфь подтянута к диску. Вентноу выстрелил, но в него полетела молния—стрела зеленого пламени. Вентноу упал, диск обследовал его и по просьбе Норхалы подарил ей путешественников в качестве „игрушек“. Норхала перевезла в их в свой круглый дом, похожий на блестящую пузырь салфировых и бирюзовых оттенков. Интересные главы посвящены описанию самой Норхалы, ее жилища, ее слуги евнуха Юрука, встретившего чужеземцев враждебно. Большой Вентноу, оторванный от реальной действительности, первый начинает понимать, что металлические предметы высасывают свои силы из солнца, что их кровь молния, что их разум—думающий кристалл, что у них гигантское групповое сознание, действующее в знакомых человечеству и в неизвестных ему сферах колебаний энергии, силы электрической и других. Очень любопытную гипотезу строит едва пришедшие в себя от пережитого путешественники, объединяя последние завоевания науки для объяснения деятельности металлического народа. Юрук рассказывает всякие басни о Норхале и старается уговорить путников уйти к Черкису, предводителю преследовавших их потомков персов. Попытка евнуха загнобить ненавистных пришельцев оканчивается неудачей. Профессор и Дрэк отправляются в металлический город. После любовного объяснения Руфи и Дрэка, Руфь возвращается в дом Норхалы, а профессор с молодым спутником через туман, полный необорачиваемо рева бездны, в котором смешивался хаос звуков, звон миллиона наковален, грохот миллиона кузниц, гремели громы, ревели тысячи ураганов, попадают в металлический чудо город, живущий какой-то своей жуткой жизнью, оживленный каким-то брожением, расщипанным, механическим, симметричным геометричным, в высшей степени урегулированным. Металлические предметы точно играют с путешественниками... Длинный ряд приключений сопрягает попытки их ближе ознакомиться с городом-чудом. Они встречают Норхалу, попадают в детскую металлических малыток, ближе знакомятся с металлическим народом, с повелителем Металла и присутствуют при изумительном питании ищущего металлического народа извлеченными из Солнца лучами. Едва не подпавшие жизнью за желание ближе познакомиться с гигантской клавиатурой, которой управляет хранитель конусов, путешественники спасаются Повелителем металла... Мыслящие течения магнитной силы, эти руки и пальцы металлического народа, толкают их на сотни футов, и они оказываются в покое, в котором рождалась рага. Исключительно интересно и красочно описание Лона города. Фантазия автора необычайно ярка и в то же время в каждой строке чувствуется вдохновляющая научная основа. Неожиданно появляется Норхала и сообщает, что войны Черкиса взяли в плен Руфу и Вентноу. Снова на кубах Норхала и ее спутники летят к салфировому шару—жилищу Норхалы. Руфь ранила из револьва несколько вооруженных людей Черкиса. Норхала при посредстве своих электрических звезд покончила с ними и с изменником Юруком. На металлическом чудовище высотой в 200 футов, состоящем из кубов, шаров и пирамид, Норхала и путешественники отправляются в Русзарк столицу Черкиса. Последний пытал и мучил своих пленников, а теперь предлагает Норхале выйти замуж за его сына Кулуну и разделить с ним власть над миром. Норхала при помощи своих металлических чудовищ уничтожает Русзарк и все его население. Металлы возвращаются назад, но в это время раздается барабанный бой, напоминающий десять Верденов и десять Марн. Громко и пронзительно выли металлические предметы. Чудовище раскололось на части. Шары и пирамиды остались у дома Норхалы, кубы бросились через ущелье в бездну.

ГЛАВА XXXVIII.

Междоусобная брань.

Руфь застонала во сне, потом встала и выпрямилась. Глаза ее раскрылись. Они смотрели через нас, точно им представилось какое-то страшное видение. Потом Руфь закричала так, как кричала Норхала. Тотчас же две пирамиды раскрылись и превратились в сверкающие звезды, залившие ее фиолетовым светом. Под их верхними концами угрожающе сверкали овалы.

— Руфь, — позвал Вентноу.

Какая-то тень смягчила жесткий блеск карих глаз Руфи. В них что-то хотело проснуться и пробрало себе дорогу к по-

верхности, как утопающее человеческое существо. Потом все исчезло и на лице ее появилось выражение ужасного гнева.

Она снова крикнула. Центральный шар подплыл к ней. Он поднял ее на свою спину и скользнул к двери.

— Руфь! — крикнул Дрэк.

Шар на мгновение задержался и в это мгновение девушка проснулась.

— Нет! — закричала она, — нет!

Звезды закрылись. Шар опустил Руфу на землю и пирамиды, и шары выкатились за дверь.

Руфь стояла, покачиваясь на ногах, и рыдала. Потом побежала к двери. Мы бросились вслед за ней, но Руфь мчалась, как быстроногая Атланта. Дрэк последним,

отчаянным усилием догнал Руфь и схватил ее. Она молча боролась с ним, кусалась, царапалась.

— Скорей, — крикнул Вентнор. — Отрежьте мне рукав. Скорей!

Я быстрым движением отрезал ножом рукав. Вентнор схватил его и склонился над Руфью. Он засунул ей в рот кусок сукна и крепко перевязал рот.

— Отрежьте второй рукав!

Мгновение — и Вентнор вторым рукавом связывал девушке руки за спиной. Она уже не боролась. Глаза ее вдруг стали жалобными и она с мольбой устремила их на Дрэка.

— Ей больно, — пробормотал Дрэк.

— Больно? — воскликнул Вентнор. — Да, ведь, она, кажется, моя сестра и я знаю, что я делаю. Разве вы не видите? Разве вы не понимаете, что сейчас она во власти Норхалы? Я хочу вернуть себе сестру. Я знаю, что делаю. Посмотрите на нее!

Мы посмотрели и увидели, что лицо девушки не было похоже на лицо нашей Руфи. На нем была та же холодная ненависть, с которой Норхала смотрела на плачущего Черкиса.

Над нашими головами раздавались оглушительные звуки.

— Нам необходимо посмотреть, что происходит, — шепнул Вентнор, — выиграем мы от этого или потеряем, но мы должны увидеть. Отрежьте себе рукава, — сказал он Дрэку, — и свяжите ей ноги. Мы понесем ее.

Мы сделали это, и легкое тело Руфи покачивалось между Вентнором и Дрэком, когда мы вошли в светящиеся туманы, осторожно пробираясь в их мертвой тишине.

Мы вышли из полосы туманов и нас ослепил хаос света и оглушил хаос звуков. Ослабевшие руки Вентнора и Дрэка уронили Руфь. Девушка стала извиваться и покатила к краю пропасти. Вентнор бросился и крепко схватил Руфь.

Мы поползли назад на коленях, волоча за собой Руфь. Мы остановились там, где плотность туманов еще позволяла видеть насквозь, но умеряла ослепительный свет, наполнявший Бездну.

Мы видели пучину во много миль шириной. Ее пронзали молнии, в ней пылали пламя. Надо всем этим сверкали небеса, как щит, который держала чья-то могучая рука. Среди всего этого урагана ко-

лебалась какая-то возвышавшаяся горой масса, точно кит из синеватого металла, попавший в кратер извергающегося вулкана.

И грохот, который мы слышали, был ударами молний, ударами копьееобразных лучей об эту сверкающую гору, которая дрожала под их напором.

Эта шатавшаяся гора была Город. И это была сама металлическая рать, и охранявшаяся своими легионами, и подвергавшаяся нападению своих же собственных легионов. Металлическая рать воевала сама с собой.

Огромная гора была с милю высотой. Вдоль ее, повернутой к нам, стояли рядами металлические чудовища. За ними стоял второй ряд. Этот второй ряд чудовищ вытягивал длинные руки, которые были густо усажены пылающими крестообразными предметами, раскрывшимися кубами, испускавшими злые красные отблески и дымчатый желтый свет. Щупальцы этих предметов держали огромные щиты, как те, которые окружали зал конусов. Из вогнутых глубин щитов били молнии ослепительного света, лившиеся через первый ряд чудовищ.

Теперь я мог разглядеть и атакующие предметы. Невиданные, огромные предметы, порождения какого-то страшного кошмара. Это были шары и пирамиды, бившиеся против кубов.

Эти колоссальные столбы с венчавшими их гигантскими, сверкающими колесами, стояли больше, чем в миле от шатающегося города. Из центра этих колес вылетали копы и стрелы фиолетового света. Они разбивались о стены, со стен стекало растаявшее пламя, точно город кровоточил огнем. Но чудовища, стоявшие у стен, ударили молотами, и шары и пирамиды разлетались в огненные осколки. Концы молотов тоже разбивались от собственных ударов, но новые и новые кубы присоединялись и исправляли собою разбитые ударяющие молоты.

Как двигались обе нападающие армии, то отступая, то наступая, так и город двигался, то подвываясь вперед, то делая движение назад.

Не переставая лился фиолетовый огонь из вращающихся колес.

Раздавался пронзительный тонкий вой. Вот, из рядов атакующих поднялись тучи рогатых драконов, огромные цилиндры из шаров, утыканых пирамидами. Они ударили по врагу.

Ошестинившиеся драконы и размахивающие колонны сшибались друг с другом, и расплывались или рассыпались с невыносимым сверканьем. Они падали — кубы, шары и пирамиды, — одни полураскрывшись, другие совершенно раскрывшись, дождем дисков, звезд, крестообразных форм.

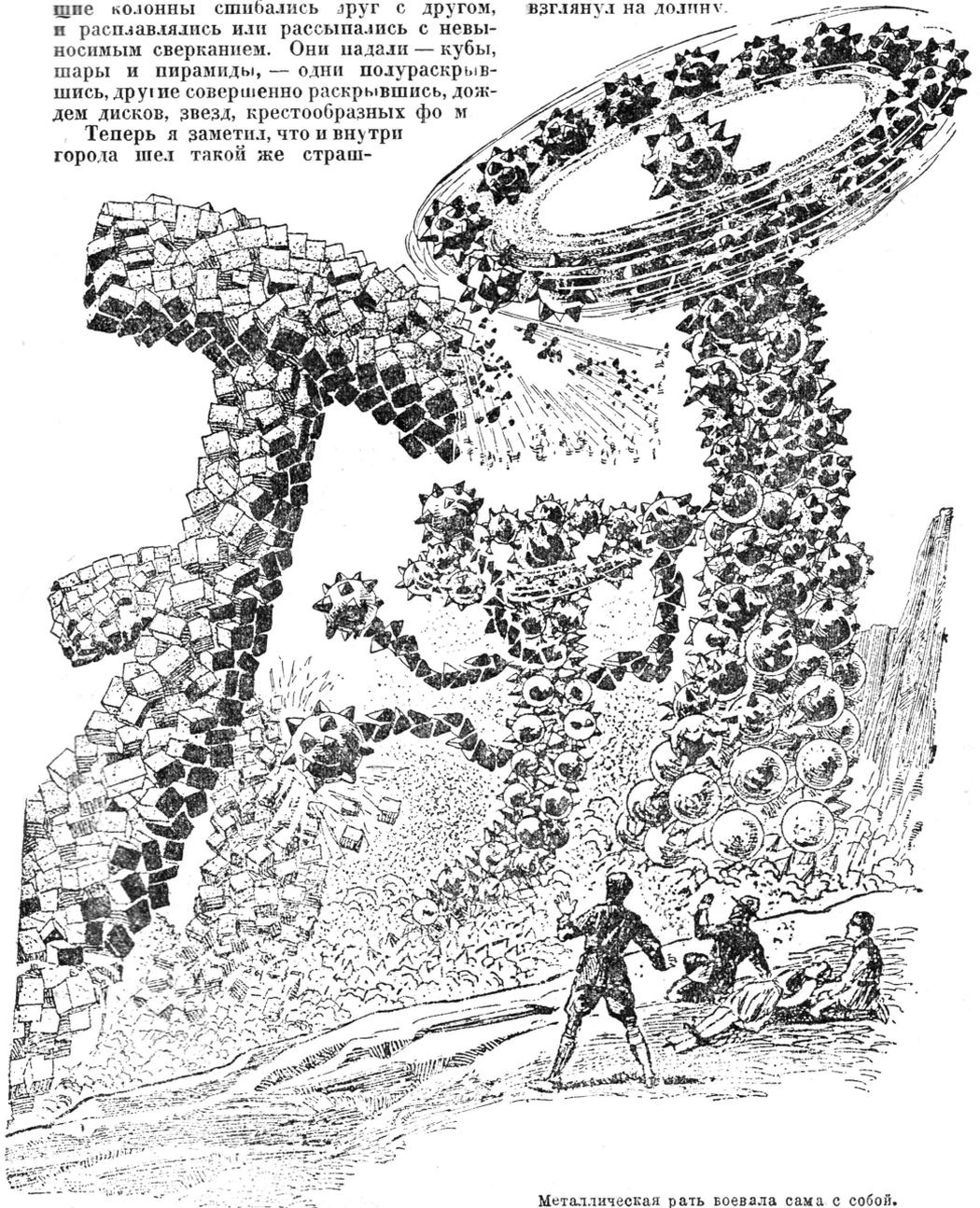
Теперь я заметил, что и внутри города шел такой же страш-

ный бой, как и вокруг его стен. Из города доносился вулканический грохот.

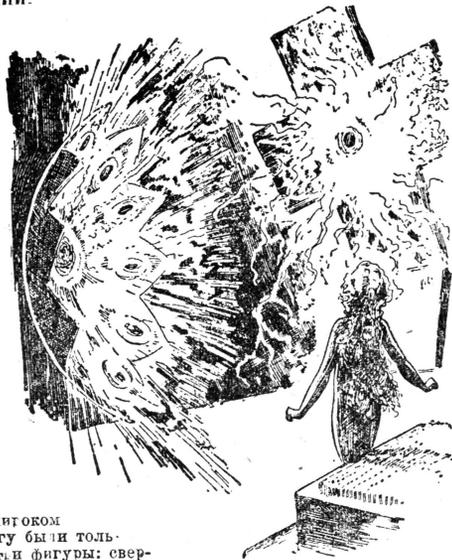
В стене города появилась светящаяся трещина. Она бежала сверху до низу. Она расширилась и из этой щели полился поток шаров. Щель сомкнулась и защемила тех, которые еще не успели выйти. Раздался ужасный рев.

В стене не было больше никаких следов трещины, только скатился поток обломков, которые, блеснув, умирали.

Я отвернулся от города и взглянул на долину.

Металлическая рать воевала сама с собой.

В широком кругу были только три фигуры: сверкающий Диск, крестообразный хранитель Конусов, горевший угрюмым огнем, и — Норхала

Повсюду билась металлическая рать. Металлические волны налетали на металлические острова и разбивались о них. Над всем этим хаосом встречались и взрывались металлические кометы.

А мысль шатающегося Города скользила по направлению к нам. Я схватил свой бинокль и направил его на Город. Теперь я увидел, что сверкающие колья убивали там, где они ударяли. Массивы чернели под ними и теряли свой блеск. Потухали сверкающие глаза-точки. Металлические остовы рассыпались.

Город все приближался. В стенах его крошечные глаза сверкали уже не насмешливо и вызывающе. В них было безумие!

В тысяче футов Город вдруг остановился и точно весь подобрался. Потом с ревом, подобным падающему миру, весь фасад, направленный к нам, скользнул на дно долины.

Повалившаяся масса должна была быть толщиной в сотни футов, и кто знает, какие таинственные помещения скрывались за ней. Да, она должна была быть в тысячи футов толщиной, потому что обломки ее поднялись до самого края Бездны, на котором мы находились.

Перед нами раскрылись тысячи сводов, тысячи обширных пространств.

Снова с ревом обрушились стены. Перед нами раскрылся кратер конусов.

В образовавшийся прорыв я увидел конусы, невозмутимо примыкающие к основанию стройной, увенчанной стрелы.

Вентвор выхватил у меня бинокль.

— Смотрите! — крикнул он.

Бинокль так приближал большой зал конусов, что он казался в расстоянии всего нескольких ярдов. Зал весь пылал разноцветными огнями, но вокруг хрустального основания конусов была свободная зона, в которую огонь не проникал.

ГЛАВА XXXIX.

Конец Норхалы.

В этом широком кругу было только три фигуры. Одна была удивительным, сверкающим Диском, который мы назвали Повелителем Металла. Второй фигурой был крестообразный Хранитель Конусов, горевший угрюмым огнем. Третьей — была Норхала.

Она стояла рядом с Диском. Между ними и распростертым крестообразным предметом сверкала доска с бесчисленными палочками, которые управляли действием конусов.

Мне казалось, что Норхала так близко от меня, что я могу ее коснуться. Волосы ее развевались, лицо было маской негодования и отчаяния. Ее огромные сверкающие глаза были устремлены на Хранителя. Прекрасное тело Норхалы было обнажено, на нем не было и следов ее шелковых одеяний.

Несмотря на неподвижность Диска и Хранителя, я вдруг понял, что между ними происходит смертельная схватка. Ясным стало мне и то, что в этом поединке, как в фокусе, заключался весь смысл сражения, бушевавшего вокруг.

Но какими неведомыми силами велся этот поединок? Диск и крестообразный Предмет не излучали молний. Они бились без видимого оружия. Только огромные раскинутые плоскости крестообразного Предмета дымнились и тлели злыми отблесками охры и багрового пламени в то время, как по всей поверхности диска холодные огни сверкали и бушевали в невероятном быстром темпе. Его рубиновая сердцевина сияла ослепительно, сапфировые овалы были очагами живого сияния.

По обе стороны кратера с оглушительным ревом рушился город.

Ни Диск, ни Хранитель не двигались. Между ними образовался легкий черный туман. Он был прозрачный и точно сотканный из просвечивающих черных корпускул. Эта завеса колебалась и то приближалась к Диску, то к крестообразному Предмету. Я почувствовал, как в том и другом напряглись силы и понял, что каждый из них старался откинуть на другого туманную завесу, как сеть.

Вдруг из Диска вырвался ослепительный свет. Черная завеса отлетела к крестообразному Предмету и окутала его. Свет Предмета потускнел, потом угас.

Хранитель пал!

Лицо Норхалы загорелось диким торжеством. Вытянутые плоскости крестообразного Предмета трепетали, точно в мучениях. Огни его пылались прорвать черный туман. Он подался вперед и упал на доску, управлять палочками которой могли только его шупальцы.

С лица Норхалы исчезло выражение торжества. Его сменил ужас.

Конусы содрогнулись. Точно могуче забился их пульс. Диск завертелся, подхватил

Норхалу и притянул ее к своему сверкающему центру. Еще сильнее запульсировали конусы.

Спазма потрясла Диск. Огни его потухли, потом снова загорелись, купая своим светом нежную фигуру Норхалы.

Тело это извивалось, точно и она переживала вместе с Диском агонию. Голова повернулась и полные отчаяния глаза встретились с моими.

Спазмодическим, невероятно жутким движением, Диск закрылся и закрыл собой Норхалу.

Норхала исчезла, осталась заключенной в Диске.

Рядом со мной конвульсивно извивалось тело Руфи.

ГЛАВА XL.

Выжжены!

Гора конусов стала таять. Потoki ослепительного сверкания заливали крестообразный Предмет и огромный шар — гробницу Норхалы.

Кратер наполнился бледным сиянием, изливавшимся отсюда в Бездну.

Город рушился. Точно прорвавшая плотину вода, сверкающий поток залил долину. Наступила великая тишина. Молнии прекратились. Рать стояла неподвижно. Вокруг нее все выше и выше поднималось сверкающее море.

Из гибнущего города вылетело множество его странных светил. Огненные и сапфировые шары, рубиновые шары, и шары, похожие расцветкой на тольпаны, радостные солнца покоя, в котором рождались металлические предметы, и бок о бок с ними — замерзшие, бледно-золотые солнца.

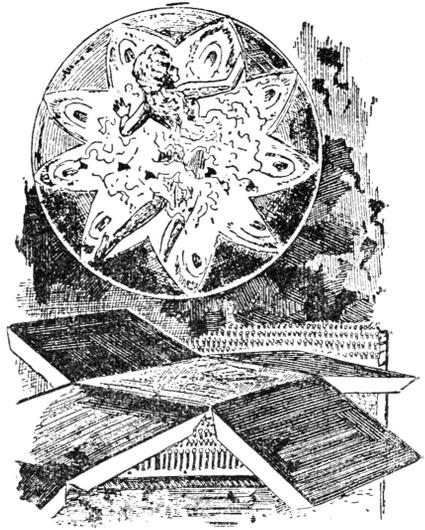
Тысячи их шествовали одни за другими и торжественно вставали надо всей Бездной, которая была теперь быстро поднимающимся озером желтой, солнечной пены.

Они проходили вперед целыми полчищами, эти таинственные солнца. Из огневого озера под ними, точно гротескные башни полудзатающего, фантастического города поднимались огромные формы, черные на блестящем фоне.

То, что было Городом, стало огромной бесформенной горой, изливавшей безмолвные потоки той освобожденной силы, которая, сконцентрированная и связанная, была конусами.

Все ниже и ниже опускался Город. В его рушащихся очертаниях было что-то бесконечно жалкое, космически трагическое.

Висящие солнца закачались под градом сверкающих точек, дождем падавших на озеро. Они падали так густо, что скоро все солнца стали казаться тусклыми ореолами в их толще. Туманная полоса, в которой мы находились, заколыхалась. От Бездны исходило ослепительное сияние. Каждая башня излучала огни, подобные огням драгоценных камней. Тающий Город был горой живых драгоценных огней, над кото-

Диск закрылся и закрыл Норхалу.

рой лились потоки бедного, растопленного золота. Бездна пылала.

Вентнор закричал. Я не слышал его слов, но понял, что он хотел сказать. Понял и Дрэк и взвалил на свои широкие плечи Гуфь. Мы бросились бежать через колышущуюся завесу тумана и вышли из нее.

— Назад! — крикнул Вентнор, — возможно дальше назад!

Мы мчались. Достигли ворот в скалах и бежали дальше, к голубому шару дома Норхалы. Бежали задыхаясь, рыдая, бежали, спасая свою жизнь.

Из Бездны к нам донесся звук. Я не могу его описать. Это был страшный вой отчаяния. Звук замер.

Нас охватило ужасное чувство одиночества. Мы поддались ему, не имея сил бороться, раздираемые желанием возможно быстрой смерти.

Ослепительный блеск наполнил небо. Мой умирающий слух уловил хаотический, оглушительный рев. Воздушная волна, плотнее чем вода, подхватила нас и понесла вперед на сотни ярдов. Она покинула нас, но ее место заступила другая, гнущая волна. Она промчалась через нас, обжигая, но в то же время вливая в нас силы. Она точно уничтожала испытываемое нами чувство смертельного отчаяния и возрождала угасающие огни жизни.

Я вскочил на ноги и обернулся. Завеса исчезла. Ворота с отвесными стенами, которые эта завеса прикрывала, были полны огненного сияния, точно они открывались в сердце вулкана.

Рука схватила меня за плечо и повернула. Это был Вентнор. Он указал на сапфировое жилище Норхалы. Далеко впереди я увидел Дрэка, прижимавшего к груди Руфь. Жара становилась невыносимой. По небу, над ущельем, блеснули змеистые молнии. Неожиданный ураганный ветер подхватил нас и, точно листья, понес обратно к Бездне. Я бросился ничком, цепляясь руками за гладкую скалу. Загремел гром, но

не гром металлической рати. Это были гром и молния нашей собственной земли.

Ветер был холодный. Он оведал горящую кожу и облегал воспаленные легкие.

Снова молнии прорезали небо. Потом целыми потоками полил дождь.

В Бездне раздалось шипенье.

Борясь с ветром, крепко держась друг за друга, мы с Вентнором стали пробираться к дому Норхалы. Свет угасал, мрак охватил нас. Мы добрались до двери, пользуясь вспышками молнии.

При ее свете мы увидели, как Дрэк склонился над Руфью. Вход задвинулся за нами, точно какая-то невидимая рука толкнула хрустальную панель, чтобы защитить нас от бушевавшей за стенами дома бури.

Мы опустились рядом с Руфью на грудь шелков, трепеща от смешанного чувства жалости и облегчения.

Потому что каждый из нас знал, что металлическая рать умерла.

Со всем своим могуществом, красотой и ужасом, с его полным равнодушием к человеку, со всеми тайнами — это Нечто умерло.

Убитое самим собой!

ГЛАВА XLI.

Пробуждение Руфи.

Руфь вздохнула и пошевелилась. На щеках ее появился легкий румянец. Вентнор прикрыл ее покрывалом Норхалы.

Меня охватило непреодолимое желание спать. Я от-

дался ему без борьбы и перестал сознательно существовать.

Когда глаза мои раскрылись, комната была полна серебристого света. И слышал лепет фонтана.

Мои спутники крепко спали. Я прошел на дыпочках к двери, нашел ручку, нажал ее, и хрустальная панель отодвинулась в сторону. Панель эта, вероятно, двигалась с помощью какого-то механизма, отвечающего нажиму руки. Повидимому, какие-то вибрации грома освободили этот механизм, когда дверь закрылась за нами.

Я выглянул. Небо было серое, падал мелкий дождь. Весь сад Норхалы был разрушен. Сломаны были и деревья, и цветы.

Сеть дождя закрывала от глаз ворота в скалах. Из долины не доносилось никаких звуков.

Я вернулся в голубой дом. Руфь сидела, закутанная в покрывало Норхалы. В ясных глазах девушки были и смущение, и нежность.

— Диск! — тихо сказала она и протянула Дрэку руки. Потом обернулась к брату.

— Брат, — шепнула девушка, — все прошло. Я хочу сказать, что я — снова я. Что произошло? Где Норхала?

— Я был поражен. Разве она не знала? Разве, погруженная в странный сон, она не видела глазами Норхалы, не думала ее мыслями? Может быть, она все забыла? Я хотел заговорить, но взгляд Вентнора остановил меня.

— Она... в Бездне, — отве-

тил он сестре. — Но разве ты ничего не помнишь, сестренка?

— Что-то стерлось в моей памяти, — ответила она. — Я помню Русзарк... и твои страдания... и мои...

— И ничего больше? — спросил Вентнор.

Лицо ее побледнело. Вентнор озабоченно нахмурился. Я знал, чего он боялся, но лицо Руфь не было лицом Норхалы, а было ее прежним лицом.

— Да, — кивнула она головой, — я вспоминаю. Норхала отомстила им, а я радовалась жестокой радостью, а потом почувствовала усталость... А дальше — все стерто!

Вентнор перевернул тему разговора.

— Руфь, — смеясь воскликнул он, — не думаешь ли ты, что твой костюм немножко небрежен даже для этого уголка земли?

— Ах! — Руфь покраснела и вся закуталась в покрывало.

Я, смеясь, вытащил из груди шелка какое-то одеяние и протянул его девушке. Вентнор указал на наши мешки с вещами.

— Тут есть еще смена одежды для тебя, — сказал он — Мы выйдем, а ты в это время переоденешься.

Мы прошли в комнату Норхалы. Там мы остановились. Вентнор протянул Дрэку руку.

— Я знал, дорогой мой, что вы любите друг друга, — сказал он. — Руфь все мне рассказала. И я очень рад.

Мгновенно они смотрели в глаза друг другу. Потом Вентнор опустил руку Дрэка.

— Теперь нам нужно подумать о том, как отсюда выбраться — сказал Вентнор. — Рать умерла, но если мы даже можем перебраться через ее труп, то как уйти из ее логовища? Как можем мы без Норхалы проделать весь этот путь? Не забудьте, что

киса. Но мне не хотелось бы идти этим путем. Я не вполне уверен что уничтожены все воины Черкиса. Нам плохо бы пришлось, если бы мы теперь попались им в руки. Прежде всего нам следует узнать, что произошло в Бездне.

— Они там все выжжены! — сказал Дрэк. — Что они такое были, в ковде-ковдов? Просто живые динамо-машины. Вернее — динамо-моторы. Я не скажу, что знаю, почему произошла с ними эта катастрофа. Но я могу догадываться. Конусы были какой-то страшно сконцентрированной силой — электрической, магнитной, или другой еще. Я думаю, что они были, вероятно, сгущенным коронием. Если около двадцати самых больших мировых ученых правы, короний представляет... ну, назовем это сгущенной энергией. Электрическая сила Ниагары — в пылинке желтого огня с булавочную головку... Но каждая булавочная головка распухла в целую Ниагару. И при этом энергия ее освободилась. Что же последовало? Что должно было последовать? Каждая живая батарея куба, шара и пирамиды была перезаряжена и взорвалась. Пойдемте, взглянем, что произошло с непроходимыми скалами. Я думаю, что нам представится возможность выйти отсюда.

Мы вернулись к дому и нашли Руфь уже одетой. Но она была очень молчалива, когда среди скал мы отправились к обрыву, где прежде подблескивали завесы светящегося тумана.

По мере нашего приближения становилось все жарче. Воздух напоминал турецкую баню. Туман так сгустился, что мы ухватились друг за друга, продвигаясь шаг за шагом.

— Мы ничего не увидим, — сказал Вентнор. — вернемся назад.

Мы бежали задыхаясь,
мы спасали свою жизнь...

тоннель, ведущий к рупнам, откуда мы шли, завален. Остается путь к городу Чер-

— Выжжены! — подувал Дрэк. — Вся долина была, вероятно, вулканом. А с этим потоком дождя должен был подняться туман. Мы повернули и пробрались обратно к голубому дому.

Весь этот день шел дождь. Мы бродили по дому Норхалы и вспоминали все пережитое за последнее время.

Руфь расплакалась, когда мы заговорили про Норхалу.

— Она была хорошая и такая красивая, — говорила Руфь. — И она любила меня! Мне думается, что земля была бы прекраснее и на ней было бы меньше зла, если бы там жил народ Норхалы, а не мы.

Меня поразили слова Руфь. Темной тенью встало борющееся человечество и я невольно вспомнил гармоничность рати, даривший среди металлического народа особый порядок.

ГЛАВА XLII.

Шлак.

Эту ночь мы спали хорошо. Когда мы проснулись, оказалось, что буря снова разбушвалась. К Бездне невозможно было бы пройти. Мы пытались дважды, но дорога превратилась в поток и мы только промокли до нитки. Весь этот день лил дождь. Вечером мы принесли за наши последние запасы.

— Мартин, — сказала Руфь, — когда же мы двинемся? Я хочу вернуться домой. Меня тянет в наш мир!

— Как только прекратится буря, — ответил Мартин. — Сестренка, я тоже хочу, чтобы ты скорее вернулась домой.

На следующее утро буря перестала. Мы уложили наши мешки, взвалили их на лошадей и направились по дороге к Бездне.

Там, где были туманные завесы, теперь зияло отверстие — ворота с неровными краями. Дорога была преграждена обломками скал.

— Мы можем перебраться через них, — сказал Вентнор.

Мы взобрались на гору из обломков скал, камушков, пыли. Оттуда перед нами открылся вид на долину.

Неожиданный ураганный ветер подхватил нас и, точно листья, понес обратно к Бездне

В первый раз, когда мы увидели ее, перед нами было море света. Мы видели долину и тогда, когда огненный туман покинул ее. Это была тогда гигантская доска, покрытая знаками какого-то математического, неведомого нам существа. Мы видели долину и как сияющее озеро, над которым висели странные солнца.

Тут мы взглянули в непостижимое, слышали и видели непонятное...

Шлак!

Аметистовое кольцо, от которого излучались окружающие Бездну завесы, растрескалось и почернело. Оно траурной короной охватило Бездну. Завесы исчезли. Дно долины тоже почернело, узоры и письмена на нем выгорели. Насколько хватало глаз, перед нами было море шлака угольного, черного, стекловидного и мертвого.

То тут, то там поднимались черные пригорки. Высились огромные столбы, согнутые и извивающиеся, точно это были потоки лавы, охладившиеся прежде, чем они успели упасть. Гуще всего они столпились вокруг огромной горы.

Где-то внутри этой горы покоился пепел Норхалы, запечатанный огнем в урне Диска.

Из различных углублений в долине, еще полных воды, поднимались струйки пара. В этих струйках было все, что осталось от могущества металлического народа. Я никогда не представлял себе ни такой безнадёжности, ни такого ужаса!

— Норхала! — рыдала Руфь.

— Выжжены! — бормотал Дрэк.

Мы стали спускаться в долину. Весь этот день и часть следующего дня мы искали выхода из Бездны.

Все было пережжено.

То, что было гладким металлическим остовом с глубокосидящими крошечными глазами, рассыпалось от малейшего толчка. Немного времени пройдет, когда под дождем и ветром все превратится в грязь и пыль.

ГЛАВА XLIII.

Тайна металлического народа.

Было ясно, что теория Дрэка — верна. Металлическая рать была одним гигантским магнитом, или, вернее — гигантским динамо. Она жила и проводилась в движение магнетизмом и электричеством. Какова бы ни была сила, из которой состояли когусы, она, конечно, была рождена электро-магнитным энергиям.

Поэтому, когда в катаклизме сила эта была рассеяна, она притянула к себе течение атмосферного электричества, которое мы видели, как бурю сверкающих корпускул. Создалось магнитное поле невероятного напряжения и сконцентрировался электрический заряд непостижимой силы.

Разражаясь, он уничтожил металлическую рать, выжег ее, как выразился Дрэк.

Но что понесло к этой катастрофе. Что повернуло рать против самой себя? Какая

негармоничность проникла в этот невероятный порядок и привела в действие механизм раздробления?

Мы могли только предполагать.

Крестообразный Предмет, названный мною Хранителем Конусов, несомненно, был действующей силой разрушения.

В загадочном организме, который во множестве был один и в одном представлял множество, у Хранителя были свое место, своя работа.

Так, несомненно, было и с чудесным Диском.

Какова была ответственность этих обоих перед множеством в том организме, важными единицами которого они были? Каковы были законы, которым они подчинялись, которым заставляли подчиняться? Конечно, здесь было нечто вроде того таинственного закона, который Мегерлинг назвал разумом улья и может быть, что-нибудь гораздо большее, чем это.

Не проснулось ли в Хранителе Конусов страже и инженере силового механизма, честолюбие?

Как иначе объяснить столкновение, которое произошло, когда нас с Дрэкком вырвали из когтей Хранителя? Как иначе объяснить этот поединок, конец которого был сигналом для последней катастрофы?

Все это оставалось тайной.

Тайной должно остаться и происхождение металлического народа, и то, почему народ этот не покорил своей металлической и кристаллической воле наш мир.

Если ответы на эти вопросы и могли быть, теперь они навеки потеряны в шлаке, по которому мы шли.

Мы не взяли образчиков этого шлака. Не было ни одного куса большого или малого, который не был бы сплавлен этим колоссальным напряжением пережигавшей электрической энергии, и мы не были в силах разъединить эти куски.

В послеобеденный час на второй день мы нашли прорыв в стенах, окружавших долину. Мы решили испытать его.

Мы не посмели бы пойти тем путем, которым нас привела сюда Норхала. Только на ее кубах мы могли его пролететь.

Поэтому мы и вошли в расщелину.

Мы нашли прорыв в стенах, окружавших долину.

О дальнейшем нашем путешествии не стоит писать. Из расщелины мы вышли в долину и после скитания по диким местам, где мы пытались тем, что могли подстеречь, мы спустя месяц нашли путь который привел нас в Гиганте.

Еще через два месяца мы были дома. Мой рассказ окончен.

Там, в глубине Азии, — голубой шар, который был жилищем Норхалы. Там — логовище металлической рати, оружием фантастическими скалистыми вершинами, его пережженое дно и рассыпающие я тела необъяснимых Предметов, которые при жизни были самой тенью уничтожения, витающей над человечеством.

Тень эта исчезла!

И все же в этом огромном плавильнике жизни, где мы только проносящийся атом, какие другие жизненные формы, какие другие атомы поднимаются даже в это мгновение, чтобы столкнуться нас?

В полной тайн Бесконечности, через которую мы катимся, какие несутся на нас другие тени?

Кто знает?

Кто знает?

Рассказ
А. Ф. СОЙМОНОВОЙ

Иллюстрации
И. И. КАРПОВА

Автор награжден 3-ей премией на нашем Литературном Конкурсе «За работой»

1.

Небольшая деревушка «Малое Болотце» так хорошо запряталась среди лесов и болот Минского Полесья, что, если бы не одно особое обстоятельство, о котором речь будет дальше, то, пожалуй, никто, кроме обывателей в ней живущих, да ближайших соседей так о ней и не узнал бы.

Кто и когда положил основание этому поселку, конечно, неизвестно, но должно быть такой человек, что уж больше деваться ему было некуда, или такой, что люди ему надоедали и он захотел от них избавиться.

Всякий, первый раз попадавший в эту деревеньку, только ахал:

— Ну, — говорил, — и Малое Болотце. Уж если это малое, то какое же тогда будет большое!

Действительно, деревня, занявшая небольшой пригорок, точно плавала в воде. Это не было озеро. Вода доходила до самой деревни. Местами она маскировалась высокой травой, так что частенько даже знавшие местность проваливались до пояса. Неподалеку был лес, но за грибами в него ходить было нельзя. Грибов не было, потому что лес тоже стоял в воде. Крестьяне расставляли на деревьях ульи, куда пчелы носили им мед. До этого меду, однако, были тоже большие охотники медведи. Против них, впрочем, придумали средство. На дереве, где помещался улей, привязывали большое

деревянное бревно. Медведь взбирался на бревно, отталкивало его лапой, бревно отскакивало, но сейчас же шло обратно, било его по голове и, в конце концов, заставляло мишку бросить это предприятие и отказаться от меду. Сеяли мало, так что хлеба не всегда хватало до нового урожая. Ну, а жили... Жили в курных избах, и, правду говоря, жилье это мало чем отличалось от берлоги лесного соседа — медведя.

Невыскательные хозяйки на это не жаловались и даже время от времени можно было слышать, как они на всю деревню распевали:

Чаму-ж мне ни пець,
Чаму ня гудзець,
Когда в маеі хатоці
Порядок идзець...
Свинка под лавкой
Хату стиряець:
Чаму ж мне не пець,
Чаму ня гудзець?!

В тон им по вечерам кумкали болотные лягушки, часто задававшие настоящие концерты и, вероятно, на своем языке говорившие тоже самое, т. е. что и они довольны, так как в их болоте тоже «порядок идзець».

Революция, всколыхнувшая большое всероссийское болото, не могла не всколыхнуть и «Малого Болотца». Леса и болота, в которых укрылись сорок или пятьдесят сереных избушек этой деревни, не помешали уполномоченным из центра и ближайшего района приехать сюда и ввести новые порядки.

К тому времени, к которому относится рассказ, здесь был уже сельсовет, была изба — читальня, был кооператив... Но сами обыватели как то плохо воспринимали то новое, что несла с собой волна новой жизни. Никак было невозможно, например, внушить мужьям, что жены такие же равноправные граждане, как и они.

— Дзеці та піч, то бабська річ, — говорили они...

2.

Не трудно представить, как должна была себя почувствовать Варя, молодая девушка врач, направленная сюда для организации медицинского пункта. Она сама выразила желание работать именно здесь. На прощальной товарищеской вечеринке это вызвало большие разговоры.

— Что тебе, Варя, за охота забираться в такую глушь? Тут у нас и в кино пойдешь, и в оперу... Будут тебе горланить болотные Собиновы, да Липковские изо дня в день одно и то же. Брось — не ездят ты в это болото.

Варя не сдавалась.

— Я — не поеду, другой не поедет... Тут, в центре, врачей много, а там, в этом болоте...

— Ну, болото есть, а черти найдутся.

— Так вот я, — отшучивалась Варя, — и буду этим чортом, или чертовкой.

Признаться, в первый момент, когда она сюда приехала, ее вдруг охватила такая тоска, что она не

раз пожалела, зачем не послушалась советов друзей и не осталась там с ними, зачем бросила свою небольшую, но уютную комнатку, где горело электричество, куда к ней приходили друзья, с которыми можно было поговорить о литературе, поспорить, обменяться новостями... После одного случая показалось ей совершенно невозможным оставаться в Малом Болотце.

Ей отвели под амбулаторию маленькую избышку, в которой жила старуха вдова, обреченная волей судьбы стать лекарской помощницей. Изба была грязная. Пол — земляной. О кровати и других удобствах и помину не было. Хозяйка спала на деревянном помосте, который устилался жестким камышом, а под голову, вместо подушки, клала мешок, набитый «галками» от того же камыша, твердый претвердый, почти как камень. Трубы не было, и весь дым, когда топились печь, проходил через избу, так что дышать было трудно. Маленькие окна никогда не открывались и прокопченное помещение проветривалось только тем воздухом, который попадал в двери.

Оправляясь сюда, она приблизительно представляла себе, что удобства здесь ей не предоставят. Гораздо хуже и неожиданнее оказалось другое.

Молодая, красивая, с румянцем во всю щеку, она имела несчастье понравиться секретарю сельсовета,

считавшему себя и слывшему в деревне неотразимым сердцеedom.

Не прошло и двух дней после ее приезда, как он явился к ней вечером... В руках у него была бутылка. Как только он вошел, сейчас же поставил ее на стол перед Варей. А Варя уже собиралась спать, так как при лучине заниматься не могла и предпочитала вставать пораньше.

— С новосельем, барышня, пришел вас поздравить.—Варя поблагодарила.

— А это вот самогоночка-с... хе-хе-хе... Сам гнал... эй, вдова честная, дай-кось стаканчики, нам вот с барышней надо хорошо познакомиться.

Вдова достала какие-то глиняные чашки. Он сейчас же налил себе, выпил первый, налил другую и предложил выпить Варе.

— Я не пью, — отказалась Варя.

— Брезгуете?

— Нет, просто никогда не пью.

— К заморским винам, поди, приучены, — приставал он. — Попробуй, ня бойся, не памрешь... Эта самая водка груддц мягчит, силы прибавляет, ну и прочее... Правда, кума, обратился он к вдове?

Вдова охотно его поддержала.

— Я уж того... за барашню... За место нее выпью...

— Пей, чорт с тобой, — сказал парень.

И они начали пить... С приговорочками, с присловьями.

— Гарелочка, як дзевочка, — говорил за каждой рюмкой парень, — папробуешь, ще захочешь...

Бутылка скоро опустела, парень, уже до этого, видно, выпивший, становился все более развязным. Вдруг он подошел к Варе, взял ее за руку и впился в нее глазами.

— Ишь ты какая... Пшеничная... Не то, что наши гречаньки... Вот что. Так и быть — я вазьму тебе замуж...

Варя даже не нашлась сразу, что сказать. Ей становилась страшно.

— У меня, — убеждал он, — хата, есть свинья, корова... Я секретарь сельсовета... Ну? Брезговаешь, что ли?..

— Нет... Но я... замужем, — соврала Варя...

— Брешешь...

— Нет... Вот... Почему же...

— Потому что брешешь... А только, дудки... Не родилось еще такой дзевки, чтобы от Ваньки ушла... Нет...

Он накинулся на нее, обнял, но Варя напрягла все силы, вырвалась и убежала к соседям. Там и осталась ночевать.

Варя стала избегать встречи с секретарем, а когда он однажды явился вечером и перебил стекла в избушке вдовы, подыскала себе другую избу, в которой жила довольно большая семья. Это было менее удобно, чем у вдовы, но зато гарантировало от ухаживаний местных сердцеedom.

3.

Минуты малодушия, когда она готова была бросить Малое Болотце, уложить чемодан и бежать, бежать, после этого случая становились все более и более частыми. Но она не поддавалась. То, что она наблюдала в Малом Болотце, заставляло ее гнать эти настроения. Все, что она видела вокруг себя, приводило ее к убеждению, что здесь она нужнее, чем где бы то ни было... Первый «паидент» особенно на нее подействовал.

Пришла к ее хозяйке соседка. На руках она держала годовалую девочку, а около вертелась другая, годиков 3-х. У старшей волосенки слиплись и точно войлок висели какими то грязными сосульками.

— Что это у нее с волосами?

— А она тяжко болела, кашляла, вот ей и запустили колтуны. Уже два года з імі ходзіць...

— Почему же вы их не снимете?

— А нашто? Сами отпадут, или дети повыдзертут один одному.

— А у маленькой нет?

— Няма.

Варя подняла платочек и увидела там черную, черную головку, точно в чепце.

— Ведь это же грязь!

— Грязь!

— Так почему ты ей не вымоешь голову?

— А вырастет, сама вымоеть.

Стала приглядываться Варя к другим и заметила, что у большинства не только детей, но и у взрослых волосы представляли нечто бесформенное, были сбиты в огромный комок, напоми-

навший собою грязный войлок. У некоторых эти волосы отвратительной клейкой массой спускались на плечи и издавали зловоние.

У новой хозяйки, миловидной женщины с добрыми серыми глазами, Варя увидела эту же ужасную «прическу», хотя она тщательно скрывала ее большим платком.

— Что это у тебя с волосами? — спросила она, застав ее как-то врасплох.

— А гэтта у меня коутун. — И тут же рассказала ей целую историю. — Это у меня от «сурку»... Як помер мой перший чела-век, то через який там час нагуляла я себе дзевачку з другим... А я до гулянок вельми здатна була... Ось пашла я раз на музыку... Добре гуляла ништо, што ня дзеука... Аж подходиць одна баба... — Чего ты разгулялась? А на кого ты дзеуку пакинула? — Такая пагана баба. А дразу я почувствала себе дуже кепско. Придэгнулася до дому, ды эк начало мене ламаць, эк однимэ нигий руки...

Мать узяла мои волосы... А волосы были доугие, да чорные. Узяла мать замазала косы, сплелися. Вот уж пятый год хожу так...

Прислушалась Варя к тому, что ей говорили другие женщины, и поняла, что эта ужасная прическа, которую она принимала за болезнь волос, вызывавшуюся грязью, была в Малом Болотце универсальным способом лечения от всех болезней.

— Доктора загоняют болезнь внутрь, — пояснили ей местные врачи, а каутун вытягивает ее наружу.

Особые знахари и знахарки, как объяснили Варя, обладали целым ря-

дом рецептов, как «заводить коутуны». Самый распространенный способ состоял в том, чтобы украсть где нибудь у чужой хаты, но где нет вдов и вдовцов, «барвинку» (такое растение). Зелье это киянить и наваром склеивать волосы... Если волосы склеиваются плохо, их мочат квасом, молоком от черной коровы, наконец, смазывают салом, жирами, конопляным семенем, воском...

Такими способами, в конце концов, удается завести «каутун», который носят здесь дети, мужчины и женщины, нередко по 10 лет или даже больше.

— Пронесила адзин каутун, — жаловалась Варя одна девушка, — шесть годов і «зусим села»... Зрезала. — На чорта вона, як не помагае... Алэ запушала вновь... Усяко запушала 13 разоу.

Такой безнадежностью ведало от всех этих рассказов, что Варя прямо приходила в ужас... Десятками

лет, целые поколения этих темных людей, заброшенных судьбой в Малое Болотце, страдают от самых разнообразных болезней... Иначе, как злым духом, входящим в человека, они этих болезней объяснить себе не могут... И вот изобрели универсальное, но мучительнейшее средство — «заводят» эти ужасные «коутуны».

Если у Вари еще нет-нет да и мелькало желание покинуть Малое Болотце и вернуться назад, уехать куда-нибудь в большой город, то после бесед со своей новой хозяйкой и приходившими к ней немногими пациентами она совершенно забыла об этом и целиком ушла в работу.

Пациенты с коутуном.

Варя пр нялась
за свою первую
пацъентку.

Сильно мешало недоверие, с которым относились к Варе в Малом Болотце все, даже ее хозяйка.

— Что она знает, дзюченка, — и шли к своим знахаркам и знахарям.

Помог случай. Заболела хозяйка. Так заболела, что еле подымалась с постели. Страшно жаловалась на головную боль. — Ой, ломить мне галовушку, — стонала она. — Ой, миленькие, будто собаки грызудь... — Призывали знахарку, она что-то шептала, дала ей выпить куриного помету, чемто подкуривала... Ничего не помогло.

Варя, незаметно для больной, прощупала у нее пульс, с большим трудом мало по малу выпытала, что у нее собственно болит. Трудно было ставить диагноз не потому, что белорусский язык был не понятен — Варя очень скоро его себе усвоила, сама даже могла говорить кое-как, а потому, что больная никак не могла дать точных объяснений. — Ой, балиць, ой, усе балиць... Ой, как сабака грызець... Ой, точно из галавы волосы рвуць... — Дальше этого ее объяснения не шли. Мучения становились все более и более сильными и хозяйка

в конце концов согласилась принять помощь от Вари.

Варя дала касторки, чтобы удалить куриный помет, которым угостила больную знахарка, салицилки, а потом предложила снять колтун.

На это хозяйка долго не соглашалась... — Каутун, твердила она, — можно зьяньць только у Красную Субботу, як Христа кличуць...

До Пасхи однако ждать было долго, и Варя с большим трудом но уговорила сделать это немедленно, пообещав больной, что у нее сразу же перестанет болеть голова.

Варя согрела воду в печке, достала бензин, спирт, вазелин и принялась за работу. Не легкое было это дело. Проще всего было бы срезать войлочную шапку, облепившую голову. Но об этом и думать было нечего. Больная на это ни за что не соглашалась. Пришлось промывать и очищать слипшиеся в сплошную массу, распухшие волосы... Шесть лет в них копилась грязь, задерживавшая все выделения кожи, пот и жир... Паразиты всех пород и оттенков свили себе здесь целые гнезда и тоже делали свое дело...

Варе, привыкшей к всевозможным запахам анатомического театра, пришлось однако наперечь все силы, чтобы не отказаться сразу же от начатого дела. Смоченная спиртом вата, которую она положила себе в нос, мало помогала и почти не защищала от отвратительно-пряного запаха, густой струей тянувшегося от размоченной, втечение шести лет гнившей копны волос...

Но Варя преодолела. Почти целый день ушел на промывку этого живого войлока. К вечеру хозяйка могла уже сама расчесать густые, длинные, черные как смоль волосы... Кожа некоторое время зудела, но головная боль действительно сразу прекратилась.

То, что колтун был снят не знахаркой, а этой молоденькой девушкой, и не в страстную субботу, как полагалось, а в самый обыкновенный день, не повлекло за собой несчастья, как пророчили местные лекаря. Удачный

Из хаты
слышались
отчаянные
крики Вари,
звавшей на
помощь...

результат лечения был слишком очевиден. О нем заговорили все, и скоро один за другим потянулись к Варе.

Рассказывая о своей жизни одной из столичных подруг, Варя писала: «Знаешь ли ты, что делает здесь твоя «болотная чертовка», как вы меня там прозвали? Заделалась я, друзья мои, парикмахершей. Чешу направо и налево головы обитателям Малого Болотца... Да, да... и делается это следующим образом»...

Не прошло и года, как высокие прически «дам» Малого Болотца и спускавшиеся до плеч куски войлока мужчин совершенно исчезли из обихода. Последнее время Варя уже не промывала колтуны, а просто стригла. Этой операции перестали бояться не только молодые, но даже старые. Новых колтунов уже никто не думал заводить и практика старых знахарей падала с каждым днем все больше и больше. В случае заболевания, все шли уже просто к Варе и прямо просили: — Ой, болюсь мне, милая, тут вог и тут. Нет ли царашка какого?

Лекарства ей присылали из центра, но кое-что добывала и здесь. На болотных прогалинках нашла она розовенькие цветочки центурии. Потом отыскала еще одну горькую траву, которую тут называли «бобовником» и которая прекрасно регулировала желудок.

Она выписала семена медицинских трав и растений, таких, как ревеня и другие. Уговорила крестьян посеять их на своих огородах. Опыт удался и крестьяне с большой выгодой стали сбывать их в соседний район, где у них покупали по хорошей цене. Это давало обитателям Малого Болотца заработок, какого у них до сих пор не было, и акции Вари поднялись еще больше.

— Ай да болотная чертовка, — писали ей городские друзья, — ай да молодец. Маленькая, да удаленькая!

— А ведь, пожалуй, правда ты чертовочка, — шутил другой товарищ врач. — Чего натворила!

«Болотная Чертовка» читала эти письма и торжествовала.

4.

Чем больше росла популярность Вари, тем больше волновался секретарь сельсовета. Прославленный сердцеед не мог простить этой «дзюченке» оскорбления, нанесенного ему, да еще при такой свидетельнице, как старая вдова, известная всему селу сплетница. Нужды нет, что старая карга тогда порядочно выпила (его же самогоном, проклятая, напилась), а все, что было, видела, запомнила, и пошло хихиканье по деревне. — Вкусны ли пшеничные булочки? — дразнили его девушки и с хохотом разбегались. — Слово «пшеничный» приводило его в бешенство.

При встрече с Варей он не кланялся и зло, нарочито презрительно оглядывал ее с ног до головы. Все в нем кипело. Варя всячески избегала

этих встреч. Но разве можно не встретиться в Малом Болотце? Тут все как на ладони. Серенькие крытые соломой хатки жались близко одна к другой. Варя успела побывать под каждой из этих крыш, знала уже всех по имени, не только взрослых, но и детишек.

— А ведь всю эту деревню, — думала она, — можно было бы уместить в небольшой деревянный в два этажа домик на Петроградской стороне, в котором я жила.

И даже с той хаткой, что стояла как то совершенно особняком, точно спрятавшись от людей, в лесу. Там Варя никогда не бывала, так как в избушке жила старая знахарка. Вдруг как то уже под вечер прибежал к ней внук старухи и попросил ее немедленно к бабушке.

— Пяцэ у грудзех, — пояснял мальчик, — не може ісьць... Памирае бабка...

Самая старая знахарка и вдруг обратилась за помощью к ней, к своему врагу! Варя весело вместе с мальчиком вышла из хаты. А хозяйке показалось это приглашенье более чем подозрительным.

— Не иначе, — подумала она, — старуха затевает что нибудь велядное. — Забежала в соседнюю избу. Рассказала.

— А ведь и правда чаго бы ня вышло, — сказал соседский парень. — Сейчас туда в лес, к старухе, пошел наш секретарь. Сам видел.

Сообщение еще более усилило подозрения хозяйки.

— Пойдем-ка, милый, — сказала она, — и мы туда.

Прихватили еще двух парней. И вот, прячась за избами, хозяйка и парни быстро направились в лесок. Незаметно подкрались они к низенькому окну знахарки и стали слушать. Не пропью и нескольких минут, как из хаты послышались отчаянные крики Вари, звавшей на помощь.

Ворвались они в хату. Секретарь и несколько старух, тащившие упиравшуюся из всех сил Варю в темный

угол хаты, так были заняты борьбой, что сразу не заметили их появления.

Отвырнув старух, парни схватили крепко уцепившегося за Варю насильника, скрутили ему руки за плечи, связали поясом и бросили на лавку.

— Черти, дьяволы, — шипел связанный, — я вам покажу... Узнаете вы меня!

Варя, долго сдерживавшая себя, теперь заплакала. Кое-как прикрыв разорванную блузку, хозяйка увела ее к себе.

Старухи разбежались, а парни взяли за своего арестанта, посылавшего проклятия и грозившего чуть ли не стереть с лица земли все Малое Болотце...

Привели его в сельсовет, доложили о его подвиге, а на другой день чуть свет грозный секретарь, попрежнему связанный, уже пешком отправился в район.

5.

Два дня потрясенная Варя не выходила из своей хаты.

И не было, кажется, в деревне человека, который бы за это время к ней не заглянул. Каждый нес, что мог. Нанесли яиц, творогу, сметаны, ягод.

— Ишь, дьявол, — сочувственно говорили Варе. — А только ты ня бойся — не пустим яго у сяло больше... Живи, ня бойся.

И опять Варя, уж теперь окончательно решившая бежать, осталась в Малом Болотце.

Рассказав об этом происшествии своим друзьям, она закончила письмо так: «...Наверно вы будете удивлены, что после всего случившегося и пережитого я все-таки живу в Малом Болотце. Я вас понимаю. Скажу откровенно — сама себе удивляюсь. Да, я остаюсь здесь. Это так. Должно быть, правда и в самом деле я настоящая болотная чертовка. Как же мне тогда покинуть мое Малое Болотце».

ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА № 1

Отчет и решение рассказа-задачи „ЗАПИСКИ НЕИЗВЕСТНОГО“

Углубляя и расширяя в плане 1929 года свою совместную с читателями литературную работу, наша Редакция сделала еще один новый, не практиковавшийся в Советской периодической литературе опыт. Из сочинений 14 крупных писателей был составлен рассказ «Записки неизвестного» и читателям было предложено указать сочинения, выдержки из которых послужили материалом для составителя рассказа-мозанки. Цель такой задачи — ясна: поощрить чтение больших писателей. Удался ли наш опыт? Как отнеслись активные читатели к этой новой форме труда, такой ценной не только для узко литературного, но и для общекультурного саморазвития?

С чувством нравственного удовлетворения мы можем признать опыт удачным. Отношение же читателей вылилось в громадном количестве писем в Редакцию с приветствиями и выражениями признательности за этот тип конкурсной задачи. Но не это, конечно, главное. Однако, мы не можем и умолчать об этом и как бы пройти мимо, пренебрежительным невниманием ответив на живые отклики тех, для кого мы работаем. Самое важное, что задача заинтересовала читателей, что они поняли ее значение и с радостью взялись за нее. Есть все же один, — правда, только один! — отклик, несправедливо осуждающий наше доброе намерение. Исходит он от читательницы, деятельной участницы остальных конкурсов.

Она пишет между прочим:

«Едва ли оправдается предположение Редакции, что таким образом «неначитанные» возьмут желание читать классиков. Скорей такое архивно-гробокопательное отношение может вызвать отвращение к чтению у молодняка... Кроме того, я лично была оскорблена за классиков: разве Достоевский, писавший «кровью сердца» и нам разрывавший сердца, — разве Щедрин, научивший нас ненавидеть наспыльников и самодуров — заслуживают, чтобы к ним так относились — наспех перелистывали из-за «крупной» премии?!.. А к чему Карамзин?»

Представляю себе физиономию «неначитанного», которому для начала дадут «Историю Государства Российского»!».

Мы хотели быть добросовестными и дали место укоризне, хотя она слишком субъективна, слишком нервна, чтобы претендовать на принципиальное значение. И притом автор «передернул» — или в пылу увлечения, или по незнанию. Нужно различать Карамзина, как историка, громадный труд которого для СССР является, конечно, устарелым и, само собою, не может ни в какой мере служить для нашей чисто литературной цели, и Карамзина, как беллетриста, наиболее характерное для эпохи и популярное тогда произведение которого «Бедная Лиза» в действительности и процитировано. Факты же сами собою опровергли пессимистические предсказания и недовольство этого единственного читателя и, как человек начитанный и литературный, надеемся, он вместе с нами порадует, что столько людей сразу взялись за классиков.

Нам нужно было дать читателям легкий толчок, создать хотя бы слабый импульс. Как мы вправе были ожидать, его оказалось достаточно, чтобы прибавить новых сил природной любознательности и неутоленной культурной жажде. Лиха беда начать! Уверены, что многие и многие из принявших участие в этом Конкурсе не ограничатся им и станут читать старых больших мастеров и дальше, только для себя. Войдут во вкус. Мы как бы оплатили билет в поезд, который промчал читателя-участника через ряд интересных и малознакомых ему стран, а уже от доброй воли пассажира зависит делать неограниченные остановки и изучать по пути то, к чему у него наибольшая склонность. Для людей начитанных — мы открыли двери и пригласили воспользоваться благоприятным случаем и снова посетить знакомые места, о которых не могло не остаться хороших воспоминаний.

И вот, читатели пишут...

Т. В. пионерка 122, отряда Красно-Пресненского района в Москве: «Заболев в начале года, я вынуждена была провести в постели свыше двух месяцев. Ваш литературный Конкурс доставил мне возможность пополнить мое знакомство с русской литературой, которой я очень увлекаюсь... С нетерпением жду разрешения Конкурса».

А. А. Л. (Благовещенск — Дальний Восток): «Ваше начинание к составлению задач приветствую. Разрешение их может дать многое. Я, например, «прилично» знакомый с русской классической литературой, чувствовал пробел в знании Щедрина. Теперь этого пробела нет: характеристику Угрюм-Бурчеева я нашел, перечитавши 37 книг писателя! Основательно перечитал также Пушкина. За это приходится Вас благодарить...».

А. Ф. К—Г (Ленинград): «Рассказы-задачи, составленные из отрывков из произведений наших классиков, объединили вокруг получаемого мною журнала целую группу лиц. Как культурное начинание, этот опыт надо признать безусловно удавшимся. Меня и моих близких эти задачи заставили не только вспомнить давно прочитанное, но и прочесть многое неизвестное. Работа над ними показала, как мало мы знаем наших классиков, считая в то же время это знакомство вполне достаточным. И вся работа производилась с подъемом, со спортивным интересом, когда каждая прочитанная книга вызывает не чувство законченного дела, а подхлестывает приняться за другую. И только жалеешь, что служба оставляет слишком мало времени для решения этой интересной задачи! Наряду с этим не могу не заметить, что эта задача страдает некоторыми недостатками...»

Е. А. С. (Иваново-Вознесенск): «Я второй год выписываю «Мир Приключений» (а читаю третий) и всегда с большим интересом слежу за рассказами-задачами и разбором присланных решений, но самому духу не хватало принять участие, хотя, внимательно прочитав, иногда находил верное. Но одно дело в голове, другое — изложить на бумаге. „Я люблю литературу и читаю всех классиков, поэтому решил принять участие в Конкурсе рассказа-задачи «Записки неизвестного». Мною отгаданы почти все отрывки, остальные очень знакомы, и, порывшись, вероятно, нашел бы, но, будучи связан работой в газете, не имею, к сожалению, свободного времени».

И. К. К. (Курск): «Приветствую прекрасную мысль Редакции, ставшую на путь вовлечения своих подписчиков в живую культурную работу — путем проведения подобных литературных».

В. Н. А. (Пенза): «Я всего только первый раз участвую в Вашем литературном Конкурсе, но и этого вполне достаточно для того, чтобы учесть всю полезность и необходимость той работы, которую проводите Вы, устраивая свои ежемесячные литературные Конкурсы. Помимо значения в области творческого развития читательской массы и в области знакомства ее с образцовыми представителями русской литературы, эти Конкурсы имеют еще огромное значение, как лучшее средство связи читателей с Редакцией и Редакции с читателями... Именно благодаря связи с читателями, благодаря учету их интересов (подчас совершенно противоположных), удалось Редакции Конкурсы текущего года сделать гораздо интереснее и разнообразнее Конкурсов прошлого года».

Н. Ф. П. (Владикавказ): «Посылаю Вам решение литературной задачи № 1-й (к сожалению, не полное, так как не могла найти произведения всех указанных писателей). Приветствую блестящую мысль Редакции: заставить публику не только вновь прочесть, но и изучить классиков русской литературы. Задача трудная, но интересная, увлекательная и главное — в высшей степени полезная».

И. С. (Таганрог): «С большим удовольствием занималась этой работой, но благодаря нездоровью своему не смогла ее закончить в срок. И это повергает меня в крайнюю досаду, почти в отчаяние. Тем более, что оставшиеся ненайденными выдержки несомненно знакомы мне, но больная память моя не повинуется. Перечитать же все не хватило времени, тем более, что, кроме нездоровья, мешала еще трудность доставать нужные книги. Посылаю то, что есть».

Таких писем много, и нередко читатели сообщают свои затруднения различного рода при решении задачи, делятся впечатлениями, рассказывают о совместном в семье или с товарищами чтении и обсуждении отдельных мест, о спорах относительно автора и произведений, о поисках книг и т. д. Есть случаи, когда приславший решение отправлял в догонку чуть ли не на следующий день дополнение: он купил, например, Горького и нашел там 3 нужные отрывка, которых ему не доставало. Конечно, все дополнения и поправки приобщались к первоначальному тексту. Иные, как подписчица Е. Н. Т. (Ленинград) делали пометки: «Начала работу тогда-то, кончила тогда-то». Мы с интересом знакомились со всеми этими неизвестными нам подробностями работы, с удовольствием узнавали, что эта задача, точнее — отдельные цитаты из авторов — были темой литературных споров в часы отдыха для многих, коллективным обсуждением старавшихся воскресить в па-

мяти забытые произведения или установить автора. И, право, все эти активные читатели, работали ли они совместно, или отдельно в тиши своих комнат, не потеряли времени напрасно. Они хорошо, культурно и интересно запомнили свой досуг. Они сами понимают это и пишут об этом.

Работали все просто, прибегая к памяти и для проверки к книгам, все, кроме одного, Е. И. Ш. (Днепропетровск), который, по его словам, избрал иной путь. Он пишет:

«Путем анализа языка нашел несколько отрывков. Дальше углубиться помешал недостаток времени. На премию, конечно, не надеюсь, но работу, как образчик не поиска по книгам, а анализа языка посылаю. Кое-чего из Лескова и Горького не было под рукой и это была причина того, что работу не закончил, а писать без самопроверки не хочу. Польза таких Конкурсов для массы громадна: некоторые невольно впервые берутся за Лескова, Григоровича и некоторых других, менее читаемых авторов и, отыскивая нужные фразы, в конце концов, начинают, заинтересовавшись, читать. У меня есть такие наблюдения. Редакции пришла прекрасная мысль. Если будет еще Конкурс, — хорошо бы его «разбавить» цитатами из поэтов. Не жалею о потраченном времени и о неполученных ста рублях, ибо Конкурс, независимо от этого, принес и мне кое-какую пользу».

Есть ли, однако, в действительности различие между методом, принятым всеми, и тем, которым будто бы пользовался Е. И. Ш.? И что должно понимать под «анализом языка»?

Сложный мозговой процесс памяти имеет свои тонкие законы, общие для всех. Ассоциация, накопление элементов ее, диссоциация, систематизация, т. е. использование «мозговых следов» и стойкость их, являющаяся физиологическим свойством нервной ткани индивидуума; число следов, зависящее от фактов его умственного опыта; эта физиологическая способность к хорошему запоминанию, т. е., говоря научным языком, выработка элементов ассоциации, дающая человеку богатую эрудицию; любопытнейший разбор процесса задержания в памяти, представляющий лишенное всякого мистицизма явление чисто физиологического порядка, морфологическую особенность, для которой служат нервные пути в тончайших изгибах мозговой ткани — все это и многое, многое другое, объясняющее, как читатель доходил до того, что узнавал автора произведения, — очень интересно и полезно знать мыслящему человеку в целях дальнейшего развития способностей. Но законы физиологии и психологии, которыми мы все, не замечая, пользуемся, не передашь в нескольких строках или даже страницах, и мы не можем здесь заниматься этим. Мы только кратко упомянули об их существовании и о различных сторонах их, чтобы объяснить, почему один читатель легче узнавал автора, а другой — труднее.

Кроме индивидуальных свойств человека, особенностей его организации, т. е. лучшего устройства отдельных частей чудесной машины, называемой мозгом, — как могли заметить внимательно прочитавшие эти строки, — в работе памяти имеет немаловажное значение и умственный опыт. Е. И. Ш., — несомненно, человек много читавший, литературный человек, и ему просто легко далось это узнавание. Ассоциированные элементы его мысли прадировали свое возбуждение на мозговой путь и здесь быстро вступал в силу закон привычки в нервной системе. Это было преимущество гр. Ш. (да и его ли одного?), но схема процесса работы была у него та же, что и у всех остальных вспоминавших.

Ведь анализ языка подразумевает не обычное наше читательское восприятие текста, не запоминание его и восстановление указанным выше почти незримым для нас путем, включающим и суммирование впечатлений, а солидную и специальную исследовательскую работу над текстами, сличение их, критический разбор и сопоставление. Только такой анализ и только таким методом произведенный может иметь заслуженное право на пышный титул анализа языка. Только таким путем создан, например, известный ученый труд «Грамматика языка Пушкина». Можно быть не только образованным человеком вообще, но и литературно-образованным, не занимаясь, однако,

научной исследовательской работой — уделом и специальностью немногих. К числу таких специалистов мы не относим ни одного из участников нашего Конкурса.

Из писем по поводу Конкурса № 1 мы должны сделать еще несколько заключений. Во-первых, весьма многие, желавшие принять участие в нем, вынуждены были отказаться от этой мысли, так как в местности, где они проживают, нельзя было найти всех или нескольких писателей, указанных в нашем списке; во-вторых, предоставленный нами срок для многих оказался коротким, так как готовая к печати книжка журнала с задачей вышла из типографии гораздо позднее, чем предполагалось, по причинам, лежащим вне нашей воли и возможности; в-третьих, срок был краток еще и потому, что иные, мало начитанные и занятые работой, не могли перечитать все, что нужно, в определенный период времени. Все эти указания читателей будут приняты во внимание при следующих задачах. В-четвертых, небольшая группа участников желала бы, чтобы было использовано в задаче меньшее количество писателей. Этого сделать нельзя. Изменение может быть произведено только в сторону увеличения. Опыт показывает, что мы имеем дело с очень пестрой и разнохарактерной в отношении начитанности массой. Иные читали Григоровича, но за то почти незнакомы с Пушкиным или Горьким, хорошо знают Щедрина и почти «по слуху» им известен Глеб Успенский. Говоря короче, нельзя составить такую задачу, которая оказалась бы для всех, скажем, средней трудности. И, наконец, нельзя давать задач для каждой местности отдельно, принимая во внимание и разнообразие бытовых условий, и степень библиотечного насыщения. Таким образом, задачу, идеально удовлетворяющую своими внешними условиями и Редакцию, и всех читателей, мы иметь не можем. В-пятых, не считаем идеальными напечатанные задачи и по качествам внутренним. Разумеется, не все использованные цитаты наиболее характерны для писателей, их авторов. Но нельзя забывать, что если читателям было трудно решать задачу, то еще более трудно было, — как справедливо заметили многие в своих письмах, — составителю задачи дать рассказ, слепленный из такой мозаики. В-шестых, совершенно правы читатели, указавшие, что в их текстах есть некоторое, не существенное, в отдельных словах, различие с тем текстом, который дали мы. Объясняется это, как догадались многие, разномечением в различных изданиях одного и того же автора. Отсюда — и подмеченная несколькими очень небольшая разница в количестве слов, вставленных или замененных составителем задачи по нашему подсчету, и — подсчету читателей. Но при разборе и оценке рукописей эти мелочи не имели для нас никакого значения. Мы понимаем причину расхождения и в наших глазах задача — только форма для достижения важной цели: ознакомления читателей с большими писателями, а отметки в тексте и на полях — доказательство самостоятельной работы. Наша предварительная справка должна была несколько облегчить читателю ориентировку, а не связать его по рукам и по ногам. Вот почему неправы трое, выражающие сожаление, что мы не указали, в каком именно издании нужно пользоваться автором. Так стеснить читателя — мы не могли. Да и не все ли равно какой Горький под рукой, в берлинском издании 1927 г. или в старом — Маркса, Суворинский (Ефремовский) Пушкин или Глазуновский? Лишь бы был!.. Не исследования мы добиваемся, а знакомства с писателем.

Оказавшийся коротким срок и трудность добыть все нужные книги не могли не отозваться неблагоприятно на количестве участников этого Конкурса. И, тем не менее, свои работы прислали 206 человек, т. е. более 200 человек сознательно принялись за хорошее чтение. Приветствуем их!

Большая часть техвически выполнила работу, как мы рекомендовали. Несколько человек, чтобы избежать переписки, предпочли купить лишний экземпляр журнала, вырвали нужные страницы, подклеили к ним бумагу,

сделали нужные отметки и так прислали. Нам это — безразлично. Иные при переписке текста совсем пропускали те места, принадлежность которых они не могли установить. Впредь просим не делать этого, так как пропуски мы обнаружили все, а разбор таких рукописей вносил лишнее затруднение. Разумно и деликатно поступали те, кто переписывал все, а сбоку неузнанных мест добросовестно ставил вопросительный знак.

По желанию читателей, приводим в порядке чтения список авторов и произведений, которые были использованы в рассказе-задаче № 1.

ГАРШИН.—«Надежда Николаевна». — ЧЕХОВ.—«Рассказ неизвестного человека». — САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН.—«История одного города». — ТУРГЕНЕВ.—«Несчастная». — ЧЕХОВ.—«Красавицы». — ТУРГЕНЕВ.—«Первая любовь». — ЛЕСКОВ.—«Островитяне». — ТУРГЕНЕВ.—«Иртыш». — Л. Н. ТОЛСТОЙ.—«Записки сумасшедшего». — ЧЕХОВ.—«Черный монах». — ТУРГЕНЕВ.—«Гамлет Щигровского уезда». — ЧЕХОВ.—«Рассказ неизвестного человека». — ПУШКИН.—«Станционный смотритель». — ЛЕРМОНТОВ.—«Княжна Мэри». — ГРИГОРОВИЧ.—«Антон Горемыка». — ЛЕРМОНТОВ.—«Княжна Мэри». — ДОСТОЕВСКИЙ.—«Братья Карамазовы». — ЛЕРМОНТОВ.—«Княжна Мэри». — ЛЕРМОНТОВ.—«Тамань». — ДОСТОЕВСКИЙ.—«Братья Карамазовы». — ГАРШИН.—«Надежда Николаевна». — ГОРЬКИЙ.—«Мои университеты». — Л. Н. ТОЛСТОЙ.—«Воскресение». — Л. Н. ТОЛСТОЙ.—«Крейдерева соната». — КАРАМЗИН.—«Бедная Лиза». — ГОГОЛЬ.—«Нос». — ГОРЬКИЙ.—«Лев Толстой». — ГЛЕБ УСПЕНСКИЙ.—«Неизлечимый». — ГОРЬКИЙ.—«Лев Толстой». — ГОРЬКИЙ.—«Лев Толстой». — ГОГОЛЬ.—«Портрет». — ЧЕХОВ.—«Палата № 6».

Сполна решили задачу, т. е. указали всех авторов и все произведения и сделали все нужные отметки, — 6 читателей: Ю. В. БОЙЕ, Ленинград. — В. А. ДОМРАЧЕВ, г. Баку. — Б. ЕЛИЗАРОВ, г. Иркутск. — А. И. КУРКОВ, г. Ленинград. — А. РАЗДОЛЬНЫЙ, г. Москва. — Е. ТОЛОЦКАЯ, г. Ленинград. Согласно условий Конкурса, 25 апреля между ними был брошен жребий в общем собрании Редакции под председательством академика С. Ф. Платонова.

Жребий выпал подписчику № 13086, ЮРИЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ БОЙЕ (17 лет, рабочий, окончивший только что общеобразовательную школу повышенного типа для взрослых при Ленинградском Облполитпросвете). Ю. В. Бойе присуждена премия в 100 рублей.

Исполняя свое обещание, даем список 82 участников Конкурса, заслуживающих упоминания, как наиболее успешные из 206 потрудившихся. Имена их напечатаны в нисходящем порядке достоинства их работы, принимая во внимание и алфавит, кроме первых шести, совершенно равных. О работе и самой Редакции по этому Конкурсу, и о работах читателей можно судить отчасти по поставленным около фамилий цифрам. Римские обозначают, сколько писателей, а арабские — сколько произведений не узнал или не нашел решающий задачу.

Ю. В. Бойе (Ленинград). — В. А. Домрачев, г. Баку (решено). — Б. Елизаров, г. Иркутск (решено). — А. И. Курков, г. Ленинград (решено). — А. Раздольный, г. Москва (решено). — Е. Толоцкая, г. Ленинград (решено). — В. А. Коломенский, г. Алма (I, 1). — Н. Н. Птицын, Детское Село (I, 1). — В. М. Раскин, г. Самара (I, 1). — Н. Резаншильд, г. Майкоп (I, 1). — П. М. Пикулин, г. Минск (I, 1). — В. В. Фирсов, Ново-Гиреево (I, 3). — Р. Ф. Свирицова, г. Ново-Воронцовка (I, 4). — Т. М. Велембовская, г. Москва (II, 2). — Н. Н. Железников, г. Москва (II, 2). — А. И. Орлова, г. Ленинград (II, 2). — И. А. Петрова, г. Ленинград (II, 2). — Н. А. Линичкина, г. Петровск (II, 4). — М. М. Алесенко, г. Харьков (II, 5). — Н. Ф. Прошинская, г. Владикавказ (II, 5). — Н. Н. Ануфриева, г. Шлиссельбург (III, 3). — М. Новал, ст. Славянская (III, 3). — А. А. Колосов, г. Москва (III, 3). — И. Б. Назаров, ст. Тучково (III, 3). — Е. О. Соколова, г. Москва (III, 3). — Е. И. Фортунато и Н. Парнау (III, 3). — И. К. Кладенко, г. Курск (III, 6). — Н. П. Петров, г. Ленинград (III, 6). — Б. В. Смирнов, г. Одесса (III, 6). — Е. И. Шведер, г. Днепропетровск (III, 6). — С. Е. Агафонов, г. Ленинград (IV, 4). — С. Н. Кузьминский, г. Москва (IV, 4). — З. Муравьева, г. Иваново-Вознесенск (IV, 4). — Г. Г. Рыжков, г. Могилев (IV, 4). — Н. С. Аршанская, г. Ленинград (IV, 5). — Ю. Белолугов, г. Симферополь (IV, 5). — Е. П. Голосова, г. Днепропетровск (IV, 7). — В. И. Недельский, г. Ленинград (IV, 7). — Е. А. Соколов, г. Иваново-Вознесенск (IV, 7). — Т. Абеленская, г. Н.-Новгород (V, 5). — И. Григорьев, г. Могилев (V, 5). — К. Лысковцев, г. Могилев (V, 5). — И. В. Соловнина, г. Таганрог (V, 7). — Н. Д. Татищева, г. Семипалатинск (V, 7). — В. В. Ижичкин, г. Тирасполь (V, 8). — П. Д. Пугачев, г. Коострома (V, 8). — Волювицкая и Лукашевич, г. Ростов/Дон (V, 10). — М. Н. Силин, г. Сочи (V, 10). — Гутман и Нувакин, ст. Одицово (V, 12). — Е. В. Путилов, г. Алм (V, 14). — И. А. Фадеева, г. Ленинград (VI, 6). — Д. А. Богачев, ст. Быково (VI, 9). — Э. Левинсон, г. Москва (VI, 9). — В. Н. Самсонов, г. Ленинград (VI, 9). — Т. Б. Ивашева, г. Свердловск (VI, 10). — А. Г. Власенко, г. Чита (VI, 11). — М. С. Лолотт, г. Ташкент (VI, 11). — Г. П. Пономарев, с. Бор (VI, 11). — Л. Е. Богдистова, г. Кривой-Рог (VII, 9). — В. А. Груздинский, г. Тверь (VII, 9). — А. Р. Меньшиков, п. от. Владычице (VII, 9). — З. А. Туясова, г. Барнаул (VII, 10). — А. М. Рогожина, г. Москва (VII, 11). — Н. Н. Корсуний, г. Тифлис (VII, 12). — А. А. Леонов, г. Благовещенск (VII, 1). — А. И. Кондратьева, г. Самарканд (VIII, 8). — А. Ф. Кириллов-Губиня, г. Ленинград (VIII, 11). — Писнарев, г. Смоленск (VIII, 12). — А. Д. Юган, г. Чита (VIII, 13). — Обудовская, г. Казань (VIII, 13). — Б. Е. Турнин, г. Астрахань (VIII, 16). — Е. И. Мошнова-Сютникова, г. Вологда (VIII, 17). — Я. А. Глотов, г. Нахичевань в/Д (IX, 12). — В. Д. Алесеев, г. Уфа (IX, 13). — А. М. Смехнов, г. Ростов н/Д (IX, 14). — В. И. Афанасьев, г. Пенза (IX, 15). — И. Ф. Васильева, г. Ленинград (IX, 20). — М. Д. Диденко, г. Киев (X, 18). — И. Киреева, г. Астрахань (X, 22). — Л. С. Замятин, г. Ростов н/Д (XI, 14). — Г. В. Свирицов, г. Москва (XI, 15). — В. А. Водарский, г. Шуя (XI, 18).

В. Б.

Систематический

Литературный Конкурс 1929 г.

Литературная задача № 7.

Подписчикам предлагается, пользуясь помещенными здесь иллюстрациями, написать рассказ, где главным действующим лицом является мальчик Лодик.

Рассказ должен быть объемом не более $\frac{1}{4}$ печ. листа, т. е. не более 10.000 букв. Лучший из присланных рассказов будет напечатан и награжден премией в 100 руб. Рукописи должны быть получены в Редакции не позднее 15 ноября 1929 г. Остальные условия этого Конкурса те же, что и в пре-

дыдущих, составляющих цикл Систематического Литературного Конкурса 1929 г. Рекомендуется прочитать эти правила участия в соревновании.

Рассказ МИХАИЛА САРЫЧ

Иллюстрации МАРИИ ПАШКЕВИЧ

Тимур бек у нас более известен под именем Тамерлана (искаженное «Тамурру», что значит одновременно и «Гремящий» и «Железный», а «Ленг» — хромой.) Тимур родился в городе Собзе 8 апреля 1336 года, по другим источникам — 11 марта 1336 года в г. Кеше (нынешний Шахрисябз). Начав с главара небольшой разбойничьей шайки, он силой, хитростью и смелостью достиг могущества, начав с овладения землей Эмира Хорассанского Гуссейна и кончив знаменитым походом на Индию. Вся его жизнь протекала в походах, которыми он достиг себе легендарной славы, став на одну линию с такими завоевателями как Александр Македонский, Дарий, Кир и др. Неудержимой жестокостью он приводил в смятение народы и завоевал 27 царств, сметая на своем пути все, что не могло принести ему пользы. Умостив дорогу к славе тысячами голов, «Обладатель счастливой Звезды» покорил часть Китая, всю Среднюю Азию, Малую Азию, Северную Индию, Турцию, часть побережья Средиземного моря и доходил до Египта и Волги, где разогнал бывшую там татарскую орду.

Но наряду с необыкновенной, извращенной жестокостью по отношению к побежденным, он был и честолюбив, желая затмить великолепием своего царства «царей бывших и будущих». Для этого в столицу царства — Самарканд он отсылал всех захваченных ремесленников, мудрецов, поэтов, инженеров, архитекторов, астрономов и др., безжалостно вырезывая остальное население. Следы его великолепных построек в нашем Самарканде сохранились до сих пор и по своей пышности, красоте подбора красок и величине имеют мало соперников. Его наилучшая и наибольшая постройка — мечеть т. наз. «Биби-Ханум», имеющая площадь 83 на 62 метра, с минаретом в современном полуразрушенном состоянии — высотой 35 метров, — разрушается с каждым годом. Такое огромное сооружение не только восстановить, но и поддерживать нет возможности и день его конца близок. Эта постройка была закончена после смерти Тимура, последовавшей в «среду 17 Шаабана 807 года Ходжры», т. е. 18 февраля 1405 года.

Сконцентрированные Тимуром в одном месте богатства были столь велики, что последовавшее за ним сравнительно «бледное» потомство «Тимуридов», в значительной степени на них строило хорошо сохранившиеся до сих пор мечети площади Регистан.

Тимур явился последним из серии великих воевателей Средней Азии и с его кончиной наступила кончина могущества Средне-Азиатского ислама.

УПАВШИЙ В РУСЛО

Севернее Самарканда, в старом высохшем русле, я подобрал Усвали. Русло глубоко врывалось в мягкую глинистую землю, извинаясь испуганной длинной ящерицей. Небо светилось от зноя, как янтарь, и лучи солнца, сползая по торчащим редким кустикам чахлых трав, рассеивали тени здесь, — внизу.

У подножья одного из обрывистых берегов, вверху изрешеченного порами байбаков и шакалов, странно изогнувшись, лежал Усвали. Он был молод, небольшие усы едва пробивались тонкими кисточками на концах губ. Левая рука, вывернутая из плеча, была подвернута под спину. Кровь, вытекшая из порванных вен, залила тонкие розовые штаны и застыла темными пятнами на разорванной рубахе. Синие навозные мухи, гуляющие над ним. Он не шевелился и в лучах горячего солнца лежал синий, как повешенный. Вероятно чайрикер, бедняк. Возвращался поздно вечером из города, остушился и устал в русло. — Поспешно поднявшись наверх, я оглянулся кругом и побежал к зеленой пещерке «кала»¹⁾.

В ответ на мой стук в карагачевую низенькую калитку, на вылезавшем из-за дувала суке карагача показалась бешено лаявшая и пытавшаяся прыгнуть на меня лохматая, красная собака. За дувалом послышались голоса. Калитка отворилась, пропустив бордатога высокого узбека и бронзового парня в одних штанах и тубетейке. В открытую калитку было видно, как от квадратного хауса²⁾ побежали и скрылись две темные женские фигуры.

— Что такое? — спросил меня хозяин калы, запахивая халат.

Я ему быстро объяснил в чем дело. Мы спустились вниз.

— Ой? Усвали..

— Ты его знаешь, ока?

— Он — мой брат — И узбек бросился к Усвали. Он начал его тщательно ощупывать, жалобно бормоча. Под Усвали он нашел зарывшийся в пыль сверток, не замеченный мною, и сунул его за пазуху. Мы и дняли бессильно слонавшего Усвали и, положив на растянутый халат, потащили к кале.

Я медик, и через час Усвали, обмытый и завязанный в широкие полосы белого полотна, чуть стонал в забытии, а я сидел рядом с ним и слушал непонятные слова, рвавшиеся из его уст.

В комнате — так необычно для обыкновенного узбека — стояла полка с книгами по истории и литературе на узбекском, татарском и русских языках. Меня это удивило и вот что мне сказали:

Усвали был вторым из трех сыновей Михраба Мир-Саида, муллы и табиба³⁾ не-

¹⁾ «Кала» — хутор, окруженный высокой глинобитной стеной, куда летом состоятельные узбеки переезжают из города.

²⁾ «Хаус» — квадратный проточный прудок, находящийся в каждом дворе узбекского дома.

³⁾ «Табиб» — лекарь.

большой молельни при медресе «Биби-Ханум». Встретивший меня бородастый убек был его старшим сын Замбраил. Семейство преследовало горе. Два месяца назад умер отец, а сейчас разбился второй сын, учившийся на рабфаке.

ПЕРСГ АЛЛАХА

Замбраил сидел на корточках перед лежащим на мягких одеялах Усвали. Было темно и я остался ночевать. Сядя Замбраил пошевелился третий брат Юргаш. Широкие плечи Замбраила сутулились от горя.

— Ой, перст Аллаха остановился на нас! За что? Нечестивый Усвали пропал одиннадцать дней. Он не был в Самарканде и никто из знатных чайханщиков его у себя не видел. Куда он ходил — одна вещая книга Мухаммеда знает. Какой теперь из него работник? Разбитая арба..

Юргаш вставил в разговор свое соображение:

— Должно быть ходил в тайный персидский дом. Там курили тэриак. Ты понюхай, как от него несет.

Я наклонился к губам Усвали и действительно почувствовал горячее и винное дыхание.

— Вот видишь, табиб, он прогулял неделю, напился, а потом пьяный пошел домой. Ну, а ночью известно — вокруг каждого человека вертятся сорок джинов его совести. Они его и толкнули вниз. Первый день пролежал на солнце и распух. — Глаза Юргаша закрылись и он закачался взад и вперед выражая сильнейшее горе. Замбраил добавил:

— Это все ему в наказание. Он от отца убежал в школу еще десяти лет. Разве можно честному мусульманину ходить в шайтанскую школу? Ты меня прости, табиб, но сам знаешь — наш обычай такой: если отец шьет ичиги, шей и ты. А он захотел стать ученым. Отца перепрыгнуть. А кого поразит бог, того и пророк ударит своим посохом.

Усвали метался, вздрагивал и иногда вскрикивал. Все его необычайно худое тело было в ушибах, ссадинах, точно его долго били, и каждая из ссадин гноилась. В чертанулса медленно Замбраил пил кок-чай, который нам принесли одетые в длинные темные одежды женщины, жевал лепешки и иногда мне казалось, что по его страшному, закрытому темной бородой лицу блуждала улыбка, и тогда он наклонялся к губам Усвали, пытаясь понять смысл срывающихся с них слов. Усвали заматался. Замбраил взял пшаву, налил в нее воды и, повернувшись ко мне спиной, зашевелил рукой над ней.

— Зачем ты это? — спросил Юргаш.

— Так будет лучше. Скорее выздоровеет..

— Должно быть произойдет какие-нибудь заклинанья над водой, — подумал я. — За дверью послышался легкий вскрик. Замбраил вздрогнул, обернулся, но прежде заставил

Усвали выпить всю воду. Как бы нехотя старший брат поднялся и, пожелав мне счастливой ночи, ушел. За ним поднялся и Юргаш.

НОЧНЫЕ ТЕНИ

Я остался один. Между мной и Усвали стоял на тонкой ножке светильник, налитый маслом. Узенький огонек его извивался жилкой м хвостиком, слабо освещая окружающее. В открытую дверь светились желтые звезды. Где то пел перепел, непрерывно заливались птицы в владее, подбираясь к киплякам, выли шакалы. Я уже начал забывать сном, как почувствовал чью-то руку на лбу. Я открыл глаза. Светильник угасал и в его слабом свете я увидел молчаливо склонившуюся надо мною фигуру.

— Тише...— произнесла она, — тише... — Рядом с моим лицом была страшная черная маска без глаз — паранджа ¹⁾. Я знал, как платят хозяева дома за ночной разговор с их женщиной.

— О, товарищ табиб! Спаси Усвали.. Он хочет убить его... Разве ты не видишь? Порошок?... Когда он давал ему пить...

Я с удивлением слышал женский шопот, прерывавшийся заглушенными рыданиями.

— Табиб! Ты спасешь его! Береги Усвали!..

Я протер глаза. Что такое? Спасать?.. Но странная женская фигура уже исчезла и в двери появился другой силуэт, закрывший блестящий рог луны.

Замбраил не удивился, увидев меня встревоженным.

— Отчего ты не спишь, ока?

— Усвали что-то громко заговорил. Надо посмотреть что с ним, — и, разыгрывая спокойствие, я встал и подошел к Усвали. Я даже испугался, что пророчество женщины исполнилось. Но, наклонившись,

¹⁾ Паранджа — сетка из конского волоса, которой закрывают себе лицо женщины на Востоке.

я услышал все то же неровное, легкое дыхание.

— Он скоро... успокоится. — Замбраил покосился на меня, теребя бороду.

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА

Небо побледнело и квадрат двери стал ярче. Я решил не обращать внимания на все эти странности и приписал их излишнему беспокойству за здоровье больного. Какое мне в конце концов дело до всего этого? Я забылся сном. Но такова уж была эта ночь, что через несколько минут я был снова пробужден. Усвали с широко раскрытыми глазами и бледно-серым лицом старался приподняться. Я вскочил и подошел к нему.

— Кто ты? Кто? Ты из тех?... — он странно испуганно глядел на меня.

— Я доктор, табиб. Лежи спокойно. С тобой ничего не будет, Ты разбился, упав с обрыва...

— А, табиб. А где я? Да, я дома... вон и дверь вон мои книги. Где Шарфат? Где? А он? Где он?... — вдруг заволновался Усвали, дернулся и, почувствовав боль в руке, побледнел и упал на подушки.

— Кто?

— Он — Замбраил... — лицо его было в мучительной гримасе.

— Он? Где-то здесь... Я позову его?

— Нет! Нет, не надо. Ты табиб — русский, друг мой? Ты сделаешь то, чего я попрошу у тебя?... Слушай и верь мне! Мне ведь нечем лгать. Я столько видел...

— Тебе нездоровится. Выпей воды.

— Нет, табиб. Слушай... Я учился. Я не простой деханин. Я узнал тайну и не хотел, чтобы она пропала для людей. Но я поступил неправильно... Я пошел один. Только вместе, когда несколько человек, можно достигнуть успеха. А где изразец? Где он? — снова неожиданно заволновался Усвали.

— Какой изразец?

— У меня был... оттуда. Там все! Все! — он попытался пошарить здоровой рукой вокруг себя. — Там, в халате... Неужели потерял?

— Я не знаю. Какой изразец?

Сзади раздался легкий шум. В двери стоял Замбраил.

— Что такое? Почему шум? Он очнулся?

— О, товарищ, табиб! Спаси Усвали... Он хочет убить его...

— Он просил у меня воды...
— Кто скоро говорит, скоро раскается... Он говорил об изразце!—Замбраил шагнул по направлению к нам.—Проклятие веков пало на его голову и он умер.—Он неожиданно прыгнул вперед и схватил меня за руки.—Говори, что он тебе сказал!.

— Осторожнее, Замбраил... Пути!
— Барана хватают за рога, человека за язык! Говори, что ты слышал от изменника... Он подсмотрел то, что никто не должен знать, кроме меня... А ты узнал начало и за это к тебе придет конец!—Замбраил навалился на меня и стал душить. Напрягши все силы, я оторвал его руки от своего горла и одновременно услышал его слабый вздох. Тело Замбраила обмякло и я выскочил из-под него.

Сзади стояла женщина. Паранджа была откинута назад. Тяжелая ручка китменя ¹⁾ дрожала в ее руках.

— Кто ищет крови — тот скоро найдет жилу!.. Ты убил его! Но Шарафат видела, как ты сыпал ему дурман...

Замбраил медленно поднимался от удара, держась за голову. Халат его распахнулся и что-то со стуком выпало оттуда.

— Бери, табиг! Бери! Изразец Тимура!..— рванулся Усвали с полудек.

Имя Тимура было всегда для меня приманкой. Я нагнулся, и поднял тяжелый предмет, выпавший у Замбраила. Резкий крик женщины заставил меня обернуться. Она обнимала голову Усвали, но тот был неподвижен. Я не смотрел дальше и выбежал из дома.

ИЗРАЗЕЦ С ТАЙНОЙ

Усталый я прилежал домой. Моя мирная городская жизнь была перевернута. Я наткнулся на чью-то чужую тайну, впутался в нее и не имел ни одной разгадки. Обмывшись, переменяв грязный костюм, я спустил шторы и развернул пестрые тряпки.

В моих руках лежал квадратный, пестрый изразец ²⁾ с золотым узором ³⁾ по синему полю. Золото было положено тонкими листочками в виде цветка, вокруг него шел второй голубой узор и все окружал белый. Края изразца были чисты и делы, показывая этим, что он не был в употреблении. Связующая эмаль была чиста, словно вымытая.

— Изразец. Дальше что?—Я вертел его в руках долго. Потряс над ухом и уловил легкий шорох внутри. Изразец был пуст. Надо его открыть. Как? Я достал энтомологическую лупу и стал его детально рассматривать. Повернув изразец глазурию

¹⁾ Китмень—широкая мотыга

²⁾ Изразец—фигурный кирпич из обожженной глины, сверху покрытый слоем цветной глазури.

³⁾ Золотой узор—узор, выложенный листовым золотом, можно видеть и сейчас на некоторых мечетях в Самарканде: Биби-Ханум, Тилля—Кори и других.

вниз, я почувствовал под пальцами выпуклость на месте рисунка золотом. Весь узор свободно выпал из синего караса изразца и в образовавшейся пустоте я увидел два свертка. Навстречу мне пахнул пряный запах пересохшего шелку, шафрана. Один сверток оказался шестью листами обыкновенной клетчатой бумаги, мелко-вписанной дрожащим почерком. Буквы наезжали друг на друга и зачастую фразы писались одна поверх другой. Но в этих листах оказалась половина разгадок тайны Усвали.

Рукопись говорила:

— «Я, Усвали Мир-Саид, сын Михраба Мир-Саида, последнего хранителя предсмертной воли Тимур-бека. Не знаю, выберешь ли когда-либо оттуда, куда попал. Голод... Я виноват сам. Меня прельстила 500-летняя тайна и желание быть первым. Я пошел один и за это расплачиваюсь жизнью. Мне нужно было пойти в Самкомстарис ¹⁾ и там все рассказать. Не знаю, какой сейчас день, а потому буду называть все, что там, в светлом мире—вчера. Вчера я сказал сестре Шарафат и Замбраилу, что ухожу в Самарканд. С кушленными веревками и несколькими свечами я стал дожидаться ночи. Если бы Замбраил узнал, куда я пошел, ²⁾ он убил бы меня. Ведь предвшему тайну—смерть. Отец ее передал брату, как старшему, и он не знал, что я ее случайно услышал.

Когда настала ночь, я вышел туда—к медресе Биби-ханум, большой соборной мечети Тимура. Сейчас во тьме был лишь виден ее огромный силуэт. Я прокрался мимо дремавшего под раскачивавшимся фонарем чайханщика, обогнул модельню и вступил в густую тень от арки. Найдя на ощупь дыру в минарете, я стал взбираться вверх, отсчитывая еле заметные, исгертые временем в одну сплошную поверхность ступени. Здесь... Я перевел дух и прислушался. Кругом была глухая тишина. На один поворот выше меня узкая трещина расколола стену и скучный лунный блик сползал вниз. Я поднял кирку. Шестой камень. Где он? или я ошибся ступенькой? Старый цемент ²⁾ задох. Я облился потом, но тихо и упорно отдирав цемент. Камень начал качаться. Я вынул его. Еще один. Сунул руку. Пустота! Здесь! Старое предание не обмануло!..

ПУТЬ В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Я привязал веревку к старой, полугнилой балке и спустил я вниз, в отверстие. Прислушался—все тихо попрежнему. Охватив руками и ногами веревку, оставив кирку наверху, я соскользнул вниз, и через несколько мгновений оказался на полу. Переведя дыхание, я внезапно услышал наверху, в той чуть светящейся дыре, откуда спу-

¹⁾ Самкомстарис—Ср.-Азиатский комитет по охране памятников старины.

²⁾ Цемент был давно известен в Ср. Азии под названием ганка.

стился — шорох. Я притаялся. На меня посыпалась пыль, упал кусок известки... Звуки шорохов начали затихать и светлое пятно исчезло. И вдруг — веревка упала рядом со мной. Возврата больше не было...

Сверху раздался так хорошо знакомый мне свистящий шопот:

— Усвади, ты преступил закон предков, волю Тимура, ты умрешь у его ног!..

Я не от егип. Дикю было подумать, что родной брат по убил меня. Но время ползло. Я зажег первую из десяти свечей, взятых с собой. Взглянул наверх — там отверстия не было. Брат меня замуравовал здесь... Неужели никакого выхода?..

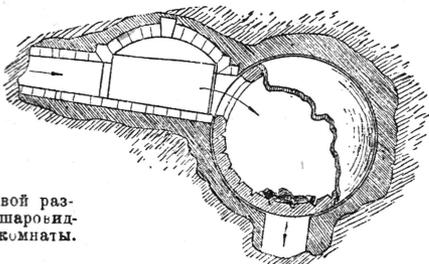
Внизу было круглое отверстие закрытое каменной пробкой, с вделанной в нее ручкой. Другого выхода не было. Если открыть это отверстие, то может быть выберусь. Ногами я уперся в стену, руками ухватился за железные ручки. Отчаянье придало мне сил, и, напрягшись до того, что темнота кругом стала багрово-красной, я потянул. Камень резко вырвался и с грохотом упал на пол. Выход или ловушка? Я заглянул в дыру. Темнота. Взгляд мой упал на другую сторону камня. Там торчало заржавленное кольцо и в нем порванная тонкая, перержавевшая цепь. Значит я ее порвал? Кто-то прошел до меня туда, давно... и запер за собой дверь. Кто-то прошел и не вернулся. Может быть нашел выход? Я пойду за ним.

На четвереньках полез я по узкому цилиндрическому ходу, в котором я не мог ни выпрямиться, ни повернуться назад. Он то сворачивал в стороны, то неожиданно поднимался вверх, то опускался круто вниз. Иногда суживался так, что я боялся двигаться дальше. Проносится время. Я падаю, лежу, отдыхаю на животе, потом опять ползу дальше.

И вдруг я попал в широкий круглый корридор. Сзади меня он утоньшался, прямой и мрачный, как жерло орудия. Другой конец корридора имел квадратное отверстие в стене, преградившей мне путь. Шатаюсь я встал. Штаны были изорваны и ноги в крови. Но я уже не чувствовал ничего, ни боли, ни голода. Все притушилось. Я подошел и заглянул в квадратное отверстие.

ШАРОВИДНАЯ КОМНАТА

Перед моими глазами, слабо освещенная свечей, была шаровидная комната, вся в бесчисленных выпуклостях, точно вывернутый внутрь шар. Огромной черепицей Она была совершенно круглая и, сморщившись

Вой разрез шаровидной комнаты.

Замбраил стал душить меня.

глядела на меня тремя глазами — тремя кучками чего-то темного внизу. Раздумывать было нечего, я прыгнул. Пол под моей закачался. Комната повернулась. Черная дыра входа мелькнула, задвинувшись стеной. Свеча потухла. Я упал и опять с трудом встал. Под ногами что-то захрустело... Я наклонился и поднял... высушенную, рассыпающуюся руку, — сухую, холодную руку мумии... Зажег свечу и осмотрелся. Всякие надежды пропали. Это были три высохшие трупа, вероятно три таких же погибших, как и я...

Я находился в круглой комнате без выхода и притока воздуха. Я скоро задохнусь... У моих ног, изогнувшись словно в предсмертных судорогах, лежало три мумии в когды то богатых, истлевших от времени парчевых халатах, украшенных бирюзой, в белых развешенных чалмах, с оскаленными, пожелтевшими зубами. Но в них была одна странность. В груди каждого я видел рукоятку старинного кинжала. Убиты? Кем? Когда? Давно... 500 лет назад? На полу лежал четвертый предмет — кольчуга и сломанный кинжал. Ага! Вот разгадка! Их убил четвертый! Да, ведь, отец говорил — Четвертый это «он». Кто «он»? Куда «он» ушел? Ведь выхода нет...

Мне показалось, что один из мертвецов скрипнул засохшей кожей. Другой зашевелил челюстью. Я покачнулся... Что-то снова... загудело подо мной и мертвецы с шорохом покатались на меня... Мое самообладание не выдержало и в ужасе я бросился карабкаться на стены, бежать по вертящейся комнате, а вдогонку мне катились, стуча колючугой и рассыпаясь от ударов друг о друга—мертвецы... Комната вертелась... Какой-то замысловатый старинный, приводимый в движение тяжестью моего тела механизм управлял ею и каждый мой шаг—это было движение всей комнаты.

Подо мною неожиданно показалось отверстие входа, раньше бывшее наверху, и под ним темнота... Неужели выход? Вот куда ушел «он» — Четвертый! Я прыгнул в отверстие. показавшееся подо мной. Мгновенные полета в темноту...

ПОДЗЕМНАЯ ГРОБНИЦА

Я открыл глаза. Все та же темнота.. Неужели опять ловушка?.. Зажег свечу. Я сразу зажмурился от того, что увидел... Начинается бред...—подумал я. Но ведь я пришел. Надо встать!

Передо мною, на столбиках из тонко точеной кости, украшенной драгоценными камнями, топазами, изумрудами, целыми рисунками из бирюзы, под высоким балдахином, с голубой шелковой бахромой, стояло что-то граненое, блестящее, как алмаз, что манило меня к себе. По обе стороны сияющего ящика взвивались вверх два огромных желтоватых клыка. Они были обвиты тонкой серебряной сеткой.

Четыре громадных светильника в виде бронзовых слонов, вставших на задние ноги, полукругом окружали вход под балдахин. Перед ступенями балдахина, на широкой раскинувшейся подставке, так же украшенной камнями и инкрустацией всех цветов в виде различных растений, лежал раскрытый коран. Его страницы были толсты как кожа и весь он был разрисован.

Вот где она—гробница Тимура! Вот где спрятали от чужих взглядов, от пыли столетий властное тело завоевателя 27 государств. Высоко подняв свечу, я подходил к гробу. Он был сделан из лимчатого, переливающегося цветами стекла. Углы его были схвачены золотыми литыми треугольниками и цепями. На дне гроба—маленькая ссохшаяся мумия, завернутая в пышные, цветистые ткани. На груди кривой меч в бархатных ножнах весь в камнях, под мечем прижат к груди изразец... Я раскрыл гроб. Вынул из скрипучих пальцев изразец. Внутри его рукопись, написанная по-арабски, странным письмом, которого я не могу прочесть ¹⁾. Я взял изразец с собой и в него

¹⁾ При Тимуре было множество манер письма в ходу: Куфический, квадратный арабский, квадратный монгольский и др.

положу свои записки. Правая рука Тимура изуродована... на ней нет двух пальцев ¹⁾.

Сколько прошло времени? Я хожу как слепой, в мутном свете запыленных шлифованных серебряных зеркал, натываюсь все на новые и новые ходы, скрытые полуистлевшими коврами. Все ходы разветвляются и после долгих блужданий я снова попадаю в центральный зал. В стенах ходов скрыты небольшие ниши, наполненные разными предметами, кувшинами, запыленными ларцами, туго завязанными в кожи тюками. Все это полуистлевшее и древнее говорит о богатстве погребенного здесь.

Вдоль стен гробницы поставлены сделанные из дерева воины. Они в толстых железных кольчугах, с кривыми мечами в деревянных руках и в шлемах с привязанными тройными конскими хвостами ²⁾. Некоторые из них упали, но остальные стоят как заколдованные, вперившись в гроб изумрудными глазами.

Я раскрывал некоторые сундуки, во множестве находящиеся в нишах подземелья. В них лежат древние книги в толстых переплетах с окантовкой по краям, золотыми узорами, щедро украшенными драгоценными камнями, главным образом бирюзой ³⁾. В длинных глиняных трубках вложены свитки странных чертежей. Кое-где в ящиках стоят непонятные инструменты... Тимур ведь любил ученость.

Сейчас я нашел целый ряд амфор ⁴⁾, завязанных в плетеные толстые циновки, обмазанных глиной и тщательно закупоренных. Я разбил горло одной из них и навстречу мне пахнул запах, сразу перевернувший все кругом и заставивший меня ухватиться руками за амфору. Она тяжело покачнулась и густая жидкость выплеснулась на каменный пол. Вино! Я наклонился к нему и стал пить из черепка. Я был голоден, страдал от жажды и обезумел. Я пил его и все кругом начинало качаться... Кто-то шел ко мне.. Я слышал чьи-то шаги. Кто-то бежал... Тимур стал как дымок подниматься из гроба. Маленький, сгорбленный, сухой... А где «он»?.. Где «он»—четвертый?..

ЧЕТВЕРТЫЙ

Темнота надвигалась на меня. В ушах раздавался неумолчный звон. Я оторвался от амфоры и, раскачиваясь, в темноте пошел вперед. Вино ошеломило меня. Злоба поднималась к усталой голове. Где «Он»?

¹⁾ Во время одной схватки в Сенстане в 1362 г. Тимур был тяжело ранен в бедро и потерял два пальца на правой руке.

²⁾ Тройной красный конский хвост—герб Тимура.

³⁾ Бирюза на ростке считается приносящим счастье драгоценным камнем, любимым из-за поразительного сходства с южным небом.

⁴⁾ Амфора—остроконечный стоячий кувшин с двумя ручками.

Где Четвертый? Это он завел меня сюда. Я вывола из рук манекена широкий меч и в бешенстве закричал:

— Где ты? Ты привел меня сюда!.. Выходи, не прячься по углам! Я убью тебя! Выходи!..

И вдруг из глухого мрака раздался ответный вопль. Насмешливый хохот прокатился по стенам подземелья, отдавая эхом в переходах и замерах..

Я остановился. Мысли пронеслись кучей:

— Это начинается кошмар. Я схожу с ума! Здесь не может быть никого..

Невдалеке раздался шорох. Я обернулся и увидел два мелькнувших фосфорическим блеском глаза. Я собрал все свое мужество и, готовый к бою, зажег свечу. На выступе резного ларца, перед черной трещиной в стене, стоял старый, рыжий, облезлый шакал. Он был напуган и озирался, сверкая желтыми, колючими глазками. От моего движения он метнулся и скрылся в трещине... Радостная мысль озарила меня. Шакал пришел сюда—значит, может отсюда и выйти? Нужно идти по его следам.

Я раньше искал выхода среди лабиринта подземелья, а не обращал внимания на трещины в его стенах..

Я кончаю письмо. Я отдаюсь на счастье шакала... Письмо я кладу в изразец. Если я не выберусь отсюда и если меня найдут когда-нибудь мертвым, вы, живущие наверху при радостном блеске солнца, помните, что я первый, видевший гроб Тимура, завещаю вам: действуйте всегда вместе, и вы победите. Я пошел один и погибаю. Но до конца моего последнего дыхания я не брошу бороться за свою жизнь. У меня есть последняя свеча, и я сейчас поползу по узкому земляному ходу в трещине стены, куда ведут следы шакала...»

На этом кончалась рукопись на клетчатой бумаге, которую написал рабфаковед Усвали при свете свечи, в подземельи под

Баби-Ханум. Я сидел потрясенный и мои глаза скользили по вышитому сюзану, повешенному над столом. Причудливый узор на этой красной занавеске был так же странным, как только что прочитанная история. Был ли это гроб Тимура? Историки говорят, что после смерти Тимура его тело перевезлось из города в город и по некоторым официальным данным похоронено в Самарканде в «ГурЭмире»—«Гробнице Повелителя», но по легендам было подменено и похоронено тайно где-то в другом месте. Может быть это подземелье ложное, когонибо из других—Гимуридов?

Но кто же Четвертый? Почему твои убитых? Судьба

Усвали мне ясна: через трещину в стене шакал его вывел в свою нору, одну из многочисленных нор¹⁾, находящихся в отвесных берегах русла. Вывел он его ночью и Усвали сорвался вниз и разбился. Потом его подобрали.

Тут я вспомнил о втором свертке в изразце. Небольшая шелковая палочка, запечатанная восковыми печатями. Печати из твердого белого воска—душистой некогда мастики, с выдавленными на них изображениями трех конских хвостов,—были уже кем-то сорваны. Должно быть Усвали. Я разматывал твердый, ломавшийся шелк и в моих руках оказался свиток из старинной бумаги²⁾, исписанный тонкой арабской вязью—квадратным арабским письмом. С помощью словаря арабского языка я прочел свиток и мне стало понятно все.

В круглой комнате лежали три мумии с кинжалами в груди...

Усвали.

¹⁾ Под Самаркандом и в его окрестностях подземными течениями образовано множество трещин и обвалов.

²⁾ Еще в VIII веке Самарканд славился выделанной из хлопчатобумажной бумаги, производству которой он научился у китайцев.

КОНЕЦ НЕПОНЯТНОМУ

Нет Бога, кроме Бога и Мухаммед посланник Божий! ¹⁾

*Смерть—чаша, и все люди испивают ее.
Могила — дверь и все люди входят в нее.
Мухаммед! Мухаммед! Мухаммед!*

Слова наши:

Год 807 от бегства Пророка, ²⁾ наименованный Зайдем ³⁾, во второй весенний месяц 17 Шаабана, который соответствует 14 числу месяца Исфендармуза 326 года эры Джелаль-ал Дина, когда Солнце находилось в 6 градусе созвездия Рыб, в звездоподобной, непревзойденной столице Гремящего, во имя Бога, Милостивого, Милосердного, Волей и Славы Великого Государа и Хана отда Победителя Победоносного, Полюса Мира и Веры, сына Эмира Баргульского ⁴⁾, сына Богадура — Анджальнуянова сына, потомка Чингис-Хана, правнука Яфиса—Тимура Гургана.

Владетеля земли Монголь-

ской, Великого царства Орссанского, земли Тагигинской, земли Рей, Персии и Мидии, и еще

¹⁾ Этой фразой, как правило, начинаются все рукописи, книги и уложения эпохи Тимура и Тимуридов. ²⁾ Исчисление лет «Хиджры» начинается со времени бегства пророка Мухаммеда из Мекки в Медину. ³⁾ Счет годов в Ср. Азии велся по периодам, равным 12 знакам зодиака, каждый период равнялся 12 годам, имевшим свои названия. ⁴⁾ Здесь следует перечисление предков Тимура до 4-го колена. Родство Тимура с Чингис-ханом и Яфетом (Иафет, сын Ноя)—ложно и выдуманно для большего его возвеличения.

царства Таурыса и Солтани, земли Гимянской с землею Дербенской, завоевавшего Малую Армению и земли Арсунигскую

и Асеронскую, и Ауникскую, и подчинившего своей власти царство Мерди и землю Курчистан, и победителя царя Малой Индии, разрушившего город Дамаск, взявшего и подчинившего своей власти царство Ален и Вавилонию и город Багдас, победителя турка Ильдрин Баясета ¹⁾ и взявшего его и его свиту, и войско, и землю в плен и совершившего много других славных военных деяний.

Мы: — Да будет ему тысяча тысяч почтений! — Мы: Главный Визирь его казны, палат и хлеба — Эмир Суфат-Бей Ала-Назим Апшеронский Мы: ведущий гаремом, пищей и свитою Хана — Имам-Суюнчи Таубадский. Мы: ведущий его конюшнями и оружием, кузницами и воротами города — Наср-Элдин-Махан-Уль-Арабир, и главный строитель Большой Мадрасы — Хранитель печати и Воли Тимура Великого — Аджиль-Нуян Мир-Сейд, Улем ²⁾ и риза соборной Мадрасы;

Мы скороним от ветра и шума земного, от рук нечестивых потомков, в глубоком подземелье, построенное тайно персидскими мастерами под Большой Мадрасой — Великого Железного Хана, чья лучезарная могила, Эмира блаженного, славы Эмира, величия народа и веры Ислама, будет вечна — Мы четверо «знающих» умрем в первый день весеннего месяца Реби-Уль-Эввел ³⁾, года от бегства Пророка 808 в круглой палате, откуда нет выхода, кроме гробницы и одного из тысячи ходов.

¹⁾ Ильдрин Баясет — турецкий султан, сильнейший после Тимура владыка, разбитый Тимуром. ²⁾ Улем — книжник, богослов. ³⁾ Реби-Уль-Эввел — март месяц.

Вечная слава тебе и да будет память о тебе так же ненарушима, как не будет разрушен до конца мира Великий купол Мадрасы, сиянием небу подобный. От нас же прими приветствия, воссылаемые каждую минуту твоему чистому духу».

Снизу документа шла приписка обыкновенным арабским письмом, с неточностями, видимо написанная вторых:

«Горе мне! Да смилостивятся небеса над моей головой! Да ответит Бог карающую руку пророка и простит мой грех!

И, Аджиль Нуян Мир-Сейд переступил волю Великого Тимур-Бека. Когда в круглой комнате мы все трое запели песнь смерти ¹⁾ и, вознеся хвалу Аллаху, разом ударили себя в грудь кинжалами, горе мне! я несчастный забыл снять кольчугу и кинжал не пробил мне грудь, а лишь отскочил. Я ударил еще раз, но крепка была кольчуга, скованная иноземными мастерами ²⁾. Сломался мой кинжал. Трое их — в крови лежали у моих ног и замиравшие уста проклинали меня. Я сбросил кольчугу, но не хватило у меня презренного смелости ударить себя изломанным кинжалом в грудь.

Я выбежал в гробницу и увидел его — Великого и спокойного — я поклонялся у ног его вместе с родом моим хранить тайну из веков в века. Старшему сыну моему я передаю тайну, он передаст своему, и жизненной стражей и охраной гроба Великого я испущю свой тяжкий грех. Нет Бога кроме Бога! И да простит его тяжкая десница меня. Хиджры 808 год. Месяц Реби-Уль-Эввел. Джума».

Я понял все.

На другой день я отправился в казу Замбраила. Калитка оказалась открытой, Рыжий пес бежал по верхнему краю дувала и лаял куда-то в пространство. Я вошел во двор. Там было пусто, только какие-то цветные тряпки валялись в разных местах двора и около хауза. Дом был наглухо заколочен. Поперек входной двери была грубо прибита доска.

Высохший старик в синей чалме, кутаясь, несмотря на жару, в желтый нагольный тулук, вошел в калитку и стал подозрительно меня рассматривать. На мои рас-

спросы, дрожа зубами от приступа лихорадки, он сказал:

— Замбраил вчера уехал. А здесь скоро поселится новый владетель. Никакого Усвали я не знаю...

Много раз я безрезультатно пытался разыскать ту шакалю нору, из которой упал Усвали. Но их так много и так часто они заваливаются землей, что все мои попытки были напрасны. К тому же пришло время дождей, обвалы начали все далее разрушать русло, и я потерял последние следы, по которым мог бы найти конец подземного хода.

О „литераторе“ Петре Гаврилове

На суд наших читателей и к сведению редакций журналов

В первых числах апреля неизвестный нам Петр Павлович Гаврилов принес в редакцию весьма плохой и неграмотно отпечатанный на машинке рассказ с рукописным заглавием «Крепкие нервы». Заведующий литературным отделом указал, что он встретил рассказ на подобную тему, кажется, в иностранной литературе и что неудобно приспосабливать такой сюжет к русской жизни, если факта не было в действительности. Гаврилов обидчиво возразил, что рассказ его оригинальный, что он сам моряк, плывал на подводных лодках, работает теперь в морском архиве и очень много и долго распространялся о своих изысканиях. Автор настойчиво просил выдать ему аванс, так как он живет в Москве, а здесь находится временно, и сообщил адрес казенного учреждения и номер служебного телефона приятеля, у которого остановился. Заведующий ответил, что в рассказе есть ничемные длинноты и другие литературные недочеты, но что жизнь краснофлотцев вообще недостаточно освещена в художественной литературе и поэтому рассказ будет помещен с исправлениями и сокращениями, а оплачен может быть даже сполна до напечатания, если политредактор не встретит препятствий к его помещению.

«Крепкие нервы» были напечатаны в № 5—6 «Мира Приключений», а через несколько дней после выхода книжки журнала наш подписчик С. Калинин сообщил, что Петр Гаврилов обманул нас и тот же самый рассказ напечатал в № 8 «Всемирного Следопыта» за 1927 г. под названием «Ночевка на дне моря». При сличении оказалось, что Петр Гаврилов только изменил некоторые названия. Так, в «Следопыте» подводная лодка называется «Пантера», а у нас — «Ерш».

Скверный обман — на лицо. Петр Гаврилов сознавал, что он делает. Он понимал, что перепечатки у него не возьмут и принял все меры, чтобы рассказ сошел за новый.

И печальный, и нечистоплотный факт этот мы отдаем на суд читателей и сообщаем о нем для сведения других редакций, куда может явиться со своими произведениями Петр Павлович Гаврилов.

¹⁾ Под песнью смерти здесь подразумевается молитва о прощении грехов, поющаяся и сейчас перед смертью некоторыми орденами мусульман.

²⁾ К Тимур-у в 1404 году было послано посольство от короля Кастилии Генриха IV с богатыми подарками.

ТАЛИСМАН

Рассказ —

Иллюстрации

Г. РАДКЛИФ

— НИКА

Упорство этого существа было поразительно. Если бы я один раз сказал ему, чтобы он отправился туда, где, если верить слухам, даже жарче, чем в Египте,—но я сказал ему это раз двадцать! Ничто не могло его отогнать. Каждый раз он только отбегал на несколько шагов, чтобы через минуту вернуться. Его гнусавое хныканье раздражало, как жужжание комара.

— Мой продаст вам счастливый талисман, сэр. Оч' хороший талисман—будет оберегать хозяина и принесет ему все, что он хочет. Мой продает оч' хороший талисман.

Такова была его формула.

Это происходило возле испанского ресторана у Рамли-сквера в Александрии. Было жарко, и вид зеленого столика под тентом внушил мне непреодолимое желание выпить кружку пильзенского пива в приятной тени. Но араб—продавец талисманов, избравший меня своей жертвой, решил, что мое стремление не сбудется,—во всяком случае не сбудется до тех пор, пока я не расстанусь с пятью пиастрами за один из его талисманов.

Как раз, когда я уже готов был сдать, у меня появился союзник в лице грустного маленького хозяина испанского ресторана. Размахивая салфеткой и выбрасывая поток арабских проклятий, он скоро обратил неприятеля в бегство. Продавец талисманов скрылся. Когда он исчез, хозяин подошел к моему столику. Мы обменялись приветствиями.

— Сеньор не верит в счастливые талисманы, нет?—спросил он.

— Конечно, нет,—сказал я.—По-моему, все это глупости. Да я сам могу даром собрать на берегу дюжину камушков точно таких, как этот малый хотел мне продать. И я уверен, что они принесли бы мне столько же счастья, сколько и его талисманы.

Улыбка промелькнула на грустном лице испанца. Это была улыбка сожаления о моем невежестве.

— Легко узнать, что сеньор—англичанин,—сказал он.—Англичане и американцы люди практичные,—они верят только в то, что могут видеть и трогать руками. Но мы на Востоке не такие. Мы как раз больше всего верим в то, чего не можем видеть и трогать. Каждый испанец носит на себе талисман. Посмотрите, сеньор.

Он показал мне зеленый камень, величиной с голубиное яйцо, висевший на его часовой цепочке. За исключением просверленной в нем дыры, он был совершенно такой же, как и всякий другой зеленый камень.

— И он принес вам счастье?—спросил я.

— Еще нет, но когда-нибудь непременно принесет. Он из раки Св. Комуса в Фуенфриде. Камни никогда не изменяют тем, кто их носит. Такой же точно камень принес счастье Рамону, знаменитому матадору. Сеньор, конечно, слышал про Рамона?

— Никогда,—ответил я.

— Никогда? Да возможно ли это? Я думал, что даже в Англии вы должны были слышать про Рамона. Ему не было еще двадцати пяти лет, когда его объявили первым матадором в Испании. Я видел, как он убил семь быков, одного за другим, и каждого первым ударом шпаги. Такой ловкостью можно было гордиться!

— И вы приписываете его смелость тому, что он носил такой зеленый камень?—спросил я.

— Подождите, сеньор, я вам расскажу всю историю и тогда вы будете сами судить.

Маленький испанец кинул боязливый взгляд на дверь ресторанчика и придвинул себе стул к моему столу. Я предложил ему папиросу, он закурил и начал свой рассказ.

— Прежде всего, сеньор, вы должны знать, что Рамон матадор был красив—так красив, что когда он шел по улице,

все женщины оборачивались и вздыхали ему вслед. Могли ли они не делать этого! Он был невысок ростом, почти такой же, как я,—но гибкий и грациозный, как кошка. Даже если бы он и не был первым матадором в Испании, много женщин любило бы его ради него самого. Сеньор поймет меня, когда я скажу, что не мало было в Мадриде мужей, у которых не было причины любить Рамона-матадора. Он был молод, красив и знаменитый матадор. Разве могли они его любить?

Но настало время, когда Рамон не хотел больше знать влюбленных сеньорит. Это случилось после того, как он встретил Мерседес, дочь сеньора Антония де Чинта, который был большим чиновником, пока его не сместили за то, что он брал взятки. Рамон полюбил Мерседес с первого взгляда. После того, как он увидел ее, он бросил все свои другие увлечения, точно это были сношенные башмаки. Он вздыхал только о Мерседес. Он исхудал от тоски по ней. Даже на арене он не мог забыть ее.

Но, если бы вы, сеньор, видели в те дни Мерседес де Чинта, вы поняли бы его любовь. Она была выше Рамона и у нее была поступь королевы. Вы бы назвали ее красавицей. Я говорю про Мерседес, какой она была двадцать лет назад.

Прошло немного времени и Рамону удалось сказать ей о своей любви. Но сначала она и разговаривать с ним не хотела. У нее уже был жених. Это был Джулиан Перетц, сын старого друга Антония де Чинта. Всю ее жизнь Мерседес говорила, что она выйдет замуж за Джулиана. И до встречи с Рамоном она была довольна этим.

Но когда она узнала о страсти Рамона, дело изменилось. Джулиан не мог больше удовлетворять ее тщеславия. Она знала, что жене Рамона будут завидовать все сеньоры в Испании. И он был богат, гораздо богаче Джулиана. Ведь, выгоднее быть знаменитым матадором, чем владеть золотыми россыпями. Мерседес сказала себе, что она делает глупость, если упустит случай, посланный ей судьбой. Она решила встретиться с Рамоном и эта встреча была первой из многих встреч. Их видели вместе и начались разговоры. Очень скоро разговоры эти дошли до ушей Джулиана Перетца.

Джулиан прямо пошел в дом к де Чинта на улице Санта Инес. Мерседес выслазла слугу, чтобы он не допустил его войти, но Джулиан оттолкнул слугу и прямо прошел в гостиную, где сидела Мерседес.

Ну, сеньор, тут произошло то, что вы назвали бы дьявольской сценой. Джулиан кричал, что он убьет Рамона, Мерседес плакала. Наконец, сам Антоний де Чинта усыпал шум и пришел посмотреть, что нарушило его «снесту».

Джулиан Перетц рассказал ему все.

— Вашу дочь околдовал этот негодяй Рамон,—сказал он.—Она забыла, что была обручена со мной всю свою жизнь. Но со мной так поступать нельзя. Если она бросит меня, я убью ее и Рамона. Призываю в свидетельницы моей клятвы святую Деву.

Антония смутили слова Джулиана. Он взял сторону Джулиана потому, что, во-первых, не хотел ссориться с семьей Перетца, а, во-вторых, не желал иметь зятем прослого матадора, как бы он богат ни был. Кроме того, весь мир знал, что Джулиан Перетц человек слова и непременно сдержит клятву.

— Послушай меня, Мерседес,—сказал Антоний де Чинта,—если ты не выйдешь замуж за Джулиана, ты у решь старой девицей. Я запрещаю тебе видиться с Рамоном. Ты будешь сидеть в четырех стенах этого дома, пока не одумаешься.

Вы, сеньор, англичанин, и вероятно улыбаетесь при мысли, что отец может дать такое приказание дочери. Но в Испании иначе, чем у вас. По крайней мере, было в то время. Пока сеньорита не находила себе мужа, ей приходилось мириться с тем, что она собственностью родителей. Поэтому, когда Джулиан услышал слова де Чинта, он понял, что победил. Он поблагодарил де Чинта, поцеловал руку Мерседес и ушел веселый.

Но хотя Мерседес и не возражала отцу, она решила, что так легко не откажется от матадора. Она подкупила слугу и послала с ним записку. Рамон ответил, что будет ждать ее в назначенном месте. Когда настал час, она незаметно выскользнула из дому. Рамон ждал ее, весь горя от нетерпения.

Не могу вам сказать, что между ними произошло. Но сеньор и сам может себе представить, какие тут были нежности. Наконец, Мерседес вспомнила, что время бежит и рассказала Рамону про Джулиана и отца. Рамон выслушал и рассмеялся.

— Что мне его угрозы!—сказал он.— Мы бежим вдвоем из Мадрида. Я знаю старого священника, который повенчает нас без распросов. Когда мы вернемся, нам дела не будет до этого молодого дурака Джулиана и до твоего отца.

Мерседес затрепетала от его смелых слов. Никогда еще он не казался ей таким прекрасным.

— Когда же мы бежим?—спросила она.

— Завтра,—сказал Рамон.—Я буду ждать тебя на этом месте. Ты придешь?

— Да,—ответила Мерседес.

Но это свидание никогда не состоялось. На следующий день Мерседес получила записку от Рамона. Он писал, что в отчаянии, но он совсем забыл про большой бой быков во вторник, который приходился на праздник. Для репутации Рамона, как матадора, необходимо было оставаться в это время в Мадриде. Один из быков, которых должны были убивать во вторник, был знаменитый черный андалузец, который уже убил двух матадоров. Его прислали в Мадрид, чтоб сделать ему честь умереть от шпаги Рамона. Если Рамон не появится, все скажут, что он испугался андалузского быка. Все это Рамон бьслнял в своей записке. В конце он говорил, что они убегут на следующий же день после торжества. Он умолял ее присутствовать на бое и обещал посвятить ей черного быка.

Сначала Мерседес очень рассердилась. Это показывало ей, что Рамон ценит свою репутацию матадора больше, чем ее любовь. Но потом она успокоилась. Она послала через подкупленного слугу ответ, что бежит с Рамоном в любой день, который он выберет. Одновременно она послала ему счастливый камень из раки Св. Комуса, умоляя Рамона надеть его на себя, когда он будет биться с андалузским быком. Мерседес обещала, что камень этот принесет ему счастье. И еще она поклялась, что будет присутствовать на бое.

Сдерживать эту клятву было нелегко. Антоний Чинта долго не хотел и слушать ее мольбы. Вы поймете, синьор, почему он не хотел, чтобы она видела Рамона на арене. Он боялся, что это усилит ее страсть к матадору. Но она плакала и умоляла и ему оставалось только уступить. Он сказал, что разрешает ей пойти с тем условием, что она будет сидеть между ним и Джулианом. Да, Джулиан тоже хотел пойти. Он надеялся, что бык убьет Рамона. Он даже поставил свечу св. Людовику, чтобы это случилось.

Видел синьор когда-нибудь бой быков? Никогда? Тогда я должен объяснить ему, что тут бывает, иначе он не поймет моего рассказа. Представьте себе огромное, круглое строение, без крыши, с рядами сидений, поднимающимися одни над другими. В центре пространство, посыпанное песком и окруженное крепкой оградой. В этой ограде узкие отверстия, через которые может проскользнуть бандиллеро, если его очень будет теснить бык. Только бандиллеро может так бежать. Для матадора это считалось бы позором.

В ограде есть ворота, через которые входит бык. Он бегаёт по кругу, ищет врага. Он разрывает песок и ревет. Но арена пуста. Быку не на ком сорвать свою ярость.

Раздаются звуки труб и верхом на лошадях выезжают пиккадоры. Они вооружены тупыми копьями, которые не могут убить. Когда бык бросается на пиккадоров, они показывают свое искусство, гоня его по арене. Бывает, что бык забодает до смерти трех лошадей подряд. Пиккадором быть очень опасно.

После пиккадоров настает очередь бандиллеро. Они пешие и занимают внимание быка, пока уносят убитых лошадей. Бандиллеро—молодые люди и мечтают стать матадорами. Они стоят кругом с красными платками и когда бык бросается на них, они всаживают ему в спину и в шею стрелы и отскакивают в сторону. Когда бык обезумевает от ярости, они оставляют его.

Снова раздаются звуки труб и входит матадор. В одной руке у него короткая острая шпага, а в другой—плащ. Если он хороший матадор, он будет играть с быком прежде, чем убьет его. Под конец он наносит смертельный удар прямо между плеч. Тут нужна твердая рука. Позор, если он не убьет первым ударом.

А теперь я расскажу, что произошло в день праздника. У Мерседес не было

глаз ни для кого, кроме Рамона. Рядом с ней сидел Джулиан, злой и угрюмый. Он надеялся только на то, что его соперник будет убит.

Никогда еще Рамон не был так смел, как в этот день. Толпа кричала от восторга до хрипоты. Настал черед андалузского быка. Клянусь Св. Комусом, синьор, это был великолепный бык. Он не был жирный и глаза у него были такие хитрые. Он убивал людей и запомни это. Бык не глуп, синьор, он учит урок и запоминает. Синьор знает, что заяц может научиться убивать куницу? Он перепрыгивает через нее и разбивает ей голову своими сильными задними ногами. Так и бык может научиться обращаться с матадором и тогда он уже ничего не боится.

Когда огромный бык увидел пиккадоров, он не стал тратить на них силы. Он знал уже, что они не настоящие враги. Но, все таки, одной лошади он сломал спину. Пиккадору пришлось бежать, чтобы спасти свою жизнь. Ничего не могли сделать с быком и бандиллеро. По правде говоря, они боялись слишком-то к нему подходить. Они издали размахивали руками, шалами и швыряли стрелы, но бык не желал кидаться на них. Он берег свои силы для матадора, Говорю вам, синьор, этот бык был умен, как человек.

Наконец, бандиллеро удалились под смех публики, протрубили трубы и Рамон перепрыгнул через ограду. Представьте себе, что он должен был испытать в эту минуту! Это был решительный час для его карьеры. Перед глазами всего Мадрида он должен был убить самого знаменитого в Испании быка и за ним следила Мерседес, любимая женщина. Будь у него рыбаья кровь и та бы согрелась в такую минуту. А он был южанин! Да и для того, чтобы стать матадором, нужно иметь темперамент артиста. Так вы представляете себе, что чувствовал Рамон, когда очутился лицом к лицу с черным андалузцем. Он весь горел для великих подвигов.

Прежде, чем направиться к быку, он обернулся взглянуть на Мерседес и показал ей рукой, что приколол к груди ее счастливый камень, как брошь. Потом он крикнул так, чтобы все могли слышать:

— Посвящаю этого быка Мерседес де Чинта!

Толпа редела от восторга. Молчали только Джулиан и Антоний де Чинта. О чувствах же Мерседес вы сами догадываетесь, синьор. Она готова была потерять сознание от волнения. Рядом с ней Джулиан молил св. Людовика, чтобы бык убил Рамона.

Потом дуэль началась. Рамон стал наступать на быка. Животное следило за ним хитрыми глазами. Оно опустило голову и рыло песок,—песок, впитавший уже так много крови. Публика затаила дыхание. Момент был напряженный.

Вдруг бык кинулся на матадора. Рамон отскочил в сторону в последнее возможное мгновение, но бык круто повернул с уди-

Мерседес.

Потом он стал показывать свое искусство. Он играл с быком, точно это был котенок. Клянусь св. Комусом, и рисковал же он! Публика молчала, она была слишком взволнована, чтобы аплодировать. Каждый раз, когда Рамон увертывался от быка, он смотрел на Мерседес и дотрагивался до счастливого камня на груди. Это был знак того, что он верит, что камень его сохранит.

Бык начал уставать. Он перестал бросаться и все поняли, что настал черед Рамона нанести смертельный удар. Это был самый опасный момент. Понимаете, синьор, матадор должен наклониться над рогами, чтобы ударить прямо между плеч. Если он промахнется с таким быком, как этот андалузец, ему не миновать смерти.

Рамон стал очень медленно приближаться к быку, прикрываясь плащом. Он шел на ципочках, вытянувшись как змея, готовая ужалить. Но бык был слишком умен, чтобы бросаться на плащ. Толпа ждала, как зачарованная. Смерть подстерегала на арене либо Рамона, либо быка. Кого она возьмет?

Вдруг бык точно потерял терпение. Он сорвался с места и стрелой помчался на матадора. Теперь пришло время действо-

вательной ловкостью. Он почти достиг Рамона.

Но недаром считался Рамон первым матадором в Испании. Он опять отскочил в сторону и ударил промчавшегося мимо быка шпагой в бок. Потом он поднял голову, взглянул на Мерседес и засмеялся.

вать Рамону. Он встал в позу, весь напряженный, как стальная пружина.

Тут-то и произошел несчастный случай. Я уже сказал вам, что на груди Рамона был приколот счастливый камень, подаренный ему Мерседес. И вот, как раз в этот критический момент, булавка откололась и камень упал на ногу Рамона.

Вам, синьор, это кажется незначительной мелочью, но если бы вы видели матадора, готового к смертельному удару, вы поняли бы, какой это был серьезный случай в такую минуту. Камень на одну секунду отвлек его внимание от быка. Равновесие Рамона было нарушено.

Бык наступил ему прежде, чем он снова овладел собой: Рамон ударил слишком быстро и только подарапал ему плечо. Толпа вскрикнула одним криком ужаса. Мы думали, что Рамон мертв. Но нет. Он отскочил назад и повернулся, чтобы бежать. Мы синьор, играли в футбол и поймете, что тут сделал с Рамоном бык. Он так подбросил его, что Рамон перелетел прямо через ограду и очутился в сидячем положении по ту сторону ее.

Наша толпа в Мадриде очень изменчивая, синьор. Когда они увидели, что Рамон невредим, они стали смеяться над ним. Они не знали настоящей причины его неудачи и думали, что он бежал из трусости. Да и правда, смешно было видеть, как Рамон перелетел через ограду. И они смеялись и смеялись, и громко хвалили быка. Они кричали, что его надо отослать обратно в Андалузию, чтобы он спокойно кончил свои дни. Это, кажется, так и было сделано; потому что в Испании не было больше ни одного матадора, который решился бы выйти на бой с этим быком.

Когда Рамон встал на ноги, лицо его было черно от стыда и ярости. Он предпочел бы смерть на рогах быка такому позору. И он винил в своем несчастье Мерседес, потому что она заставила его на-

Камень—талисман упал на ногу Рамона и отвлек его внимание от быка...

деть камень. Любовь его в эту минуту превратилась в ненависть. Он грозил Мерседес кулаками и выкрикивал проклятия. Потом он повернулся и убежал от смеха, сводившего его с ума.

В эту ночь он уехал из Мадрида, чтобы никогда не возвращаться. С Мерседес де Чинта у него не было никаких разговоров. Теперь он живет в Южной Америке на ферме, которую купил себе на свои заработки. Он женился на другой женщине и у него десять человек детей. Говорят, что он очень счастлив.

Маленький испанец с грустным лицом бросил на дверь рестораничка тревожный взгляд. Я удивленно смотрел на него. Не такого конца я ожидал. Я был уверен, что счастливый камень чудесно спасет Рамона от смерти.

— Так камень принес несчастье! — воскликнул я. — Мне казалось, что вы сказали, что это был счастливый камень?...

Маленький человек ничего не ответил. Он с нервным напряжением следил за дверью ресторана. Раздались звуки тяжелых шагов и появилась женщина. Это было огромное существо, заросшее волосами, как людоедка. Лицо ее было угрюмо и неприветливо, как скала Гибралтара. Уперев руки в могучие бока, она угрожающе стала надвигаться на нас.

— Джулиан! — произнесла она голосом, напоминавшим извержение Везувия. — Джулиан!

Как хорошо выученный солдат, вскочил на ноги маленький хозяин ресторана. Глаза его были полны тоски, когда он поклонился мне.

— Синьор извинит меня... Это моя жена... Adios, синьор...

Он повернулся к людоедке и сказал ей что-то по-испански. Я мог разобрать только одно слово: «Мерседес».

Тут только я понял... Я разговаривал с самим Джулианом Перетцом.

Я встал и покинул ресторан.

На углу сквера уличный торговец, упомянутый вначале, лежал в засаде. Я вынул монету в десять пиастров.

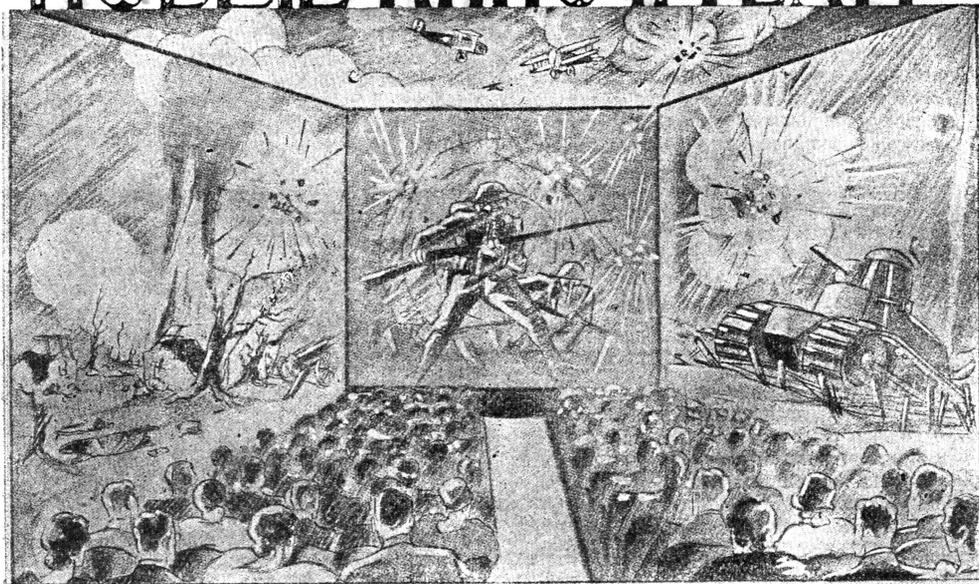
— Я возьму у вас два талисмана, — сказал я.

В конце кондов не даром говорят о счастии. Ведь, нет сомнения, что Рамон матадор едва не погубил своей жизни.

а был самый критический момент...

НОВЫЕ КИНО и ТЕАТР

ЧЕТЫРЕХЭКРАННОЕ КИНО

В Америке вводится совершенно новый тип кино, как бы выводящий зрителя из роли далекого наблюдателя и делающий его непосредственным очевидцем развития событий в самом центре их.

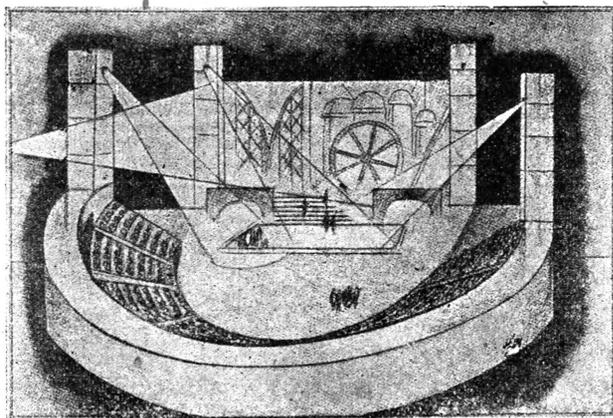
Новый кино-театр будет иметь четыре экрана. Фильмы на экранах могут показываться одновременно и самые стены театра будут мгновенно изменяться, как соответствующая картина рамка. Все зрители будут сидеть в одном плане. Весь длинный театральный зал будет одним огромным четырехсторонним экраном. На боковых

стенах и на потолке черные экраны. Верхний экран спускается покато к сцене, где расположен белый и закругленный экран в форме блюда, чтобы выправлять угол зрения зрителей, сидящих в различных местах театра. Когда картины будут даваться на всех 4-х экранах, зритель поистине будет «весь погружен» в драму, показываемую в театре. В военном фильме, как на нашем рисунке, над головами зрителей могут летать аэропланы, в то время, как сама драма будет разворачиваться на закругленном экране, а танки и войска будут наступать с боков.

ТЕАТР ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

В немецком научном журнале описывается театр, построенный под открытым небом в форме греческого амфитеатра.

Зрители, не напрягая шеи, могут видеть окружающие горы, как фон, и на горизонте силуэт города. Места для зрителей заключены между двумя огромными и башнями. Множество рядов сидячих мест расположено амфитеатром. Декорации и театральное оборудование помещаются на

террасе, которая на рисунке видна в глубине. У каждого входа по две вращающиеся башни, снабженные сильными фонарями,

которые горят при вечерних представлениях. Две башни по обе стороны сцены поддерживают экран для кинопредставлений, а также для проектирования декораций во время театральных представлений. Как и в древнегреческом театре, — сцена и зрители объединены здесь в одно.

КОНКУРС № 14

Надо решить три помещенных здесь задачи №№ 49, 50 и 51. Качество решений оценивается очками, согласно указаниям в заголовках самых задач. Еще пол-очка дополнительно может быть прибавлено за тщательность и аккуратность в выполнении решений, при соблюдении, конечно, всех требуемых условий. Те участники конкурса, которые соберут в сумме наибольшее число очков, премируются следующими 10 премиями (при равенстве очков применяется жребий).

1-я премия. Мятлев. Сенсации г-жи Курдюковой. Худ. изд.

2-я премия. Дни Триагоиа. Арест Марии Антуанетты.

3-я премия. Старика и быт Средней Азии.

4-я премия. «Гений и творчество».

5-я — 10 премий. Любые из имеющихся изданий П. П. Сойкина на сумму до 2 руб.

Все решения по конкурсу должны быть изложены на отдельном листе, сверху коего должны быть указаны фамилия, адрес и № подписного билета (или взамен того наклеен адрес с бандероли, под которой получается журнал). На конверте надо делать надпись: — «В отделе задач».

Срок присылки решений — 5 недель после отправления этого номера журнала почтой из Ленинграда.

Ртутный барометр. — Задача № 49. 3 очка.

Некий изобретатель получил патент на ртутный барометр с укороченной трубкой такого устройства. Берется стеклянная трубка длиной примерно в 30 — 40 см, замкнутая с одного конца, наполняется ртутью до-верху и затем быстро опрокидывается в открытую коробочку, наполненную ртутью же примерно до половины. Так как длина трубки менее 760 мм, то давление ртути в трубке будет меньше давления атмосферы на поверхность ртути в коробочке и никакой пустоты в трубке не образуется. Но запаяем коробочку (герметически) крышкой с эластичной поверхностью и будем выкачивать воздух, оставшийся в коробке над ртутью. Настанет момент, когда ртуть в трубке станет опускаться, образуя сверху ее торричеллеву пустоту (см. схему). Тогда взятая трубка делается барометрической, так как всякие изменения наружного давления, атмосферы будут передаваться через эластичную крышку на ртуть в коробке и, — следовательно, — на уровень в трубке. Градуировка шкалы трубки может быть сделана опытным путем, — по сравнению с показаниями другого выверенного барометра.

Если теоретическое обоснование подобного барометра сомнений и не возбуждает, то будет ли он все же пригоден для своего назначения на практике?

Деление шестиугольника. — Задача № 50. 3 Очка.

Надо разделить правильный шестиугольник на наименьшее число долей, из коих можно составить четыре равных шестиугольника, тоже правильных (никаких остатков быть не должно). При этом надо указать три разных случая, когда из числа искоемых шестиугольников выходят целыми долями (несоставными) последовательно 1, 2 и 3 фигуры.

Пионеры с фруктами. — Задача № 51. 3 очка.

Два пионера, имея вместе 78 коп., купили в ларьке 8 яблок и 4 груши, заплатив за них 44 коп. Не найдя других лакомств по вкусу, они купили в том же ларьке и по прежней цене на все остальные деньги еще 3 яблока и 5 груш. Как поделить пионерам все фрукты, не разрезая их, чтобы каждый получил на равную сумму? — Решение должно быть исключительно арифметическим.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

НЕ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ РАССКАЗЫ:

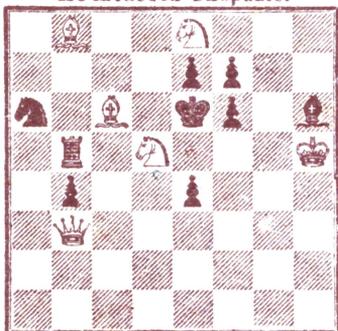
«Месть сумасшедшего». — Тайна профессора». — «Роза». — «Страна без возврата». — «Остров св. Марии». — «Два смертных приговора». — «Исчезновение профессора Эванса». — «Ночь на водочке». — «Когда омыл два солдата». — «Случай из жизни Ивана Петровича». — «25-го октября». — «Нападение». — «Благотель Джек Блекфорд». — «Пассажир». — «Два Робинзона». — «Почти бессмертный». — «Как я путешествовал по Волге». — «Преступление». — «Голуб». — «Обновленная земля». — «Жемчужное ожерелье». — «Радикальное средство». — «Дикая Америка в Старом Петербурге». — «Африканские танцы». — «Кукушка». — «Семь червоицев». — «Таская Бель». — «В подвале». — «Опыт». — «Дело Гарда». — «Радно-свадьба». — «Масал старого Али». — «Двойная жизнь». — «Багровый глаз». — «Путешествие по солнечной системе». — «Бычуганы». — «На медведя». — «За гранью веков». — «Дискиа Перльса». — «Свадьба на море». — «Книга о зверях, называемых дикими. Льюида Уара».

В. Г (Ленинград). — Как повинку Вы предлагаете нам «неопоявлявшийся на русском языке» «новый» рассказ Дж. Лондона «Голуб». Он напечатан 8 года назад в «Мире Приключений».

КОНКУРС № 16

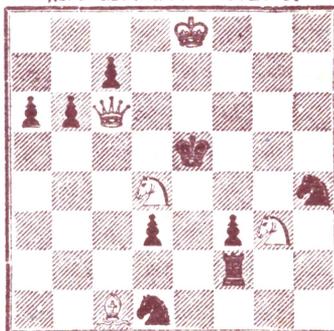
Задача № 31.
И. Гордеева (Томск).
Печатается впервые.

Кр. h5, Ф b3, С b8, с6, К d5, е8.
Кр. е6, Л b5, С h6, К а6, П b4, е4, е7,
f7, f6.

Мат в 2 хода.

Задача № 32.
О. Дураса (Прага).
„De Maasbode“ 1928 г.

Кр. е8, Ф с6, С с1, К d4, g3.
Кр. е5, Л f2, К d1, h4, П а6, b6, с7, d3,
f3.

Мат в 3 хода.

За правильные и исчерпывающие решения обеих задач подписчикам журнала «Мир Приключений» будут выданы 3 приза: 1) Словарь шахматиста, 2) Тоже, что и 1, 3) Кмох, Защита в шахматной партии и календарь шахматиста.

Решения следует направлять исключительно по адресу редактора отдела: Ленинград, Вас. О., 10 линия, № 39, кв. 63, Арвиду Ивановичу Куббелю. Последний срок отсылки решений через месяц после отправления этого номера почтой из Ленинграда. Право на участие в розыгрыше премий имеют только подписчики: индивидуальный, каждый участник коллективной подписки и каждый член семьи подписавшегося, нужно лишь наклеить ярлык с бандероли или указать № подписки.

Окончание № 3.

Играна в чемпионате Союза Химиков в гор. Ленинграде 1929 г.

Черные: Арв. Куббель.

Белые: Л. И. Куббель.

Белые сыграли 39. К d4 (Для создания осложненных белые жертвуют ферзя, т. к. при отступлении ферзем на h3 черные отвечают Кр. е8 и у белых никаких шансов) Л h8 40. Ф : g7 + Л : g7 41. Л : h8. Здесь черные записали сильнейший ход Ф b4, после чего белые при возобновлении партии немедленно сдались. Предлагаем вниманию читателей следующие интересные варианты: 42. Л d1 (очевидно, единственное) Ф с3! (на естественный ход Кр g6 может последовать 43. d6! К е5, но не с7 : d6 в виду 44. К с6, 44. d6 : с7 и если теперь К g4 + то 45. Кр g3! Л : с7 46. К : f5! с неприятностями для черных) 43. С b1 (если 43. Л с8, то, конечно Л h7) f4! 44. К f5 Ф b2 + 45. Кр g1, f3 46. Л h2, Ф е5 47. К : g7 Кр : e7 и выигр.

ХРОНИКА

Финал Большого Чемпионата г. Ленинграда не принес неожиданностей: на первых местах оказались мастера: 1. Ильин-Женевский 5 1/2 (из 7), 2. и 3. Модель и Романовский 4 1/2. За ними следуют Рохлин 4, 4. Куббель и Степанов 3, Алаторцев 2 1/2, Цицунов 1 (м. Куббель уступил место в финале своему брату Леониду).

Обратная картина наблюдалась в Большом Чемпионате г. Москвы. Там впереди представители молодежи: 1. Панов 11 1/2 (из 14), 2. Рюмин 10 1/2, 3. Левин 9. Лишь на четвертом месте м. Григорьев 8 1/2, 5. Сло-

мин 7 1/2. Без приза остались м. Зубарева, Коц и Штерн 7 и т. д.

Чемпионаты отдельных Союзов в Ленинграде (см. «М.Пр.» № 3/4) прошли в острой борьбе. У Раброса 1, м. Ботвинник 11 1/2 (из 14), 2. и 3. м. Романовский и Батуев 10 1/2, 4. Шебаршин 10, причем Ботвинник и Батуев прошли без поражения. У Ишцевиков 1. Рогозин 12 1/2 (из 15), 2. и 3. м. Готгильф и Успенский 11 1/2, 4. Мясоедов 10 1/2, 5. м. Модель 10. У Химиков 1. Л. Куббель 10 (из 11), 2. м. Куббель 9, без поражения, 3. Травин 8 1/2 (проиграл обоим бр. Куббель).